

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

A detailed line drawing of a classical building facade, likely the European Institute building in Moscow. The drawing shows a multi-story structure with a prominent portico on the ground floor supported by columns. The upper floors feature windows with decorative moldings and cornices. The drawing is rendered in a clean, minimalist style using black lines on a white background.

**ЭТНИЧНОСТЬ,
МИГРАЦИОННЫЕ
И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ**

МОСКВА
ИЕ РАН
2024

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**ЭТНИЧНОСТЬ, МИГРАЦИОННЫЕ
И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ**

**Доклады Института Европы
№ 413**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2024**

УДК 323/325(4)

ББК 66.3(4)

Э91

Редакционный совет:

**Н.Б. Кондратьева (председатель), А.И. Бажан,
В.Б. Белов, О.В. Буторина, К.Н. Гусев, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потёмкина**

Ответственный редактор Л.О. Бабынина,
редактор Е.В. Дрожжина

Рецензенты:

Годованюк Кира Анатольевна, к.полит.н., ИЕ РАН
Полывинный Дмитрий Игоревич, д.и.н., ИвГУ

Тема НИР FMZS-2024-0005

«Современные проблемы европейской интеграции (2024-2026 гг.)»

Этничность, миграционные и электоральные процессы в современной Европе = Ethnicity, migration and electoral processes in contemporary Europe : [монография] / [Л.О. Бабынина и др.]. – М.: Ин-т Европы РАН, 2024. – 132 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 413). – Парал. тит. л. англ. –DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report72024_413. – ISBN 978-5-98163-223-5. EDN: VRCBZZ.

В коллективной монографии изучено сочетание этнополитических, миграционных и электоральных процессов в странах современной Европы; проанализированы ответы Европейского союза и отдельных политических сил на миграционные вызовы, особенности деятельности и дискурса этнорегиональных и националистических партий, изменение этнического баланса в отдельных странах и регионах.

Авторский коллектив: Л.О. Бабынина (введение, гл. 12, заключение); Д.Ю. Базаркина (гл. 4); Л.С. Биссон (гл. 3); В.В. Войников (гл. 1); А.О. Доманов (гл. 9); Л.С. Жирнова (гл. 8); П.Е. Кандель (гл. 6); М.И. Кришталь (гл. 5); Е.А. Маслова, С.В. Матюшкин (гл. 11); О.Ю. Потемкина, Л.С. Биссон, А.В. Шогунц (гл. 2); Е.А. Сергеев (гл. 7); Л.Н. Туров (гл. 10).

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report72024_413

© ИЕ РАН, 2024

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**ETHNICITY, MIGRATION AND ELECTORAL
PROCESSES IN CONTEMPORARY EUROPE**

Reports of the Institute of Europe

№ 413

Monography

Moscow

IE RAS

2024

Аннотация

В монографии изучено сочетание этнополитических, миграционных и электоральных процессов в странах современной Европы. Авторы используют качественные и количественные методы исследований в рамках политологического подхода. В работе анализируются попытки институтов и государств Европейского союза решить разнообразные проблемы, связанные с постоянно растущим притоком иноэтничных мигрантов, провести реформы миграционной политики и политики предоставления убежища. Исследованы также роль этничности в электоральных процессах, влияние на них миграции, деятельность и дискурсивные практики этнорегиональных и националистических партий в странах Европы, представлена попытка их классификации. Формирование этнических анклавов, изменение этноконфессионального баланса и угроза ирредентизма в отдельных регионах Европы также находятся в предметном поле изучения авторов. Отдельное внимание уделено проблеме использования искусственного интеллекта экстремистскими и террористическими организациями и борьбе с такими проявлениями.

Annotation

The monograph examines the combination of ethno-political, migration and electoral processes in contemporary European countries. The authors use both qualitative and quantitative research methods within the framework of a political science approach. The paper analyzes the attempts of European Union institutions and member-states to address various challenges associated with the continuously growing influx of ethnically diverse migrants, implement reforms in migration and asylum policy. The role of ethnicity in electoral processes, the influence of migration on them, the activities and discursive practices of ethno-regional and nationalist parties in European countries are also studied, as well as an attempt to classify them. The formation of ethnic enclaves, changes in the ethno-confessional balance, and the threat of irredentism in certain regions of Europe are also within the authors' scope of study. Special attention is paid to the problem of extremist and terrorist organizations using artificial intelligence and efforts to combat these phenomena.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Часть I. Этничность и миграционные процессы в Европе ..	9
Глава 1. Проблемы и перспективы развития Общей европейской системы предоставления убежища.....	9
Глава 2. Возврат и реадмиссия как инструменты противодействия нелегальной миграции.....	19
Глава 3. Факторы формирования этномиграционных анклавов в условиях современных городов.....	30
Глава 4. Угроза использования искусственного интеллекта в социальной инженерии террористов.....	36
Часть II. Этничность и электоральные процессы в Европе	45
Глава 5. Подходы к классификации этнических партий сквозь призму векторов их взаимодействия.....	45
Глава 6. Националистические сюжеты на последних выборах в странах Юго-Восточной Европы.....	51
Глава 7. Миграционный вопрос и правые популисты в Бельгии и Нидерландах в 2023–2024 гг.	61
Глава 8. Волны очарования и разочарования: динамический эффект соседства в Латвии.....	72
Глава 9. Тематика справедливости в экологическом дискурсе правых евроскептических евродепутатов.....	83
Часть III. Национальная специфика: этнонационализм в странах Европы	91
Глава 10. Ирредентизм в дискурсе крайне правых партий Восточной Европы.....	91
Глава 11. «Альбанези» в этносоциальном ландшафте Италии.....	99
Глава 12. Всеобщая перепись населения в Северной Ирландии: смещение этнополитического баланса	
Заключение	118
Литература	120
Об авторах	127

CONTENTS

Introduction	7
Part I. Ethnicity and migration processes in Europe	9
Chapter 1. Issues and prospects of development of the Common European asylum system.....	9
Chapter 2. Return and readmission as tools for combating illegal migration.....	19
Chapter 3. Factors in the formation of ethnic migration enclaves in modern cities.....	30
Chapter 4. The threat of using artificial intelligence in terrorist social engineering.....	36
Part II. Ethnicity and electoral processes in Europe	45
Chapter 5. Approaches to classifying ethnic parties through the lens of their interaction vectors.....	45
Chapter 6. Nationalist themes in the recent elections in Southeast European countries.....	51
Chapter 7. Migration and right-wing populists in Belgium and the Netherlands in 2023–2024.....	61
Chapter 8. Waves of charm and disillusionment: the dynamic neighborhood effect in Latvia.....	72
Chapter 9. Justice topic in right Eurosceptic MEPs’ ecological discourse.....	83
Part III. National specifics: ethnonationalism in European countries	91
Chapter 10. Irredentism in the discourse of the far-right parties of Eastern Europe.....	91
Chapter 11. «Albanesi» in the ethno-social landscape of Italy.....	99
Chapter 12. The General Census in Northern Ireland: shifting the ethnopolitical balance	
Conclusion	118
Literature	120
About the authors	127

ВВЕДЕНИЕ

Этничность выступает неотъемлемой характеристикой современного общества и оказывает влияние на разные стороны его жизни. В странах Европы этнический фактор часто влияет на внутреннее устройство государств, их стабильность и безопасность. В последние десятилетия одной из актуальных проблем Европы и Европейского союза, в частности, стал рост миграционных потоков, в том числе плохо контролируемая нелегальная иммиграция. Изменение привычного этнического ландшафта, появление новых этнических и конфессиональных групп в странах ЕС вследствие резкого увеличения численности мигрантов ведёт к изменениям на законодательном уровне и в электоральных предпочтениях граждан. Этот многогранный спектр вопросов постарались осветить авторы данной монографии.

Коллективная монография «Этничность, миграционные и электоральные процессы в современной Европе», представленная читателю, продолжает цикл трудов, вышедших в 2022 и 2023 гг. в серии Доклады Института Европы РАН¹. Работу над данной тематикой курирует Отдел исследований европейской интеграции ИЕ РАН, привлекая к сотрудничеству учёных из других научных центров. В данной монографии представлены результаты исследований специалистов из ИЕ РАН, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, Балтийского федерального университета им. И. Канта. Авторы, сочетая качественные и количественные методы исследований, рассматривают этнополитические процессы в институциональном, нормативном, демографическом, социально-экономическом и политическом измерениях.

Первая часть коллективной монографии посвящена проблемам миграции, предоставления убежища и формирования иноэтнических групп в странах Европейского союза. В.В. Войников, сочетая политологический и юридический подходы, анализирует реформу Европейской системы предоставления убежища, отмечая её противоречивость и несоответствие деклариру-

¹ Этническая политика: конфликтные, миграционные и электоральные аспекты / отв. ред. П.В. Осолков. М.: ИЕ РАН, 2023. 124 с.; Этнополитические процессы в современной Европе / отв. ред. П.В. Осолков. М.: ИЕ РАН, 2022. 168 с.

емым принципам соблюдения прав человека в ЕС. Тему борьбы с нелегальной иммиграцией продолжают О.Ю. Потемкина, Л.С. Биссон и А.В. Шогунц. Они подробно рассматривают нормативную базу ЕС по процедуре высылки нелегальных иммигрантов, а также практику заключения соглашений о реадмиссии, изучают опыт Евросоюза и России. Л.С. Биссон отмечает положительные и отрицательные последствия компактного проживания этномиграционных групп в крупных городах мира, обращая внимание на отличительные черты, свойственные российским мегаполисам. Д.Ю. Базаркина исследует методы социальной инженерии, применяемые террористическими организациями, подчёркивая опасность использования ими искусственного интеллекта для привлечения сторонников.

Во второй части книги авторы анализируют влияние этнические факторы на партийно-политическую динамику европейских стран, результаты голосования на региональных, национальных и общеевропейских выборах. М.И. Кристаль делает успешную попытку классификации этнических партий, рассматривая в качестве критериев уровень их взаимодействия с национальными группами, центральными правительствами, материнскими государствами и Евросоюзом. П.Е. Кандель критически оценивает присутствие националистических сюжетов в электоральной повестке балканских стран, делая вывод, что использование таких настроений почти нигде не привело к доминированию тех партий, которые это делают. Е.А. Сергеев, изучая дискурс правопопулистских партий в Бельгии и Нидерландах, приходит к выводу, что их популярность у населения реально может привести к ужесточению миграционной политики государств. Л.С. Жирнова, применяя пространственно-временной анализ автокорреляции электоральных предпочтений граждан Латвии, исследует результаты этнического голосования в Латвии и изменения в предпочтениях русскоязычного электората в разных регионах страны. А.О. Доманов даёт характеристику дискурса правых евроскептиков в Европарламенте в отношении экологических инициатив ЕС, анализирует его популистскую составляющую.

Третья часть представленной работы посвящена вопросам этнической составляющей в развитии различных стран и регио-

нов. Л.Н. Туров анализирует позиции правых партий Восточной Европы в отношении территорий, населённых этническими меньшинствами, и их политические предпочтения. Е.А. Маслова и С.В. Матюшкин исследуют историю становления, статус и современное положение албанской диаспоры в Италии. Л.О. Бабынина анализирует данные прошедшей переписи населения в Северной Ирландии и более поздних опросов общественного мнения; автор приходит к выводу, что бинарное деление в регионе на две противоборствующие общины перестало отвечать действительности.

ЧАСТЬ I. ЭТНИЧНОСТЬ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УБЕЖИЩА

В октябре 2024 г. исполняется 25 лет принятию решения о создании в рамках ЕС Общей европейской системы предоставления убежища (ОЕСУ). Согласно заключению Европейского совета в Тампере², она должна базироваться на полном и всеобъемлющем применении Женевской конвенции и гарантировать, что никто не будет отправлен обратно, если может подвергнуться преследованию (п. 13). Члены Европейского совета обозначили своей целью построение открытого и безопасного Европейского союза, полностью приверженного обязательствам Женевской конвенции о статусе беженцев и других соответствующих документов по правам человека, способного реагировать на гуманитарные потребности на основе солидарности (п. 4).

За прошедшее время ситуация внутри ЕС и за его пределами настолько изменилась, что цели, заложенные в программе Тампере, кажутся весьма далёкими от реальности. Несмотря на то что чиновники ЕС продолжают оперировать теми же катего-

² Tampere European Council 15 and 16 October 1999. Presidency Conclusions. URL: https://www.europarl.europa.eu/summits/tam_en.htm (дата обращения 10.01.2024).

риями, солидарность, соблюдение прав человека и приверженность Женевской конвенции всё больше приобретают декларативный характер.

За почти 25-летнюю историю более половины указанного периода Общая европейская система предоставления убежища находится в состоянии кризиса, вызванного усилением миграционного давления и неспособностью государств-членов эффективно управлять миграционными потоками.

Если в 1999 г. разработчики программы Тампере видели свою цель в том, чтобы в ЕС работала эффективная система предоставления убежища и каждый нуждающийся мог бы получить защиту, то сейчас цель чиновников Союза состоит в том, чтобы закрыть от нежелательных иммигрантов границы ЕС, при этом легальные пути получения убежища в Союзе весьма ограничены. В результате для иммигрантов Европейский союз из открытого и безопасного объединения превращается в неприступную крепость.

Общая европейская система предоставления убежища представляет собой правовую и политическую основу, разработанную для обеспечения гармонизированных и единых стандартов для лиц, ищущих международную защиту в ЕС. Однако она включает не только правовые и политические компоненты, но правоприменительный, который отражает характер применения установленных предписаний на практике.

Говоря о правоприменительном компоненте, систему предоставления убежища в ЕС стоит рассматривать в широком смысле как комплекс мер, включающих действия по охране границ, пограничному контролю, предоставлению международной защиты и, при необходимости, высылке нелегальных иммигрантов.

Цель настоящей главы состоит в том, чтобы определить, какое воздействие может оказать проводимая реформа законодательства об убежище на текущую практику государств-членов в области иммиграции и убежища.

После кризиса 2015 г. ЕС приступил к масштабному реформированию Общей европейской системы предоставления убежища, которая должна была обеспечить её адаптацию к новым вызовам и решить накопившиеся проблемы. Весной 2016 г. Ев-

ропейская комиссия (ЕК) подготовила проекты основных правовых актов, составляющих правовую основу ОЕСУ. Таким образом, Комиссия намеревалась принять третье поколение законодательства об убежище.

В сентябре 2020 г. ввиду провала реформы системы предоставления убежища ЕК подготовила новый Пакт о миграции и убежище³. Вместе с Пактом Комиссия представила пакет из пяти законопроектов, часть из которых представляла собой изменения ранее представленных предложений, а часть – новые законодательные акты.

Согласно позиции Европейской комиссии, представленный Пакт означает новый старт («*fresh start*») в решении задачи по созданию справедливой системы предоставления убежища. Комиссия заявила о кардинальном изменении подходов к регулированию проблемы. В действительности анализ представленных законопроектов позволяет сделать вывод о том, что Комиссия практически представила те же предложения, только в новой «упаковке»⁴. Институты Союза неоднократно пересматривали внесённые законопроекты, указанный пакет корректировался, уточнялся и дополнялся.

В июне 2022 г. Комитет постоянных представителей согласовал⁵ проекты регламента о базе данных Евродак⁶ и регламен-

³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: on a New pact on migration and asylum. Brussels, 23.9.2020. COM(2020) 609 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:85ff8b4f-ff13-11ea-b44f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_3&format=PDF (дата обращения 10.11.2023).

⁴ Maiani F. A «fresh start» or one more clunker? Dublin and Solidarity in the New Pact. Special series of post on the «New Migration Pact» edited by prof. Daniel Thym. EU immigration and asylum law and policy. Droit et Politique de l'Immigration et de l'Asile de l'UE. 2020. URL: <https://eumigrationlawblog.eu/a-fresh-start-or-one-more-clunker-dublin-and-solidarity-in-the-new-pact/> (дата обращения 10.11.2023).

⁵ Asylum and migration: the Council approves negotiating mandates on the Eurodac and screening regulations and 21 states adopt a declaration on solidarity. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/22/migration-and-asylum-pact-council-adopts-negotiating-mandates-on-the-eurodac-and-screening-regulations/> (дата обращения 10.11.2023).

⁶ Amended proposal for a Regulation of the European parliament and of the Council on the establishment of «Eurodac» for the comparison of biometric data for the effective application of Regulation (EU) XXX/XXX [Regulation on asylum and

та о скрининге (проверка) граждан третьих стран⁷. Спустя год Советом был согласован общий подход в отношении переговорной позиции с парламентом по проекту регламента об управлении миграцией и убежищем⁸, а также проекту процедурного регламента⁹. А 4 октября 2023 г. члены комитета постоянных представителей достигли согласия¹⁰ в отношении проекта регламента о ситуациях кризиса и форс-мажора в области миграции и убежища, включая инструментализацию мигрантов¹¹. Надо отметить, что по данному вопросу Совету не удалось достичь единогласия, поскольку Польша и Венгрия голосовали против, при этом Австрия, Чехия и Словакия воздержались¹². 20 декабря

migration management] and of Regulation (EU) XXX/XXX [Resettlement Regulation], for identifying an illegally staying third-country national or stateless person and on requests for the comparison with Eurodac data by Member States' law enforcement authorities and Europol for law enforcement purposes and amending Regulations (EU) 2018/1240 and (EU) 2019/818. COM/2020/614 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2020:614:FIN> (дата обращения 10.11.2023).

⁷ Proposal for a Regulation of the European parliament and of the Council introducing a screening of third country nationals at the external borders and amending Regulations (EC) N 767/2008, (EU) 2017/2226, (EU) 2018/1240 and (EU) 2019/817. COM/2020/612 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2020:612:FIN> (дата обращения 10.11.2023).

⁸ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on asylum and migration management and amending Council Directive (EC) 2003/109 and the proposed Regulation (EU) XXX/XXX [Asylum and Migration Fund] 10084/23. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10443-2023-INIT/en/pdf> (дата обращения 10.11.2023).

⁹ Amended proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a common procedure for international protection in the Union and repealing Directive 2013/32/EU. 10083/23 URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10444-2023-INIT/en/pdf> (дата обращения 10.11.2023).

¹⁰ Migration policy: Council agrees mandate on EU law dealing with crisis situations. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/10/04/migration-policy-council-agrees-mandate-on-eu-law-dealing-with-crisis-situations/> (дата обращения 10.11.2023).

¹¹ «Инструментализация миграции» – новое определение Комиссии для кризисной ситуации на границе: «ситуация, в которой третья страна провоцирует незаконные миграционные потоки в Евросоюз, активно поощряя или облегчая передвижение граждан к внешним границам», с целью «дестабилизировать Союз или государство-член». Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council addressing situations of crisis and force majeure in the field of migration and asylum. 13739/23. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/67070/st13800-en23.pdf> (дата обращения 10.11.2023).

¹² Olivia Sundberg Diez. EU Crisis Regulation: Securing reforms or constructing a

2023 г. представители Совета и Европейского парламента достигли политического соглашения по основным элементам пяти ключевых регламентов в области иммиграции и убежища. После финальной доработки законопроектов ЕП и Совет утвердили их в апреле и мае в 2024 г. соответственно¹³.

Чиновники ЕС и часть национальных политиков назвали согласование пакета законопроектов, предусмотренных Пактом о миграции и убежище, историческим событием, которое знаменует собой крупный прорыв на пути к созданию общей системы управления миграцией в ЕС¹⁴.

Однако правозащитные организации и ряд политических партий не разделили оптимизма официальных лиц, считая, что проводимая реформа будет способствовать построению «жесткой системы»¹⁵, которая станет неработоспособной и приведет к ещё большему ущемлению прав соискателей убежища¹⁶. По их мнению, новое законодательство может существенно ухудшить гуманитарную ситуацию. Во-первых, проект процедурного регламента существенно расширяет случаи применения т.н. ускоренной (ст. 40) или пограничной процедуры (ст. 41). В частности, они подлежат применению ко всем иммигрантам, не имеющим документов или въехавшим на территории ЕС нелегально, включая тех, кто был спасён в ходе морских поисковых операций. Во-вторых, согласно проекту регламента о ситуациях кризиса и форс-мажора в кризисных ситуациях, а также ситуациях инструментализации мигрантов государства-члены вправе от-

crisis? URL: <https://www.epc.eu/en/publications/EU-Crisis-Regulation-Securing-reforms-or-constructing-a-crisis~55cae4> (дата обращения 29.12.2023).

¹³ Подробнее см.: Потемкина О.Ю. Пакт о миграции и убежище – утверждение реформы. Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 116. Март – май 2024. С. 45-49. DOI: 10.15211/eufacts220244549

¹⁴ Historic agreement reached today by the European Parliament and Council on the Pact on Migration and Asylum. 20.12.2023. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/news/historic-agreement-reached-today-european-parliament-and-council-pact-migration-and-asylum-2023-12-20_en (дата обращения 29.12.2023).

¹⁵ EU reaches agreement to overhaul migration system, tighten asylum rules. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/12/20/european-union-reaches-agreement-on-reforming-migration-rules> (дата обращения 29.12.2023).

¹⁶ EU's Migration Pact is a disaster for migrants and asylum seekers. URL: <https://reliefweb.int/report/world/eus-migration-pact-disaster-migrants-and-asylum-seekers> (дата обращения 29.12.2023).

ступать от некоторых норм Союза о предоставлении убежища, предусмотренных проектом процедурного регламента, проектом регламента об управлении миграцией и убежище и директивой о возвращении. Таким образом, регламент предоставляет государствам возможность применять специальную процедуру, ухудшающую положение просителя убежища. Такая процедура, в частности, означает увеличение сроков регистрации ходатайства об убежище, возможность применения пограничной и ускоренной процедуры, продления сроков нахождения в местах временного содержания и т.д.

Указанные положения законопроектов на фоне ужесточения политики в области охраны границ и визового режима способны существенно осложнить получение международной защиты для значительного числа потенциальных просителей убежища.

По сообщению многочисленных источников, проводимые ЕС морские операции фактически направлены на «недопуск в страну» (*pushbacks*) или «противодействие перемещению» (*pullback*)¹⁷. Аналогичный характер имеют также наземные операции, проводимые некоторыми странами на внешних границах ЕС¹⁸.

По терминологии ООН операции по «противодействию перемещению» направлены на то, чтобы мигранты физически не могли покинуть территорию их государства происхождения или государства транзита (удерживающего государства) или на обеспечение их принудительного возвращения на эту территорию, прежде чем они смогут оказаться в пределах юрисдикции государства назначения. Меры прямого противодействия прибытию мигрантов в страну принимаются непосредственно государством назначения и могут иметь активный (недопуск в страну) или пассивный (закрытие границ) характер. Недопуск в страну связан с проведением операций, направленных на предотвращение физического доступа мигрантов к территории, находящейся под юрисдикцией государства¹⁹.

¹⁷ Perišić P., Ostojić P. Pushbacks of migrants in the Mediterranean: reconciling border control measures and the obligation to protect human rights // | Poredbeno pomorsko parvo. 2022. Vol. 61, N76. P. 585-614.

¹⁸ Bodnar A., Grzelak A. The Polish–Belarusian border crisis and the (Lack of) European Union response. Bialystok Legal Studies, 2023. Vol. 28, N1. P. 57-86.

¹⁹ Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких,

Положение потенциальных просителей международной защиты усугубляется также действиями ЕС по экстернализации и аутсорсингу политики предоставления убежища. На протяжении последних нескольких лет ЕС неоднократно предпринимали действия, направленные на сдерживание иммигрантов в соседних государствах и предотвращение их перемещению в страны ЕС²⁰. Однако, как правило, такие меры имели кратковременный эффект.

16 июля 2023 г. ЕС и Тунис заключили меморандум о взаимопонимании в сфере стратегического и всеобъемлющего партнёрства между ЕС и Тунисом²¹. Данный меморандум предусматривает существенное финансирование со стороны ЕС, в том числе для предотвращения выезда мигрантов из Туниса в Европу²². В обмен на это Тунис принял на себя обязательство сотрудничать в борьбе с контрабандой и торговлей мигрантами, проводить поисково-спасательные операции в пределах своих морских границ и принимать обратно своих граждан, нелегально находящихся в ЕС.

С правовой точки зрения подписанный меморандум не относится к международно-правовым договором, поэтому он не обладает обязательным характером. В целом заключение меморандума отражает распространённую в ЕС практику использования механизма мягкого правового регулирования. С одной стороны, это существенно облегчает и ускоряет процедуру согласования документа, с другой – приводит к нарушению принципа верховенства права²³. При этом вполне очевидно, что заклю-

бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. A/HRC/37/50. 23 November 2018. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1662889?ln=en> (дата обращения 13.01.2024).

²⁰ Жерлицына Н.А. Стратегия ЕС в отношении центрально-средиземноморского маршрута миграции и пострадавших транзитных государств Сахеля и Ливии // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8(18). Вып. 3. С. 51-59.

²¹ Memorandum of Understanding on a strategic and global partnership between the European Union and Tunisia. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_23_3887 (дата обращения 13.01.2024).

²² Биссон Л.С., Потемкина О.Ю. Миграционный кризис в ЕС: версия 2.0? // Аналитические записки ИЕ РАН. 2023. Вып. IV, №33(330).

²³ De Leo, A. The EU-Tunisia Memorandum of Understanding: a blueprint for cooperation on migration? URL: <https://timep.org/2023/10/19/the-eu-tunisia-memorandum-of-understanding-a-blueprint-for-cooperation-on-migration/> (дата обра-

чить такое соглашение в соответствии с установленной первичным правом процедурой было бы весьма проблематично ввиду наличия в нём положений, вызывающих сомнения с точки зрения соблюдения прав человека.

6 ноября 2023 г. Италия и Албания заключили Меморандум о взаимопонимании, предусматривающий экстерриториальное управление миграцией и убежищем. Сделка была заключена не ЕС, а Италией, при этом она охватывает вопросы, полностью подпадающие под действие законодательства ЕС. Стороны согласовали условие, согласно которому на севере Албании будут созданы два центра под итальянской юрисдикцией, которые будут принимать и заниматься обработкой заявлений просителей убежища, спасённых из Средиземного моря итальянскими судами. Иными словами, в Меморандуме приоритет отдаётся транспортировке и высадке спасённых лиц в прибрежном порту на территории Албании вместо ближайших итальянских портов, что в принципе означает нарушение Италией своих обязательств по поисково-спасательным операциям в соответствии с международным морским правом и правовым стандартам прав человека в целом²⁴. Похоже, что Италия собирается наступить на те же самые грабли, что и в 2009 г. В этой связи необходимо упомянуть решение Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии»²⁵, касающееся проверки соблюдения Италией положений Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ)²⁶. Указанное дело было возбуждено по заявлению граждан Сомали и Эритреи, которые были задержаны итальянскими властями в открытом море и воз-

щения 13.01.2024).

²⁴ Carrera S., Campesi G., Colombi D. The 2023 Italy-Albania protocol on extraterritorial migration management. A worst practice in migration and asylum policies. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-2023-italy-albania-protocol-on-extraterritorial-migration-management/> (дата обращения 13.01.2024).

²⁵ Case of Hirsi Jamaa and others v. Italy. (Application no. 27765/09ECtHR) Judgement (Grand Chamber) of 23 February 2012. URL: <http://www.asylumlawdata.base.eu/en/content/ecthr-hirsi-jamaa-and-others-v-italy-gc-application-no-2776509> (дата обращения 20.01.2024).

²⁶ Kim S. Non-refoulement and extraterritorial jurisdiction: state sovereignty and migration controls at sea in the European context// Leiden journal of international law. 2017. Vol. 30, Is. 1. P. 49-70. DOI: 10.1017/S0922156516000625

вращены на территорию Ливии, откуда они вышли в море. При этом такая операция проводилась совместно Италией и Ливией на основании заключённого 29 декабря 2007 г. двустороннего договора. В указанном решении ЕСПЧ, во-первых, подтвердил, что требования ЕКПЧ распространяются на отношения, связанные с проведением участвующими государствами операций в открытом море, во-вторых, признал факт нарушения Италией положений ЕКПЧ (ст. 3, 13 ЕКПЧ и ст. 4 протокола № 4 к ЕКПЧ) при проведении операции по возврату на территорию Ливии граждан Сомали и Эритреи, задержанных в открытом море.

В сочетании с усилиями ЕС по переключиванию ответственности на соседние страны принятый пакет законов свидетельствует о полном игнорировании ЕС прав иммигрантов и резко противоречит основным ценностям ЕС²⁷. В отличие от ныне действующего законодательства новые нормы будут содержать унифицированные правила, которые существенно ухудшают положения искателей международной защиты.

Кроме того, анализ обновлённого законодательства позволяет прийти к выводу, что вопреки утверждениям чиновников ЕС изменения не решают проблему дефицита солидарности и не обеспечивают справедливое распределение ответственности между государствами-членами в вопросах предоставления убежища.

В соответствии с регламентом об управлении миграцией и убежище установлена обязанность государств-членов, агентств ЕС и самого Союза соблюдать принцип солидарности. Однако указанный принцип подлежит применению только в случае миграционного давления на одну из стран Союза либо в ситуациях кризиса. При этом государства-члены обладают полной свободой в выборе форм солидарности или в их сочетании. Таким образом, изначально рассматриваемый механизм принудительного расселения иммигрантов в итоге был отвергнут. Фактически государства-члены и институты Союза согласились на т.н. «гибкую солидарность». ЕС не удалось решить проблему перераспределения ответственности за прибывающих иммигрантов сре-

²⁷ HRW. EU's Migration Pact is a disaster for migrants and asylum seekers. URL: <https://reliefweb.int/report/world/eus-migration-pact-disaster-migrants-and-asylum-seekers> (дата обращения 20.01.2024).

ди всех стран Союза, соответственно приграничные страны ЕС по-прежнему вынуждены будут продолжать практику, направленную на «недопуск в страну» и «противодействию перемещению», причём как на сухопутной, так и на морской границе²⁸.

Трудно критиковать приграничные государства за то, что национальные пограничные службы проводят операции по недопущению на свою территорию нелегальных иммигрантов. Ужесточение политики по охране границ в условиях усиления миграционного давления имеет абсолютно логичный характер. Такая политика оправдана даже тогда, когда применяются меры принуждения, сопровождающиеся ущемлением прав человека, поскольку иммигранты сами нередко идут на нарушение закона. Однако это не согласуется с продолжением позиционирования ЕС как открытого и безопасного объединения, обеспечивающего высокие стандарты прав человека. Кроме того, нередко такая практика противоречит принципу невысылки (*non-refoulemen*), который выступает ключевым элементом международной системы предоставления убежища.

В принятых правовых актах нормы, направленные на ужесточение правил предоставления убежища, включают положения о необходимости соблюдения основных прав и гарантий для просителей убежища, предусмотренных законодательством Союза и международным правом. В тексте регламента об управлении миграцией и убежище слово «солидарность» встречается 127 раз. Однако его неоднократное повторение в тексте закона о необходимости соблюдения фундаментальных прав человека не способно сделать систему более гуманной, равно как использование этого понятия не означает рост солидарности²⁹. Оно всё больше приобретает декларативный характер, тем более что сама концепция солидарности трансформируется в коллективизм, при котором подчинение частных интересов общим не всегда носит добровольный характер, а участники коллектива далеко

²⁸ Barnes J. Torturous journeys: cruelty, international law, and pushbacks and pull-backs over the Mediterranean Sea // Review of international studies. 2022. N48. P. 441-460. DOI: 10.1017/S0260210522000110

²⁹ Grimmel A. «Le Grand absent Européen»: solidarity in the politics of European integration // Acta Politica. 2020. Vol. 56, N20. P. 258. DOI 10.1057/s41269-020-00171-7

часто не разделяют общие взгляды.

События последних лет показывают, что государства – члены ЕС не в состоянии проводить прежнюю политику открытых дверей при сохранении достаточного уровня безопасности. Поэтому ужесточение миграционной политики представляется достаточно закономерным явлением. При этом ЕС по-прежнему пытается соединить две несовместимые вещи: обеспечить секьюритизацию миграционной политики и политики предоставления убежища при одновременном сохранении образа открытого общества, готового предоставить защиту всем нуждающимся и обеспечивающего высокие стандарты прав человека.

Принятый пакет законов в области миграции и убежища вместе с мерами по недопуску в страну и противодействию перемещению, безусловно, будет способствовать ужесточению миграционной политики и ухудшению прав иммигрантов. Для снижения негативного эффекта от таких мер необходимо расширение возможностей для законного въезда в страны ЕС и получения международной защиты, однако этому направлению практически не уделяется никакого внимания. В связи с этим на сегодняшний момент ЕС пока не удалось найти правильный баланс между необходимостью усиления охраны внешних границ и сохранением открытости для потенциальных просителей убежища.

ГЛАВА 2. ВОЗВРАТ И РЕАДМИССИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Борьба с незаконной миграцией в последние годы стала приоритетом миграционной политики ЕС в условиях кризисов и секьюритизации миграции. Возврат незаконно пребывающих в Евросоюзе граждан третьих стран становится одним из основных принципов политики ЕС в области миграции и предоставления убежища. Однако данные Евростата показывают, что показатели возврата на уровне ЕС не улучшаются, несмотря на значительное увеличение количества отклонённых ходатайств о предоставлении убежища и решений о возврате³⁰.

³⁰ Motivations, experiences and consequences of returns and readmissions policy:

В 2023 г. 83 400 иностранных граждан были возвращены в страны, не входящие в ЕС, что соответствует 19% всех решений о возврате, вынесенных в течение года (в 2022 г. – 17%). Больше всего было возвращено граждан Грузии (12%), Албании (9,3%), Турции (6,6%), Молдавии (4,3%), Сербии (3,9%); меньше всего – Сирии (3%), Конго (3%), Афганистана (4%), Гвинеи (5%), Марокко (8%). Доля добровольных возвратов составила 54%, принудительных – 46%. 75% вернувшихся получили материально-техническую, финансовую и/или иную материальную помощь³¹.

Комиссия ЕС успех политики возврата измеряет количеством тех, кто действительно возвращается в страну своего происхождения. Как видим, в настоящее время эти цифры остаются низкими в ЕС: только около трети людей, в отношении которых было принято решение, что они должны покинуть ЕС, фактически возвращаются. Среди основных причин, препятствующих процессу возврата – сложности в идентификации мигрантов и получении необходимых документов от властей стран происхождения подлежащих возврату. Поэтому государствам происхождения мигрантов предлагается согласиться на использование видеоконференций для подтверждения личности лиц, которые ожидают возврата из ЕС. Это одна из нескольких инициатив, продвигаемых в рамках стремления увеличить число возвратов из ЕС, наряду с платформами обмена цифровой информацией и санкциями на выдачу виз гражданам государств, которые, как считается, недостаточно сотрудничают с ЕС. Кроме того, странам исхода мигрантов также удобнее договариваться о возврате только в рамках более комплексного пакета экономических мер. При этом учреждения, занимающиеся оказанием помощи в целях развития, часто не координируют свои действия с теми, кто занимается возвратом.

revealing and developing effective alternatives. CEPS, 2023. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-projects/motivations-experiences-and-consequences-of-returns-and-readmissions-policy-revealing-and-developing-effective-alternatives-more/> (дата обращения 21.04.2024).

³¹ European Commission. Statistics on migration to Europe. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/statistics-migration-europe_en (дата обращения 10.04.2024).

В 2008 г. на уровне ЕС была произведена кодификация режима высылки мигрантов, которые пребывают на территории Евросоюза нелегально, т.е. не выполняют правил въезда в страну, предусмотренных ст. 5 Шенгенского кодекса о границах или других условий въезда, пребывания и проживания в том или ином государстве-члене³².

В соответствии с директивой:

– «возвратом» считается процесс возвращения гражданина третьей страны добровольно или принудительно: 1) в страну происхождения, или 2) в страну транзита в соответствии с соглашениями о readмиссии или другими договорённостями, или 3) в страну, в которую соответствующий гражданин добровольно решит вернуться и в которой он будет принят;

– «решение о возврате» – решение/акт административного или судебного органа, объявляющее пребывание гражданина третьей страны незаконным и налагающее на него обязательство вернуться;

– «выдворение» – выполнение обязательства по возврату, а именно физическая транспортировка за пределы государства;

– определение «депортация» соответствует принудительному возврату или выдворению.

Директивой введены общие правила добровольного выезда и высылки, принудительные меры, включая тюремное заключение и запрет на дальнейший въезд иностранного гражданина. В текст директивы были включены ряд положений, гарантирующих прозрачность и соблюдение прав мигрантов.

Директива предоставляет право каждому государству решать – урегулировать ли статус мигранта, незаконно находящегося в стране, или выслать его. Страна – член ЕС обязана выдать решение о возврате гражданину третьей страны, который незаконно находится на её территории. В случае решения о возврате мигранту предлагается покинуть страну добровольно в срок

³² Директива 2008/115/ЕС Европейского парламента и Совета от 16 декабря 2008 г. об общих стандартах и процедурах, подлежащих применению в государствах-членах к возврату незаконно пребывающих граждан третьих стран // OJ L. 348/98-348/107; 16.12.2008, 2008/115/EC. URL: <https://www.refworld.org.ru/type,REGLEGISLATION,,,55254a654,0.html> (дата обращения 20.04.2024).

от семи до тридцати дней и лишь в случае отказа применяется принудительная высылка/выдворение.

Если иностранный гражданин добровольно сотрудничает с властями после получения решения о возврате, возврат считается добровольным, в противном случае он называется принудительным. Добровольному возврату может быть оказано содействие (имеется в виду финансовая и/или материально-техническая поддержка со стороны принимающей страны) или он происходит без содействия.

Если в конкретном случае не могут быть эффективно применены другие меры, государства – члены ЕС могут содержать под стражей подлежащего возврату иностранного гражданина в случае, когда: - существует риск, что он скроется; - соответствующий гражданин третьей страны избегает или препятствует подготовке к возвращению или процессу выдворения.

В директиве взяты за основу 6 месяцев как максимальный срок содержания мигранта под стражей (такая мера наказания применялась в Словакии, Словении, Венгрии и Чехии) с правом продления ещё на 12 месяцев. Если высланный мигрант не представляет угрозы для общественной безопасности, ему запрещено въезжать в Евросоюз в течение 5 лет, однако государства – члены ЕС сохраняют право отменить такой запрет.

Директива о возврате является основным документом законодательства ЕС, регулирующим процедуры и критерии, которые должны применяться государствами-членами при возврате незаконно пребывающих граждан третьих стран. Принимая во внимание снижение уровня возврата в ЕС, в сентябре 2018 г. Комиссия предложила модернизировать директиву с целью сокращения продолжительности процесса возврата, улучшения связи между процедурами предоставления убежища и возврата и повышения эффективности мер по предотвращению побега мигранта. Процесс принятия обновлённой директивы пока не завершён.

Страны ЕС внесли ряд законодательных изменений в отношении возврата просителей убежища, получивших отказ. Многие поправки были нацелены на содействие эффективному возврату посредством дополнительных обязательств по сотрудничеству, устранение приостанавливающего действия апелляций

на решения о возврате, увеличение возможностей для задержания и ускорения процедур возврата.

В Германии Закон об упорядоченном возврате вступил в силу 21 августа 2019 г. Закон в первую очередь касается заявителей, которым было отказано в убежище, и направлен на ограничение риска побега и улучшение идентификации возвращаемого мигранта. Были ужесточены требования к лицам, которые должны сотрудничать в идентификации и получении документов из страны происхождения. Правоохранительным органам облегчена была задача задерживать просителей убежища, получивших отказ, чтобы обеспечить выполнение их обязательства покинуть страну и быстрее выдворять тех, кто был признан виновным в совершении уголовных преступлений.

Во Франции Законом от 10 сентября 2018 г., вступившим в силу с января 2019 г., прекращено приостанавливающее действие апелляций на решение отказать определённым категориям просителей убежища. После принятия решений об отказе в убежище и о возврате проситель убежища может обратиться в административный суд с процедурой обжалования отказа об убежище. Если административный суд удовлетворяет ходатайство, административный орган прекращает домашний арест или содержание под стражей.

С сентября 2019 г. эстонское управление полиции и пограничной охраны начало принимать решения «три в одном», сочетающие отказ в ходатайстве об убежище, решение о возврате и о введении запрета на въезд. В Австрии поправкой к закону об иностранцах 2005 г. от 27 декабря 2019 г. предоставляется отсрочка добровольного отъезда получившего отказ просителя убежища, проходящего стажировку с гарантией, что уже начатое обучение может быть завершено.

В 2022 г., в соответствии с положениями Пакта о миграции и убежище и опубликованной в 2021 г. «Стратегией добровольного возврата и реинтеграции»³³, Европейская комиссия назначила Координатора ЕС по вопросам возвращения и учредила

³³ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. The EU strategy on voluntary return and reintegration. Brussels, 27.04.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0120&qid=1632401748181> (дата обращения 12.02.2024).

Сеть по вопросам возврата, состоящую из представителей государств-членов, для усиления координации и стимулирования высылки мигрантов из ЕС. Агентство береговой и сухопутной охраны (Фронтекс) планирует усилить меры по возврату, выделив на эти цели 277,5 млн евро, начиная с 2024 г.³⁴

Особенности института реадмиссии: опыт ЕС и России

Одной из разновидностей возвращения нелегальных иммигрантов является процедура реадмиссии, под которой понимается передача запрашивающим государством и принятие запрашиваемым государством лиц (граждан запрашиваемого государства, граждан третьих государств или лиц без гражданства), чей въезд, пребывание или проживание в запрашивающем государстве признаны незаконными. Отличительной чертой этого инструмента миграционной политики в сфере противодействия незаконной миграции выступает международное сотрудничество при чём на основе взаимности. В отличие от административного выдворения или депортации реадмиссия представляет собой двухстороннее действие, в котором участвует передающее и принимающее государство. Соглашения о реадмиссии закрепляют и определяют обязанность государств разрешать возвращение на свою территорию собственных граждан, а также часто определяют условия, при которых государства, являющиеся сторонами таких соглашений, обязаны разрешать въезд на свою территорию гражданам третьих стран, которые транзитом проследовали через их территорию. Подобные соглашения, с одной стороны, облегчают и ускоряют процесс возвращения/выдворения незаконных мигрантов, делают эту процедуру более прозрачной, в них чётко указываются все условия реадмиссии, предшествующие исполнению решения о возвращении. С другой – могут служить частью процесса «вынесения миграционного контроля за пределы своей территории» или т.н. «экстернализации», как это наблюдается в случае с Европейским союзом. Для Евросоюза заключение соглашений о реадмиссии с третьими странами служит составляющей внешнего измерения миграци-

³⁴ Le Coz C. EU Strategy on voluntary return and reintegration: crafting a road map to better cooperation with migrants' countries of origin. Migration policy institute, 2021. URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/eu-strategy-voluntary-return-origin-countries> (дата обращения 15.03.2024).

онной политики Союза. Особенностью заключения соглашений о реадмиссии с ЕС служит то, что оно часто является неотъемлемой частью и даже условием подписания соглашений о визовой либерализации или отмены визового режима в отношении третьих стран. И напротив, механизмом давления на третьи страны за отказ от сотрудничества в области реадмиссии может служить приостановление со стороны ЕС соглашения об упрощённом визовом режиме.

Одной из главных целей ЕС при заключении подобных соглашений как стороны, испытывающей постоянное миграционное давление по определённым направлениям, выступает стимулирование стран происхождения или транзита незаконных мигрантов ужесточать свой миграционный контроль (охрана границ, противодействие организованной преступности в сфере миграции и т.д.). В настоящий момент ЕС заключил 18 обязательных соглашений о реадмиссии со следующими странами: Гонконг, Макао (2004 г.); Шри-Ланка (2005 г.); Албания (2006 г.); Россия (2007 г.); Босния и Герцеговина, Молдавия, Северная Македония, Сербия, Черногория, Украина (2008 г.); Пакистан (2010 г.); Грузия (2011 г.); Армения, Азербайджан, Кабо-Верде, Турция (2014 г.). Ко всем этим соглашениям сторонами были подписаны исполнительные протоколы, в которых подробно обозначены конкретные условия реализации процедуры реадмиссии, такие как: определение компетентных органов и распределение полномочий между ними; содержание, порядок и сроки направления запроса о реадмиссии или транзите; процедура проведения собеседований; порядок осуществления взаиморасчётов, связанных с выполнением соглашений и др.

Кроме того, Европейская комиссия получила мандат на переговоры от лица ЕС о реадмиссии с третьими странами, из которых прибывает большинство нелегальных мигрантов: Алжиром, Марокко, Тунисом, Нигерией, Иорданией, Китаем. Стоит отметить, что у отдельных государств – членов ЕС уже подписаны двусторонние соглашения о реадмиссии с некоторыми из этих стран. Поскольку вопросы миграционного регулирования относятся к области совместных с ЕС компетенций (ст. 2(2) Договора о функционировании Европейского союза), государ-

ства-члены могут заключать двусторонние соглашения о реадмиссии с теми третьими странами, с которыми не заключены соглашения на уровне ЕС. Более половины от общего числа двусторонних соглашений (их на 2023 г. у стран ЕС заключено 344) приходится на семь стран – членов Евросоюза (а именно: Франция, Италия, Испания, Бельгия, Германия, Нидерланды и Дания). На долю Франции, Италии, Испании и Бельгии приходится 65% двусторонних соглашений, заключённых со странами, расположенными в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, а также остальной части Африканского континента³⁵.

Одной из причин отсутствия прогресса по заключению соглашений о реадмиссии между ЕС как сообществом и третьими странами и преимуществ двусторонних соглашений над многосторонними служит наличие в соглашениях ЕС положения о реадмиссии граждан третьей страны. Это означает, что нелегальный мигрант может быть возвращён в третью страну, через которую он проехал транзитом до въезда в ЕС. Третьи страны, как правило, выступают против данного пункта в соглашениях, поскольку это обязывает их принимать больше незаконных мигрантов на своей территории и требует дополнительных финансовых издержек. Двусторонние соглашения о реадмиссии редко включают данную оговорку, поэтому третьи страны охотнее соглашались на их заключение. Кроме того, у этого положения есть и другие ограничения, в частности, сложно обеспечить, чтобы прошедшие реадмиссию граждане третьих стран не оказывались в незащищённом правовом положении в транзитной стране, производящей реадмиссию, не имея возможности вернуться в страну своего происхождения.

По-прежнему не заключены соглашения о реадмиссии между ЕС и основными странами исхода и транзита мигрантов – Тунисом, Марокко и Алжиром. Более того, с такими ключевыми для ЕС странами исхода и транзита мигрантов, как Ливия, Эритрея, Сомали, Мали, Нигерия, Судан, либо нет устойчивых

³⁵ EUR-LEX. Readmission agreements between the EU and certain non-EU countries. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/readmission-agreements-between-the-eu-and-certain-non-eu-countries.html> (дата обращения 12.04.2024).

договорённостей, либо их крайне мало как на уровне ЕС, так и на двустороннем уровне. Напротив, переговоры ЕС о политических соглашениях о реадмиссии в форме, например, меморандумов или диалогов по миграции, не имеющих обязательной силы, с шестью странами (Афганистан, Бангладеш, Гвинея, Эфиопия, Гамбия и Кот-д'Ивуар) были более успешными и заключены в более короткие сроки (1–2 года с начала переговоров), чем юридически обязывающие соглашения (более 5 лет с начала переговоров)³⁶.

Оценить эффективность реализации соглашений о реадмиссии ЕС в целом и отдельных стран-членов с другими государствами крайне сложно. Статистические данные о количестве лиц, принудительно возвращённых с помощью соглашений о реадмиссии, получить практически невозможно. Государства либо не располагают соответствующими статистическими сводками, либо не склонны публиковать их.

Соглашение между Россией и ЕС о реадмиссии действует с 1 июня 2007 г. Его выполнение контролировалось ежегодными заседаниями Совместного комитета по реадмиссии, последнее из которых состоялось 22 ноября 2019 г. Согласно доступным данным, в 2019 г. 8 545 российским гражданам, незаконно находящимся в государствах-членах, были выданы компетентными органами стран ЕС решения о возвращении и 5 730 фактически вернулись в Россию, что составило 67%. Государства – члены Евросоюза, соответственно, подали 2 614 запросов о реадмиссии в российские органы власти, которые выдали на неё согласие для 1 046 граждан, что составило 40%. За все годы действия соглашения ЕС и России о реадмиссии большинство государств Евросоюза положительно оценивали данное сотрудничество. Соглашение продолжает действовать и по состоянию на начало 2024 г., несмотря на ряд изъятий (приостановление ряда положений) из параллельного Соглашения РФ – ЕС об упрощении выдачи виз гражданам Российской Федерации и Европейского союза.

³⁶ Cassarino J.-P., Gabrielli L., Perrin D. Cooperation on readmission in the Euro-Mediterranean area and beyond: lessons learned and unlearned // IEMed. Euro-mesco policy study. 2023. N28. P. 16.

В России в отношении иностранцев законодательство также предусматривает два вида возвращения в страну своего гражданства или постоянного проживания: добровольное и принудительное. Принудительное возвращение иностранных граждан применяется в тех случаях, когда иностранный гражданин выезжает за пределы России вопреки своей воле. Российское законодательство содержит несколько юридических понятий, связанных с возвращением иностранных граждан с территории РФ, а именно: административное выдворение, депортация и реадмиссия. Как отмечает В.В. Войников, правовым основанием административного выдворения является Кодекс об административных правонарушениях, согласно ст. 3.10 которого административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан заключается в принудительном и контролируемом перемещении указанных граждан через границу РФ за пределы государства, а в случаях, предусмотренных российским законодательством, – в контролируемом самостоятельном выезде иностранных граждан из РФ. Указанный тип удаления представляет собой вид административного наказания. Депортация и реадмиссия не являются наказанием, а выступают в качестве меры административного пресечения³⁷, правовой основой указанных видов удаления выступают положения ФЗ «О правовом положении иностранных граждан»³⁸. Согласно ст. 2 данного закона депортация означает принудительную высылку иностранного гражданина из РФ в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в России. Рeadмиссия представляет собой основанную на международном договоре передачу иностранного гражданина Российской Федерацией другому государству или приём Россией иностранного гражданина, передаваемого ей другим государством. Порядок реадмиссии регламентируется положениями главы V.I. федерального закона о порядке въезда и выезда из

³⁷ Войников В.В. Правовое регулирование противодействия нелегальной иммиграции в России и ЕС // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. №5. С. 98-105.

³⁸ Федеральный закон от 25.07.2002 г. №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/184755/> (дата обращения 20.06.2024).

РФ, а также соответствующими международными договорами.

По состоянию на 2024 г. Россия заключила 18 соглашений о реадмиссии – с Европейским союзом (25 государств-членов) и ещё 17 государствами³⁹: Норвегией, Швейцарией, Лихтенштейном, Исландией, Данией, Украиной, Арменией, Вьетнамом, Узбекистаном, Турцией, Казахстаном, Киргизией, Белоруссией, Монголией, Сербией, Боснией и Герцеговиной, Таджикистаном. О порядке их реализации был подписан 41 соответствующий протокол (включая протоколы с отдельными странами – членами Евросоюза). Помимо международных договоров Россия заключила Меморандум о взаимопонимании по вопросам борьбы с незаконной миграцией с Индией; Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией с Китаем, содержащее положения, касающиеся порядка осуществления реадмиссии граждан России и Китая; Соглашение с КНДР о передаче и приёме лиц, незаконно въехавших и незаконно пребывающих на территории Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики.

При всех различиях миграционной ситуации РФ и ЕС оказываются перед лицом одного и того же вызова – дефицит рабочей силы, особенно высокой и средней квалификации, в сочетании со сложностью противодействия нелегальной миграции. Необходимость налаживания легальных каналов трудовой миграции как в рамках ЕАЭС, так и в регионе Большого евразийского партнёрства обуславливает важность внешнего направления российской миграционной политики, цель которой состоит не в перекладывании ответственности за приём соискателей убежища на страны-партнёры, а в налаживании профессиональной подготовки и отборе кадров, способных занять ниши на российском рынке труда.

³⁹ Министерство иностранных дел РФ, Двусторонние договоры. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/?page=1&kwFilter%5Bkeywords%5D=%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F (дата обращения 12.02.2024).

ГЛАВА 3. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОМИГРАЦИОННЫХ АНКЛАВОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ

Исторически развитие городов служило одним из факторов миграции населения. Тесно связанные между собой процессы урбанизации и индустриализации способствовали движению жителей сельской местности в сторону городских центров, где создавались новые рабочие места. Глобализация усилила роль городов в качестве центров притяжения не только внутри отдельных стран, но и открыла города для притока иностранных мигрантов. По прогнозам ООН население городов к 2050 г. увеличится на 2,2 млрд человек. В городах к середине века будет проживать около 68% мирового населения⁴⁰. Миграция усиливает этническое, культурное, языковое, религиозное и социальное разнообразие, обратной стороной которого может служить всё большая фрагментация принимающего сообщества. Международная миграция, с одной стороны, вносит вклад в экономическое развитие не только принимающих стран, но и стран исхода, с другой – становится источником различного рода размежеваний и конфликтов. Так, одной из проблемных областей, связанных с миграцией, служит т.н. «анклавизация» или совокупность социальных и экономических последствий компактного проживания мигрантов в принимающей стране.

Строго научное содержание понятия «анклав» ограничивается следующим определением: это территория, окружённая полностью или частично территорией одного иного государства⁴¹. Таким образом, «анклав» является научной категорией скорее политической географии. В социальных науках употребление данного термина осуществляется с натяжкой. Так, демографы, социологи, экономисты, специалисты в сфере миграции используют понятие «этнического анклава», имея в виду под этим географическую территорию, на которой пространственно сгруп-

⁴⁰ UN Habitat, World Cities Report 2022. Envisaging the future of cities. P. XV. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2022/06/wcr_2022.pdf (дата обращения 26.04.2024).

⁴¹ Подробнее см.: Политическая география: Учеб. пособие для вузов / И.Ю. Окунев. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 190-195.

пирована определённая этническая группа, социально и экономически отличная от основной группы⁴². Как правило, речь идёт не о коренном этническом меньшинстве, а об иммигрантах. Одними из первых в социальных науках это понятие использовали Уилсон и Портес в 1980 г. в своей, ставшей классической, работе, посвящённой сообществу кубинских иммигрантов, прибывших во Флориду в 1960–70-е гг.⁴³ Задачей их анализа было установить, как «самозамкнутые меньшинства» влияют на рынок труда принимающей страны, в данном случае Соединённых Штатов. Специфической характеристикой «этнического анклава» в данном случае служила экономическая деятельность, формирующая рынок труда для членов сообщества (этнический бизнес создаёт упрощённые схемы трудоустройства) и альтернативные пути их экономической интеграции. С этой точки зрения, этнические анклавы могут создавать пути социальной мобильности, которые не требуют от мигрантов перенимать новые культурные традиции или переезжать в районы, где преобладает этническое большинство. «Гипотеза этнического анклава» состоит в том, что возможности для социальной мобильности шире в рамках сообщества с этнической солидарностью, что подтверждается и рядом современных исследований⁴⁴. Предполагается также, что этнические анклавы обладают высоким уровнем социального капитала, понимаемого как доверие, выстроенные отношения и сети поддержки, которые делают этнические предприятия эффективными и стабильными. Однако для потенциального формирования таких «этнических анклавов» необходимо наличие одновременно трёх условий: большая численность групп мигрантов (формирующая спрос среди этнических покупателей), избыток рабочей силы мигрантов и концентрация капитала. Лишь в совокупности эти факторы, по мнению Уилсона и Портеса, могут обеспечивать конкурентоспособность этни-

⁴² Qadeer M., Kumar S. Ethnic enclaves and social cohesion // Canadian journal of urban research. 2006. N15(2). P. 1-17.

⁴³ Wilson K. L., Portes A. Immigrant enclaves: an analysis of the labor market experiences of Cubans in Miami // American Journal of Sociology. 1980. N86. P. 295-319.

⁴⁴ См., например: Wang X., Maani S. Immigrants' location choices, geographic concentration, and employment in New Zealand // New Zealand population review. 2014. N40. P. 85-110.

ческих предприятий. Как видно, центром внимания учёных выступал не сам факт компактного проживания иммигрантов, но их экономическая, социальная и хозяйственная активность.

Помимо положительных следствий компактного проживания иноэтнических групп, таких как поддержание социальных контактов и капитала, передача знаний, что снижает возможность для социальной изоляции вновь прибывающих иммигрантов, результатом сегрегации может быть социальное исключение из основного общества и системы образования для детей, что уменьшает шансы дальнейшей интеграции и получения позитивных жизненных перспектив. Кроме того, сегрегация способствует формированию негативного имиджа у этномиграционного меньшинства и принимающего общества (особенно у жителей района высокой концентрации и компактного проживания иммигрантов) по отношению друг к другу⁴⁵.

В большинстве же исследований основным признаком анклавного проживания той или иной этнической группы служит факт концентрации её представителей на определённой территории. Так, исследователи выделяют два типа принимающих обществ (однородные или изолированные сообщества большинства, где коренное население составляет 80% или более от общей численности населения, и неоднородные, где коренное население, составляет от 50 до 79% от общего числа жителей, а одна или несколько групп составляют значительное меньшинство среди всех жителей того же района) и различные виды этнических анклавов. Для «анклавизации» территории, как отмечают исследователи, необходимо чтобы от 60 до 80% населения было представлено одной этнической группой. В зависимости от процентного соотношения местного населения и состава иностранцев в жилых районах различают *множественные анклавы* (принимающее сообщество составляет большую часть населения (30–50%), а одна или несколько этнических групп составляют не менее 20% от общей численности населения, при этом ни одна из них не превышает 60%, *поляризованные анклавы* (представители одной группы меньшинства составляют не менее 60% всего

⁴⁵ Johnston R., Forrest J., Poulsen M. Are there ethnic enclaves/ghettos in English cities? // Urban Studies. 2002. N39(4). P. 594.

населения района) и *гетто* (с высокой концентрацией одной группы меньшинств (не менее 60%) и значительная доля этой группы, проживающего в других районах муниципалитета/города)⁴⁶.

В условиях развития урбанизма, «глобальных городов»⁴⁷, новых форм занятости, специфики современной экономики такая концентрация иноэтнических групп иностранцев в принимающих городах встречается всё реже. Как правило, проживая в одном районе представители определённой этнической группы иммигрантов или натурализованных лиц, заняты на рабочих местах в других районах города и вне сфер т.н. «этнической экономики/этнического бизнеса» (этнорестораны, супермаркеты, частные клиники, юридические фирмы, частные школы и пр.), но встроены в общегородской рынок труда и принимающую экономику. Кроме того, согласно последним наблюдениям, в т.ч. российских исследователей, проживание мигрантов во втором поколении не привязано к каким-либо специфическим «мигрантским» местам⁴⁸. Компактное проживание иностранцев само по себе не всегда создаёт замкнутость и специфические экономические и внутривозрастные связи в рамках представленного этнического сообщества.

Изучение российских городов-миллионников позволило исследовательской группе на базе РАНХиГС установить, что типичной причиной для резидентной концентрации иммигрантов в российских городах служило наличие крупных вещевых, плодоовощных и др. рынков (ТК «Садовод» в Котельниках и др.), а также создание кластеров и общежитий для рабочих крупных строительных фирм (Омск, Новоивановское сельское поселе-

⁴⁶ Galeano J., Coll A., Valls A.D. Formation and evolution of ethnic enclaves in Catalonia before and during the economic crisis // Catalan Social Sciences Review. 2015. N5. P. 63.

⁴⁷ Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО «Аванглион», 2007. С. 9-27; Sassen S. The global city: strategic site, new frontier / Moving cities – contested views on urban life. Springer VS, Wiesbaden, 2018. P. 11-28.

⁴⁸ Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №2. С. 457-485.

ние)⁴⁹. Однако, как отмечают учёные, административные решения по ликвидации, переносу, реновации крупных рынков в ряде городов, вероятно, изменят эту модель в сторону более равномерного расселения мигрантов в городской среде. Кроме того, подобные рынки всё чаще уступают место другим формам торговли: сетевым магазинам, дисконт-центрам, онлайн-торговле и проч.

Формированию мест компактного проживания мигрантов так же служит доступность жилья. При этом такие районы, согласно результатам зарубежных исследований, как правило, характеризуются недостатком рабочих мест. В России же большинство учёных, напротив, отмечают обратную зависимость: рабочие места (стройки, крупные рынки) создают вокруг себя географические зоны наиболее частого проживания иностранных рабочих. Однако и эта закономерность претерпевает значительные трансформации. Так, выводы О. Вендиной, Э. Панина⁵⁰, Д. Шатило⁵¹ и учёных РАНХиГС сходятся в том, что в Москве, несмотря на расхожие представления, нет мест концентрации иммигрантов или этнических групп, которая бы позволила выделить «анклавы». Анализ факторов, которые влияют на расселение: тип застройки, стоимость жилья, тип проживания (совместный с родственниками/друзьями/коллегами по работе или индивидуальный), удалённость от места работы и др. – свидетельствуют о том, что модели расселения мигрантов в России выглядят весьма разнообразно. При этом государственная политика в сфере привлечения мигрантов, главным образом иностранных работников, руководствуется прежде всего запросами

⁴⁹ Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 226 с.

⁵⁰ Вендина О.И., Панин Э.А. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018. 184 с.; Вендина О.И., Панин Э.А., Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия РАН. Серия географическая. 2019. №6. С. 3-17.

⁵¹ Шатило Д.П. Трансформация социального пространства глобальных городов: аналит. обзор. Москва: ИНИОН РАН, 2021. 78 с.; Шатило Д.П. Пространственная этносоциальная структура населения Лондона, Парижа, Мадрида, Берлина и Москвы // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2021. №2. С. 54-66.

экономики и рынка труда и не всегда учитывает и включает в себя стратегии их расселения на местах.

По-прежнему недостаточно фундаментальных исследований в России для формирования грамотной политики как в сфере миграции в целом, так и в сфере городского управления и планирования. Возможности исследователей крайне ограничены в условиях нехватки статистических данных и доступа к ним. Данные переписи населения, увы, не всегда дают полную картину. Многие эксперты в области миграционных исследований неоднократно это подчёркивали⁵². Данные ЗАГС и МВД о месте временной регистрации иностранцев в России, так же не могут дать полной картины, поскольку не всегда совпадают с фактическим местом проживания иммигрантов. Таким образом, имеющиеся данные недостаточны для использования в качестве эмпирического подтверждения научных гипотез. Проблематика миграционного регулирования, как известно, изобилует противоречащими точками зрениями, которые не всегда опираются на потенциальный багаж научных и сравнительных знаний, а также эмпирические исследования.

К сожалению, в исследованиях этнических анклавов в меньшей степени уделяется внимание таким факторам, как площадь территории компактного проживания иностранцев относительно всей территории изучаемого субъекта, а также социальные связи, наличие специфических сфер занятости, самоидентификация представителей группы, мотивация их социального и экономического поведения и другие важные параметры. Расширение научных подходов могло бы иметь важное практическое значение в сфере городского управления и планирования.

Исследования формирования мест компактного проживания мигрантов в крупных городах мира, не позволяет вывести единые и универсальные закономерности их формирования. Тем не менее сто́ит выделить следующие факторы, которые влияют на выбор фактического места жительства иммигрантов:

– характеристики городской застройки, её исторические

⁵² Чудиновских О.С., Степанова А.В. О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, №1. С. 54-82.

особенности (период индустриализации и т.д.);

- рынок недвижимости (невысокая стоимость жилья, транспортная доступность, время на поиск жилья);

- особенности социального пространства и внутригородские различия;

- демографические показатели и индекс этнической мозаичности;

- статус «глобального города»;

- характеристики занятости;

- статус иностранного гражданина (временное или постоянное пребывание; семейный статус);

- особенности государственной миграционной политики (предоставление социального жилья в определённых районах);

- социальные установки самих мигрантов (близость к родственникам и друзьям, близость культурных организаций);

- возможности для вертикальной социальной мобильности и личный социальные установки.

Поскольку сравнительный анализ расселения мигрантов в принимающих странах и крупных городах и агломерациях мира говорит о том, что российский опыт специфичен в силу целого ряда причин, в т.ч. исторических, все эти параметры требуют дальнейшего углублённого изучения для формирования как эффективной городской политики, так и миграционного управления в целом. А зарубежный опыт внутригородской социальной дифференциации может быть полезен для устранения возможных негативных последствий.

ГЛАВА 4. УГРОЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ ТЕРРОРИСТОВ

Цифровую трансформацию сегодня переживают не только бизнес-структуры и государственное управление, но и негосударственные образования, включая террористические организации. В то же время политические цели террористических групп типа запрещенных в России организаций «Аль-Каида» и «Исламское государство» (ИГ) – построение собственных репре-

сивных режимов – сохраняются, для чего организации активно занимаются пропагандой, вербовкой и поиском финансирования. Для решения этих задач террористы прибегают к широкому спектру психологических манипуляций – от ложных обещаний до прямого запугивания.

Одновременно искусственный интеллект (ИИ) расширяет возможности не только в таких общественно важных областях, как медицина, образование или промышленное производство, но и в социальной инженерии, которую всё чаще реализуют преступники в киберпространстве. В сфере информационной безопасности (прежде всего среди практиков) социальной инженерией называют «психологическое манипулирование людьми с целью заставить их совершить определённое действие или разгласить конфиденциальную информацию»⁵³. В соответствии с более расширенной трактовкой термина, данной Р. Андерсоном⁵⁴, «социальная инженерия не ограничивается кражей частной информации. Речь также может идти о том, чтобы заставить людей поверить ложной публичной информации». Данная трактовка позволяет считать дезинформацию и террористическую пропаганду разновидностью социальной инженерии. Определение последней как «любое действие, которое заставляет человека совершить поступок как в своих интересах, так и вопреки им», данное К. Хаднаги⁵⁵, расширяет термин практически до любых разновидностей психологического воздействия. Данное исследование, в силу своего объекта (коммуникация террористов с целевыми аудиториями) сосредоточено на антиобщественных проявлениях социальной инженерии, реализуемых в настоящее время или возможных в будущем за счёт использования ИИ.

Социальная инженерия как способ заставить общественность или конкретного человека поверить в ложную информацию активно используется террористами при пропаганде своей идео-

⁵³ Webroot. What is social engineering? Examples and prevention Tips. 2021. URL: <https://www.webroot.com/us/en/resources/tips-articles/what-is-social-engineering> (дата обращения 18.03.2024).

⁵⁴ Anderson R. Security engineering: a guide to building dependable distributed systems. 3rd ed., 2018, John Wiley & Sons, Inc., Indianapolis, IN. P. 95.

⁵⁵ Hadnagy C. Social engineering: the science of human hacking. 2018. Indianapolis, IN, John Wiley & Sons, Inc. P. 7.

логии и вербовке новых боевиков. Для решения этих задач осуществляется *злонамеренное использование ботов*. Ещё в 2015 г. ИГ создало тысячи ботов в *Twitter* для пропаганды, сбора средств и вербовки сторонников, а также для того, чтобы «блокировать общение активистов на платформе, заставляя замолчать своих оппонентов в *Twitter*». Боты фиксировали ключевые слова, чтобы отправлять поток сообщений в поддержку ИГ, и организация включалась в дискуссии на актуальные темы. С 2015 г. ИГ использовало *Telegram* для агитации к терактам, обмена инструкциями по их проведению, а также для координации атак⁵⁶.

ИГ, «Аль-Каида» и их сторонники используют ботов в *Telegram* для предоставления доступа к архивам террористического контента (в т.ч. к обращениям живых и умерших лидеров, включая Усаму бен Ладена и Аймана аз-Завахири). Боты террористов также позволяют пользователям регистрироваться на курсы по физической подготовке и изготовлению бомб, запрашивать материалы для распространения, задавать вопросы о миграции в Сирию или Ирак, о технологиях и т.п., а также решать целый ряд задач, даже передавать праздничные поздравления⁵⁷. Таким образом, террористы используют боты не только для установления повестки дня, но и для координации активных и потенциальных боевиков, и, как следствие, для расширения своей аудитории среди активных пользователей существующих продуктов ИИ.

О том, что в пропагандистских целях террористы хотели бы привлекать в свои ряды не только пользователей, но и разработчиков ИИ, свидетельствуют открытые объявления. В частности, 22 марта 2021 г. медиагруппа, аффилированная с «Аль-Каидой», призвала сторонников создать платформы для демонстрации своей поддержки группировке за пределами *Telegram*. Через *Telegram*-бот медиагруппа регулярно просит добровольцев о помощи в производстве медиаконтента или даже во взломе тех или иных интернет-ресурсов. Ранее, 9 марта 2021 г., группа объявила в *Telegram* и *Rocket.Chat* о наборе кадров с различными на-

⁵⁶ Stalinsky S., Sosnow R. Jihadi use of bots on the encrypted messaging platform Telegram // MEMRI. 2020. URL: <https://www.memri.org/reports/jihadi-use-bots-encrypted-messaging-platform-telegram> (дата обращения 18.03.2024).

⁵⁷ Ibid.

выками в сфере медиа⁵⁸. Таким образом, несмотря на архаичную идеологию, террористические организации намерены использовать все средства, даже самые передовые, для её продвижения. Лишнее доказательство тому – использование террористическими организациями компьютерных игр (преимущественно «стрелялок» от первого лица), производимых с использованием ИИ (качество которого постоянно растёт) и популярных онлайн-платформ для пропаганды и вербовки. Известны случаи прямого обращения к атмосфере компьютерных игр (например, *GTA 5* и *Call of Duty*⁵⁹) в вербовочных видео, отснятых террористами и распространяемых ИГ в социальных сетях (позже эту тактику используют ультраправые террористы⁶⁰). Владельцы социальных сетей и других медиаплатформ не всегда склонны удалять видео, содержащие сцены насилия (а они привлекают большое количество пользователей, в силу чего такие сюжеты активно используются террористами)⁶¹.

Помимо этого, растущий реализм и привлекательность игрового процесса, достигаемые с помощью ИИ и направленные на удержание внимания игрока, при монтаже пропагандистского контента с использованием, например, кадров из современных игр могут позволить злонамеренным акторам также воздействовать на сознание целевой аудитории более эффективно. О том, что всё более передовые технологии разработки игр на основе ИИ могут стать со временем доступны террористическим организациям, говорят случаи из практики. Так, ИГ якобы создало собственную видеоигру «Звон мечей»⁶². Однако есть и пример

⁵⁸ Pro-Al-Qaeda media group calls on supporters: be innovative in creating platforms beyond Telegram to voice your support of our fighters, disseminate news about them. MEMRI. 2021. URL: <https://www.memri.org/cjlab/pro-al-qaeda-media-group-calls-supporters-be-innovative-creating-platforms-beyond-telegram> (дата обращения 18.03.2024).

⁵⁹ Ferguson K., Kim M., Dobrowolska M. The role of video games and online platforms in terrorist radicalization and recruitment // The Counterterrorism Group. 2021. URL: <https://www.counterterrorismgroup.com/post/the-role-of-video-games-and-online-platforms-in-terrorist-radicalization-and-recruitment> (дата обращения 18.03.2024).

⁶⁰ Schlegel L. Jumanji Extremism? How games and gamification could facilitate radicalization processes. JD Journal for deradicalization 23. 2020.

⁶¹ Ferguson et al. 2021.

⁶² Schlegel L. Jumanji Extremism? ... 2020.

игры, направленной на пропаганду борьбы с ИГ, – *Holy Defense*, спонсированной «Хезболлой» (разработчики указывают на использование ИИ)⁶³. Правда, помимо интересующего нас аспекта борьбы с ИГ, игра содержит элемент пропаганды, связанной с межгосударственными и глобальными конфликтами (*Holy Defense* – это симуляция одного из этапов «священной защиты» против волны такфиризма⁶⁴ и американо-сионистского проекта⁶⁵). Таким образом, как сторонники, так и противники ИГ и сходных организаций прямо заинтересованы в дальнейшем овладении технологиями ИИ в медиасфере, включая видеоигры.

Террористическая пропаганда в странах Европейского союза в настоящее время направлена на то, чтобы подвигнуть одиночек совершать теракты в местах своего проживания. Так, по сообщениям Европола, в 2019 г. отмечен рост объёма пропагандистских материалов, призывающих одиночек к совершению различных видов поджогов. Предлагаемые методы включали беспилотные летательные аппараты (БПЛА) или дроны, а также аэростатные зажигательные устройства. Таким образом, с падением боевой мощи организации наблюдается и переход от прямых вооружённых столкновений к атакам, в которых исполнитель удалён от объекта. Опасения по поводу использования дронов террористами высказываются в исследовательском сообществе⁶⁶, на сайтах Всемирного экономического форума⁶⁷ и ветеранских ассоциаций США⁶⁸. Задokumentирован случай при-

⁶³ MEMRI TV Videos. Hizbullah Launches «Holy Defense» computer game simulating its battles in Syria and Lebanon // Youtube. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fabAUPcG-GE> (дата обращения 18.03.2024).

⁶⁴ Радикальная исламистская идеология. Главным отличием такфиризма от других исламистских течений является обвинение мусульман в неверии.

⁶⁵ Dar al-Manar. The Holy Defense Game // Holy Defense. 2022. URL: <https://www.holydefence.com/article.php?id=1&cid=3&catidval=0> (дата обращения 18.03.2024).

⁶⁶ Chamola V., Kotesch P., Agarwal A., Naren, Gupta N., Guizani M. A Comprehensive review of unmanned Aerial Vehicle attacks and neutralization techniques // Ad Hoc Networks. 01.02.2021. DOI: 10.1016/j.adhoc.2020.102324

⁶⁷ Clarke C. Drone terrorism is now a reality, and we need a plan to counter the threat // World Economic Forum. 2018. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/08/drone-terrorism-is-now-a-reality-and-we-need-a-plan-to-counter-the-threat/> (дата обращения 18.03.2024).

⁶⁸ Pledger T. The role of drones in future terrorist attacks // Association of the United States Army (AUSA). 2021. URL: <https://www.ousa.org/publications/role->

менения ИГ дрона против военной техники: «Когда иракские танки загнали ИГИЛ в угол во время битвы за Мосул в 2017 г., экстремисты вывели из строя американский *MIAI* ... с помощью импровизированного дрона, сбросив небольшую гранату рядом с командирским люком»⁶⁹. Известны попытки сторонников ИГ приобрести беспилотники в Дании и переслать в Ирак и Сирию для совершения терактов⁷⁰. 4 августа 2018 г. с помощью беспилотного летательного аппарата было совершено неудачное покушение на президента Венесуэлы Николаса Мадуро, и стало очевидно, что акторы, готовые совершать политические убийства (как при «полноценных» попытках государственных переворотов, так и для дестабилизации политической обстановки и запугивания граждан), будут совершенствовать эту технологию.

Хотя в указанных случаях ещё не сообщалось о злонамеренном использовании ИИ (дроны не были оснащены ИИ), эксперты выражают опасения, что в будущем агрессивные негосударственные акторы смогут использовать оснащённые ИИ БПЛА. Применение дронов при совершении терактов стало уже устойчивой тенденцией. Так, по состоянию на начало 2022 г. произошло 76 терактов с использованием БПЛА. «Первая атака произошла в 2016 г., количество атак в год варьировалось (от 4 до 36). 47 из 76 атак (70%) оказались успешными... Всего зафиксировано 50 смертей и 132 ранения»⁷¹. Вместе с тем отмечается как быстрый рост рынка дронов⁷², так и развитие связанных с ними технологий ИИ, в частности, возможность координировать работу нескольких дронов одновременно (т.н. «рои») или оснащение аппаратов системами наблюдения с функцией распознавания лиц⁷³. К 2018 г. относится задокументированный случай

drones-future-terrorist-attacks (дата обращения 18.03.2024).

⁶⁹ Tollast R. Terrorist drone attacks: could new technology stop the threat? // The National. 2022. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/2022/02/23/terrorist-drone-attacks-could-new-technology-stop-the-threat/> (дата обращения 18.03.2024).

⁷⁰ The Cipher Brief. Terrorists' use of drones and other emerging technologies. 2018. URL: https://www.thecipherbrief.com/column_article/terrorists-use-of-drones-and-other-emerging-technologies (дата обращения 18.03.2024).

⁷¹ Barten D., Tin D., De Cauwer H., Ciottone R., Ciottone G. A counter-terrorism medicine analysis of drone attacks // Prehospital and Disaster Medicine. 2022. N37. P. 192-196. DOI: 10.1017/s1049023x22000139

⁷² Pledger T. The role of drones in future terrorist attacks... 2021.

⁷³ UNICRI, UNCCT. Algorithms and terrorism: the malicious use of artificial intel-

атаки роя дронов против российской военной базы в Сирии, названный признаком «нового типа противоборства»⁷⁴. Теракты, при которых исполнитель находится на безопасном расстоянии, но нацеленные на важные объекты инфраструктуры (крупные производства, военные объекты и т.п.) могут иметь более шокирующий эффект. Более того, возможность удалённой атаки может изменить сами методы террористической деятельности и концепты пропаганды (например, снижение числа террористов-смертников и уход на второй план образа жертвы перед образом неминуемо успешной акции), что может соблазнить примкнуть к террористам больше колеблющихся.

ИИ может в корне изменить механизм террористической вербовки. Традиционному вербовщику-человеку всегда требуется время для того, чтобы лучше узнать потенциального вербуемого и начать с ним беседу в социальных сетях или мессенджерах. После этого, как правило, вербовщик задаёт вербуемому целый ряд личных вопросов (нет ли у последнего желания создать семью, проблем в профессиональной сфере и т.п.), выясняя его уязвимые места⁷⁵. После этого вербовщик обещает вербуемому именно то, чего тому не хватает в жизни – счастье в браке, стабильность, признание, профессиональный рост, реализацию способностей и т.п. Как путь ко всему этому, конечно, указывается вступление в террористическую организацию. Сегодня стремительно растут возможности ИИ не только в отслеживании цифровых следов человека, но и в конструировании контента. Так, анализ тональности поведения жертвы в цифровой среде может сократить время изучения его/её привычек, сильных сторон и уязвимостей. Распознавание лиц при этом может отследить появления фото/видео вербуемого даже на тех ресурсах, где не указано его имя. Наконец, технологии глубоких подделок (дип-

ligence for terrorist purposes. United Nations Office of counter-terrorism (UNOCT) and United Nations interregional crime and Justice Research Institute (UNICRI), 2021. New York and Torino. P. 34.

⁷⁴ Lubrano M. Drone attack shows non-state actors' UAVs capabilities // Global Risk Insights. 2018. URL: <https://globalriskinsights.com/2018/01/swarm-drone-attack-syria-uav/> (дата обращения 18.03.2024).

⁷⁵ Psikhologicheskaya Gazeta. Pamjatka «Kak ponjat', chto tebja verbujut v IGIL?» [Memo «How to understand that you are being recruited to ISIS?»]. 2016. URL: <https://psy.su/feed/5237/> (дата обращения 18.03.2024).

фейков), как видео, так и звуковых, могут быть использованы злоумышленником для создания образа, который с большей вероятностью понравится жертве манипуляций (вплоть до нескольких образов людей разного пола, возраста, уровня образования и т.п. для нескольких вербуемых одновременно).

Растёт угроза злонамеренного использования технологии подделок террористическими организациями и террористами-одиночками. Террористы могут использовать их, чтобы, выдавать себя за родственников или коллег жертвы обмана и получить средства для финансирования организации. Также в процессе террористической вербовки или разжигания межнациональной розни может использоваться поддельный видеоконтент, показывающий солдат западных стран, совершающих военные преступления против мусульман⁷⁶. Европол отмечает, что «подделка документов способствует совершению других преступлений, таких как... терроризм, поскольку преступники часто используют поддельные удостоверения личности для поездок. Технология подделок может повысить риск мошенничества с документами со стороны организованных преступных группировок»⁷⁷. Задokumentированы случаи⁷⁸ создания абсолютно новой личности (которую невозможно отследить) для распространения дезинформации, что тоже может быть взято на вооружение террористическими организациями.

Последствиями социальной инженерии может стать использование преступниками физических объектов – технических средств, управляемых ИИ, т.н.я переориентация коммерческих систем ИИ. В 2018 г. специалисты Оксфордского университета привели в качестве примера доставку взрывчатки или аварии с участием дронов и автономного транспорта⁷⁹. Можно предполо-

⁷⁶ Lis A., Olech A. Technology and terrorism: artificial intelligence in the time of contemporary terrorist threats. Institute of New Europe. 2021. P. 110.

⁷⁷ Europol (2022) Facing reality? Law enforcement and the challenge of deepfakes. Publications Office of the European Union, Luxembourg. P. 13.

⁷⁸ Reuters. Deepfake used to attack activist couple shows new disinformation Frontier. 2020. URL: <https://gadgets.ndtv.com/internet/features/deepfake-oliver-taylor-mazen-masri-terrorist-accuse-london-university-of-birmingham-student-fake-profile-2264044> (дата обращения 18.03.2024).

⁷⁹ Brundage M., Avin Sh., Clark J., Toner H., Eckersley P., Garfinkel B., Dafeo A., Scharre P., Zeitzoff T., Filar B., Anderson H., Roff H., Allen G.C., Steinhardt J.,

жить использование «умных» роботов-курьеров или роботакси в данном качестве. По мере широкого внедрения подобных технологий в повседневную жизнь общества, их использование террористами может привести к большей панике и дезориентации. При этом можно говорить о воздействии на общественное сознание, схожем с коммуникационным эффектом «традиционного» теракта: убийство или ранения сами по себе шокируют, без помощи слов и образов.

Растёт и число возможностей такой переориентации, в том числе по мере внедрения голосовой биометрии, способы взломать которую находят преступники. Для этого, как отмечают специалисты компании *Pindrop*, существует несколько тактик, к примеру, имитация (преступники выдают себя за авторизованного пользователя либо избегают идентификации с помощью маскировки), повторная атака (запись голоса авторизованного пользователя и воспроизведение его по телефону), изменение голоса (программное обеспечение преобразует голос злоумышленника в голос другого человека) и синтез голоса с помощью алгоритмов глубокого обучения. Возможности электронного искажения голоса позволяют преступнику совершенствоваться, скажем, высоту тона.

При этом целый спектр новых рисков создают синтетические продукты ИИ, которые включают, в частности, управление физическими объектами наряду с системами идентификации пользователя по голосу или видеоизображению. В качестве примера можно привести результат экспериментального исследования специалистов Рурского университета г. Бохума в Германии. Они сообщили об успехе кодирования команд для ИИ на фоне более громких звуков на той же частоте. В их демонстрационном видео как люди, так и инструмент распознавания человеческой речи *Kaldi* могут услышать женщину, читающую бизнес-новости. «Однако в фоновые данные встроена команда, которую может распознать только *Kaldi*: “Деактивировать камеру наблю-

Flynn C., Ó Heigeartaigh S., Beard S., Belfield H., Farquhar S., Lyle C., Crootof R., Evans O., Page M., Bryson J., Yampolskiy R., Amodei D. The Malicious use of artificial intelligence: forecasting, prevention, and mitigation, future of Humanity Institute. 2018. University of Oxford, Oxford, AZ. P. 27.

дения и открыть входную дверь»⁸⁰. Сами эксперты говорят, что теоретически этот подход может быть использован, например, для совершения мошенниками покупок от лица владельца. Однако путём сценарного анализа можно доказать, что угрозу могут реализовать в своих целях террористы.

Таким образом, социальная инженерия посредством ИИ, если понимать её в широком смысле (как манипуляции с целью заставить человека совершить определённый поступок) может использоваться террористами не только в пропаганде или вербовке. Она может быть направлена на уже активных боевиков, чтобы снизить уровень их возможного сочувствия жертве, а также для проведения терактов на физических объектах.

ЧАСТЬ II. ЭТНИЧНОСТЬ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ

ГЛАВА 5. ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЕКТОРОВ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Этнические партии на современном этапе становятся всё более значимыми акторами в политических системах демократических государств. Заметное усиление роли политических партий данного типа обуславливает высокий интерес к ним со стороны научного сообщества. Однако до сих пор отсутствует единый подход к выделению критериев этнических партий и, соответственно, их классификации. Как результат, у исследователей в ряде случаев возникают расхождения в том, какую политическую силу рассматривать в качестве этнической, а какую нет. Следствием высокой вовлечённости этнических партий в политический процесс стало их активное взаимодействие с окружающими субъектами, имеющими зачастую противоположные интересы. Поэтому в данной главе будут выделены и проанализи-

⁸⁰ Lourenco R. Could hackers trick voice assistants into committing fraud? Researchers say yes // Venture Beat. 2019. URL: <https://venturebeat.com/2019/02/17/could-hackers-trick-voice-assistants-into-committing-fraud-researchers-say-yes/> (дата обращения 18.03.2024).

рованы основные векторы взаимодействия этнических партий, на основе чего будут предложены подходы к их возможным классификациям.

По мнению учёных, партию можно определить в качестве этнической только в случае, если она последовательно выступает в интересах какого-либо этноса⁸¹. При этом данная этническая группа не должна быть национальным большинством. В этой связи ключевым вектором взаимодействия этнических партий является их отношение с национальной группой, интересы которой они артикулируют. Однако мы можем наблюдать, как в отдельных странах, даже внутри одного государства, этнические партии выбирают различные стратегии взаимодействия со «своим» электоратом. Таким образом, мы можем утверждать, что существует различная степень проявления этнической идентичности партий данного типа. Чем это проявление ярче выражено, тем сильнее политическая сила позиционирует себя в роли представительницы конкретного этноса. Ряд политических сил напрямую позиционирует себя в качестве этнических. Кроме непосредственного обращения к национальной группе могут применяться различные меры символического характера, подчёркивающие этнический характер политической силы. На невербальном уровне это может быть присутствие цветов национального флага в официальной символике партии. На вербальном – наличие наименования национальной группы в названии (например, Баскская националистическая партия, Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей, Шведская народная партия) и использование национального языка в агитации. Наряду с этим политическая сила может подчеркнуть свой этнический характер посредством участия в мероприятиях по случаю памятных для этнической группы дат.

В научном сообществе преобладает точка зрения, что прямое определение партии себя как этнической не является обязательным критерием⁸². Поэтому нужно определить иные харак-

⁸¹ Осколков П.В. Этнические партии и этническое голосование: проблемы концептуализации и факторы развития // МЭиМО. 2020. Т. 64. №8. С. 113.

⁸² Chandra K. What is an ethnic party? // Party Politics. 2011. Vol. 17, N2. P. 151-169.

теристики, отражающие степень этнической идентичности политической силы. Среди них стоит выделить высокую долю в избирательных списках кандидатов и руководстве этнических партий представителей национального меньшинства. Другой важный критерий – представленность этнического компонента в партийном дискурсе. Он может выступать как в роли центрального, так и быть одним из основных. Примечательно, что данный компонент в программах этнических партий нередко связан с регионалистским⁸³. Это обусловлено тем, что национальное меньшинство зачастую проживает географически компактно, поэтому нередко воедино сливаются защита прав этнической группы и поддержка развития территории компактного проживания этноса⁸⁴.

Национальные группы также дифференцировано относятся к партиям, апеллирующим к их групповым интересам. Главным образом это проявляется в степени электоральной поддержки на выборах разного уровня. Существуют случаи, когда представители национального сообщества активнее голосуют за партии с менее выраженной этнической идентичностью. В качестве примера можно привести политическую ситуацию в Латвийской Республике, где русские избиратели на протяжении продолжительного времени в большинстве своём поддерживали партию «Согласие», а не «Русский союз Латвии»⁸⁵. Национальные группы также косвенно влияют на идеологический портрет этнических партий, поскольку последние формируют свои политические программы с учётом социально-экономического положения своего электората. В результате исследователи отмечают широкое идеологическое разнообразие этнических партий⁸⁶. По этой причине этнические партии стран ЕС являются членами

⁸³ Грабевник М.В. Электоральный регионализм: случай Демократического союза венгров Румынии // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16. №1. С. 35.

⁸⁴ Кришталь М.И. Электоральные процессы в постсоветских странах Балтии и Восточной Европы: Учебное пособие / Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2023. С. 15.

⁸⁵ Кришталь М.И. Положение и политический дискурс русских партий Латвии и Эстонии в новых геополитических реалиях // Современная Европа. 2024. №1. С. 107.

⁸⁶ Осколков П.В. Этнические партии и этническое голосование: ... С. 114.

различных европейских партийных объединений. При этом всё же значительная их часть входит Европейский свободный альянс, который защищает позиции этнорегионализма.

Второй вектор – взаимодействие этнической партии и центрального правительства страны. Действия последнего в области национальной политики во многом формируют спектр и характер требований этнических партий. Политика, направленная на ущемление прав национальных меньшинств, вызывает вполне ожидаемую протестную реакцию со стороны этнических партий. В результате требования этнических партий могут варьироваться от умеренного регионализма до радикального сепаратизма⁸⁷. Национальная политика центра также влияет на специфику взаимодействия рассматриваемых партий с правительством. В ряде государств этнические партии выступают привычными партнёрами при формировании правящей коалиции, в других – перманентно находятся в оппозиции⁸⁸. В некоторых случаях отношения этнических партий и центральных правительств достигает стадии острого конфликта, когда власти ряда стран законодательно запрещают создание политических сил на этнической основе⁸⁹, видя в них причину раскола общества по национальному признаку.

Третий вектор – взаимодействие этнической партии и материнского государства (родины национального меньшинства, где оно является большинством). Здесь вновь можно наблюдать существенные различия в политических подходах этнических партий⁹⁰. Наиболее радикальные (например, североирландская «Шин Фейн»⁹¹) требуют интеграции территорий с компактным

⁸⁷ Осколков П.В. Этнорегионалистские партии ЕС: феномен европейского свободного альянса // Современная Европа. 2021. №1. С. 144.

⁸⁸ Панов П.В. Этнические и региональные партии в странах Центральной и Восточной Европы: специфика и траектории развития // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, №3. 26-27.

⁸⁹ Сидоров В.В. Этнические партии как катализатор этнических конфликтов: теоретические и эмпирические аргументы // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, №4. С. 30.

⁹⁰ Dandoy R. Ethno-regionalist parties in Europe: a typology // Perspectives on Federalism. 2010. Vol. 2(2). P. 206.

⁹¹ Гуселетов Б.П. Выборы 2017 года в странах Евросоюза: общее и особенное // Современная Европа. 2018. Т. 81, №2. С. 18-28.

проживанием национального меньшинства с материнским государством⁹². Более умеренные заявляют о необходимости тесного сотрудничества с материнским государством в различных сферах или защищают его интересы по ряду вопросов (например, турецкие партии Болгарии⁹³). В то же время фиксируются случаи, когда партии, представляющие интересы этнического меньшинства, вступают в конфронтацию с материнским государством. Подобная ситуация произошла в Латвии, где партия «Согласие», пользовавшаяся поддержкой большинства русских избирателей страны, с 2022 г. заняла антироссийскую позицию в вопросе конфликта на территории Украины⁹⁴.

Четвёртый вектор – взаимодействие этнических партий друг с другом. Они могут сотрудничать с целью достижения общих политических целей. Существуют как виды коалиций, представляющих интересы одного национального меньшинства (например, на разных этапах арабские партии Израиля, албанские партии Северной Македонии), так и ориентированных на поддержку разных национальных меньшинств (представители русских партий Литвы ранее неоднократно включались в предвыборные списки Избирательной акции поляков Литвы). В то же время общность электората зачастую предопределяет конкуренцию этнических партий. Также существуют случаи раскола единой этнической партии на несколько других.

Пятый вектор, характерный исключительно для этнических партий ЕС, – их взаимодействие с институциональными структурами Европейского союза. Часть этнических партий выступает с позиций еврооптимизма. Однако для политических сил, тяготеющих к крайним идеологическим спектрам, характерны евроскептические установки. Крайне правые этнические партии критикуют деятельность институтов ЕС, так как она, по мнению их представителей, способствует размыванию национальной

⁹² Охошин О.В. Политический кризис продолжает угрожать Северной Ирландии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №1. С. 70-74.

⁹³ Подчасов Н.А. Влияние Турции на внешнюю и внутреннюю политику Болгарии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №4. С. 56.

⁹⁴ Жирнова Л.С. От монополии к фрагментации: трансформация русскоязычного электорального ландшафта Латвии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №3. С. 72.

идентичности стран и регионов. Евроскептицизм крайне левых, в свою очередь, обусловлен оценкой Брюсселя как воплощения «буржуазно-империалистического» лагеря⁹⁵.

В обобщённом варианте классификация этнических партий представлена в таблице 1.

Таблица 1

Классификации этнических партий сквозь призму векторов их взаимодействия

Вектор взаимодействия	Классификация партий
Этническая партия – национальная группа	Согласно степени проявления этнической идентичности (высокая – низкая); Согласно уровню электоральной поддержки национальной группой (высокая – низкая); Согласно идеологической приверженности (правые – левые; социалистические – либеральные и т.д.)
Этническая партия – центральное правительство	Согласно характеру спектра требований к правительству (радикальный – умеренный); Согласно характеру взаимодействия с правительством (участие в формировании правительства – оппозиция)
Этническая партия – материнское государство	Согласно специфике отношений с властями материнского государства (позитивная – негативная)
Этническая партия – другая этническая партия	Согласно взаимоотношениям с политическими партиями, ориентированными на защиту интересов той же этнической группы (ориентация на сотрудничество – ориентация на соперничество)
Этническая партия – институциональные структуры ЕС	Согласно отношению к институциональному устройству ЕС (еврооптимисты – евроскептики)

Подводя итоги главы, можно заметить, что данные классификации для этнических партий не являются исчерпывающими. В частности, существуют классификации данных партий по принципу территориальной дифференциации их электоральной поддержки⁹⁶ и иным критериям. Кроме того, развитие данной темы может быть прослежено во влиянии взаимодействий, связанных с этническими партиями акторов (институты ЕС – правительство страны, национальная группа – материнское государство и т.д.), на их классификацию.

⁹⁵ Осколков П.В. Этнорегионалистские партии ЕС: ... С. 145.

⁹⁶ Окунев И.Ю. Географический фаворитизм партий и избирательных систем // Политическая наука. 2022. №4. С. 95.

ГЛАВА 6. НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ НА ПОСЛЕДНИХ ВЫБОРАХ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Привычно думать, что Балканы (Юго-Восточная Европа) и национализм «близнецы-братья». Такое суждение, вспоминая и недавнюю, и более отдалённую историю, выглядит почти неопровержимым и естественным. Но как всякий стереотип, столь размашистое и претендующее на безусловную истинность утверждение методологически ущербно. Оно слишком вне времени и содержит чрезмерные претензии на обобщение и типизацию, чтобы служить надёжной основой анализа реальных сегодняшних процессов. Так, на последних выборах в странах Юго-Восточной Европы националистические сюжеты проявлялись с неодинаковой силой и в самых разных, иногда очень причудливых формах, далёких от исходного образца «классической» ксенофобии по отношению к ближайшим соседям, особенно к тем, кого по каким-то основаниям могут отнести к близким или родственным.

В «чистом» виде подобные темы активно использовались, пожалуй, лишь на всеобщих выборах в Боснии и Герцеговине (2 октября 2022 г.). В ходе предвыборной кампании все три ведущие партии и у бошняков (Партия демократического действия, ПДД), и у сербов (Союз независимых социал-демократов), и у хорватов (Хорватское демократическое содружество), соревновались, кто больше преуспеет в этнической мобилизации «своего» электората с помощью привычной националистической риторики. Фактически же они помогали друг другу, способствуя аналогичному процессу в «инородной» среде. Это и неудивительно. Государственное устройство, где строго регламентированы квоты национального представительства во всех институтах власти и управления, а в процедуру принятия решений встроена сложная система согласования интересов этнических общин с правом вето в крайних случаях, само является постоянно действующим генератором национализма, непрерывно воспроизводящим его как идеологию и политическую практику.

Между тем результат оказался не вполне обычным. Главные

партии сербов и хорватов, хоть и не без труда, добились своего и остались у власти. Но традиционный фаворит бошняков – ПДД во главе с Б. Изетбеговичем – потерпел поражение от оппозиционной коалиции под руководством Социал-демократической партии, которую составили организации, позиционирующие себя как светские, не националистические и даже мультиэтнические⁹⁷. Означает ли это, что этнический национализм на этот раз не сработал? Более точным представляется другой вывод. Во-первых, ПДД и его лидер слишком долго засиделись во власти и обросли коррупционными наростами. Во-вторых, что ещё важнее, они утратили прежнюю поддержку Вашингтона и Брюсселя, поскольку своим твёрдоголовым упрямством стали мешать западным патронам осуществлять их сложные манёвры по реформатированию политической сцены БиГ. Не случайно Верховный представитель международного сообщества К. Шмит (легитимность которого, кстати, Республика Сербская и лично М. Додик не признают, поскольку он не прошёл процедуру утверждения в СБ ООН), изменив избирательное законодательство накануне выборов, прямо способствовал тому, чтобы при дележе власти ПДД осталось не у дел.

На парламентских выборах в Словении (24 апреля 2022 г.)⁹⁸ и Болгарии (2 апреля 2023 г.)⁹⁹, президентских (19 марта – 2 апреля 2023 г.) и внеочередных парламентских выборах (11 июня 2023 г.) в Черногории¹⁰⁰ националистические сюжеты претерпели новые метаморфозы и стали выстраиваться по двум другим координатным осям. Уже в ходе финансового, а затем и миграционного кризисов в ЕС во многих государствах региона обнаружилась заметная склонность к суверенизму и евроскептицизму против правоверного евроцентризма. После же начала российской специальной военной операции (СВО) на Украине к

⁹⁷ По своему составу и электорату они остаются преимущественно бошнячками, хотя в руководстве и кандидатских списках этих партий обычно присутствуют граждане иных национальностей.

⁹⁸ Подробнее см.: Кандель П.Е. Парламентские выборы в Словении // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №3. С. 55-61.

⁹⁹ Подробнее см.: Кандель П.Е. Пятые парламентские выборы в Болгарии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №2. С. 55-63.

¹⁰⁰ Подробнее см.: Кандель П.Е. Президентские и парламентские выборы в Черногории // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №3. С. 56-64.

ним добавилось противостояние евроатлантизма (в сегодняшнем контексте зачастую равного неприкрытой русофобии) и многовекторности (иногда она диктуется чистым прагматизмом, в других случаях под неё камуфлируется традиционное во многих странах региона русофильство»). Числить такие проявления по статье национализм формально нет оснований, но их всё же логично трактовать как его современные обличья. Данные феномены базируются на проблематике идентичности и активно её используют, пусть и в превращённой форме.

Примечательно, что на выборах в Словении долгожительница политической сцены, антинатовская и евроскептическая Словенская национальная партия, единственная представительница национализма традиционного толка, не сумела преодолеть 4%-ный барьер (1,49% голосов). Главная же интрига задавалась противостоянием правившей Словенской демократической партии во главе с Я. Яншей (политиком с «неоднозначной» репутацией¹⁰¹) и коалицией левоцентристов, левых и зелёных, объединившей почти всех остальных субъектов политического спектра. Национализм как таковой в этом поединке не мог быть задействован. О накале борьбы свидетельствовала и беспрецедентно высокая явка (70,97%), и необычный итог. Бесспорным фаворитом волеизъявления граждан, фактически превратившегося в плебисцит за или против Я. Янши, стало новое «Движение Свобода», основанное незадолго до выборов Р. Голобом: 34,54% голосов и 41 мандат (в Государственном собрании 90 депутатов). Такого результата в независимой Словении ещё никто не достигал, хотя неожиданные победы новичков политической сцены в стране

¹⁰¹ Министр обороны в 1990–1994 гг., премьер-министр в 2004–2008, 2012–2013 и 2020–2022 гг., глава Словенской демократической партии с 1993 г., человек, неоднократно обвинявшийся в коррупции и отсидевший за это в тюрьме. Лидер с авторитарными наклонностями внутри партии и вовне, постоянно враждующий со СМИ и общественными организациями, не чурающийся конфронтации с Брюсселем, поклонник и союзник венгерского премьера В. Орбана, явно копирующий его политическую стилистику. Правда, в отличие от своего кумира, Я. Янша, рассчитывая поправить отношения с «еврократами» и привлечь новых сторонников, после начала СВО занял активно враждебную России позицию: отправил оружие на Украину и съездил вместе с польским и чешским премьерами в Киев. Но ни евроскептицизм, ни евроатлантизм, ему не помогли, поскольку словенского избирателя волновали преимущественно домашние проблемы.

уже не редкость. Начиная с 2011 г., протестующий избиратель неизменно отдаёт предпочтение новым общественным движениям и политическим новобранцам, которым достаточно свежего образа и незапятнанной репутации, чтобы стать воплощением последней надежды. Словенское общество уже не в первый раз выражает своё недоверие традиционным партиям, возлагая свои чаянья на очередного мессию, призванного чудодейственным образом решить все проблемы. В 2011 г. это был З. Янкович во главе «Позитивной Словении»; в 2014 г. – М. Церар с партией своего имени; в 2018 г. – М. Шарец. Явление знакомое и другим странам. Именно поэтому «Свобода» смогла аккумулировать большую часть протестного потенциала, перехватив его у других оппозиционеров. Здесь сказался своеобразный инстинкт словенского электората: он вообще не слишком жалуется политический класс своей страны, а партии в рейтинге доверия различным государственным и общественным институтам неизменно стоят на последнем месте. В такой оптике побывавшие у власти уже потому ущербны. Формально целями нового коалиционного Кабинета (зелёных, левоцентристов и левых) провозглашены «зелёная трансформация», открытое общество и создание современного государства всеобщего благосостояния, однако реальной первоочередной задачей стало устранение последствий правления Я. Янши. Во внешнеполитическом разделе программы правительства Р. Голоба основное внимание уделено укреплению отношений с Брюсселем и повышению роли Словении в ЕС, что предполагает полную солидарность с их внешнеполитическими акциями. Но поскольку в коалицию входят «Левые», настроенные пацифистки и, скорее, сочувственно к России, продолжение поставок оружия на Украину решили не предавать гласности.

Схожая ситуация, когда фаворитом оказывается новое и созданное перед выборами движение во главе с политическими новичками, сложилась в Болгарии и Черногории, а до этого в Молдове. Повторение одной и той же тенденции в разных государствах позволяет говорить об определённой закономерности. Основной причиной видится разочарование значительной части общества в действующих партиях и лидерах и запрос на обновление политической сцены. Оно отвечает и потребностям всту-

пающего в жизнь нового поколения, взыскующего своего места во властных и управленческих структурах. Но бросается в глаза и другой аспект наметившейся тенденции, который позволяет предполагать единую и вполне продуманную исходную сценарную разработку: во главе новых политических субъектов всякий раз оказываются люди, получившие образование на западе и имеющие опыт работы в западных и международных компаниях, зарекомендовавшие себя последовательными сторонниками евро-атлантической ориентации: К. Петков и А. Василев в Болгарии, Я. Милатович и М. Спайич в Черногории, М. Санду в Молдове. Будучи правыми по своим убеждениям, они достаточно гибки, чтобы привлекать протестный электорат щедрыми социальными мерами из арсенала левых.

В пользу гипотезы о вполне осознанном внешнем планировании подобного поворота говорит многое. И схожесть тактики подобных движений в разных странах. И неожиданно большие медийные и финансовые ресурсы у политических новобранцев. И поддержка многочисленных НПО и НКО, финансируемых западными фондами. И, наконец, поведение западных эмиссаров и посольств, которые беззастенчиво, как «своим», диктуют новым лидерам состав возможных коалиций и Кабинетов. Похоже, в Вашингтоне и Брюсселе, где долгое время предпочитали закрывать глаза на коррупцию и малое соответствие верноподанных балканских лидеров, вроде Б. Изетбеговича, Б. Борисова или М. Джукановича, задаваемым «европейским стандартам» демократии и права, решили изменить тактику. В западных столицах явно взяли курс на замену растранивших политический и моральный капитал, засидевшихся во власти автократов новыми молодыми руководителями западной выучки. Эффективность подобной линии обеспечивается именно тем, что внешний заказ соответствует внутреннему низовому запросу. Правоммерно квалифицировать это явление как своеобразный «популизм наизнанку». Если прежде популистскими было принято называть контрэлитные, противостоящие политическому истеблишменту протестные движения «евроскептического» толка, которых в Брюсселе не жаловали, то ныне их стилистику решили взять на вооружение новейшие образования евро-атлантической

ориентации. Характерно, что первоначальные инициаторы массовых низовых протестов (иерархи Сербской православной церкви в Черногории, сумевшие на первых порах сделать главой правительства своего ставленника З. Кривокапича) или лидеры движения «Встань Болгария! Мы идём!» в Болгарии, оказались гораздо менее успешны, чем десантированные западными патронами или получившие их поддержку руководители новых правых, сумевшие присвоить капитал социального протеста.

Правда, для новоявленных фаворитов политической сцены формирование коалиционных правительств оказалось сложной задачей. Всеобщий запрос на обновление политической сцены и нового вождя-спасителя предъявляет и к нему высокие требования, и при очевидном несоответствии разочарование наступает очень быстро. Яркий пример показала Болгария. Парламентские выборы 2 апреля 2023 г. оказались пятыми за последние три года и четвертыми досрочными. Европейский, если не мировой рекорд обусловлен глубоким расколом элиты и хронической недоговороспособностью победителей, что и привело к затяжному политическому кризису. Сказалось отсутствие опыта у их лидеров. Но ещё важнее иная причина: сменить образ предводителя массового протеста, требующего бескомпромиссности, на роль политического деятеля и государственного мужа, для которого компромисс необходимость, большое искусство, не всем данное. Так, первоначальный любимец контрэлитных протестующих масс – популярный телеведущий и бард в стиле фолк-рок С. Трифонов, возглавивший движение «Есть такой народ!», довольно скоро утратил популярность и поддержку избирателей из-за высокомерного по отношению ко всем потенциальным союзникам поведения и демонстративного нежелания ни с кем договариваться. Вместе с тем позиции партий низвергнутых автократов и коррупционеров оказались прочнее, чем предполагалось, что тоже не случайно. За время долгого пребывания у власти и сращивания с государственным аппаратом, они обзавелись разветвлённой сетью выгодоприобретателей, которые боятся утратить свои преимущества при смене политического режима. Наконец, в условиях примерно равного соотношения сил в парламентах потенциальные коалиционные партнёры из числа мно-

гочисленных малых партий, в первую очередь национальных меньшинств, которые объективно стали играть роль балансира на политических весах, максимально повысили цену своего участия в тех или иных комбинациях. Поэтому потребовались свежие запасные игроки на роль обновителей.

По той же причине внешним заказчикам понадобилось обогатить свой арсенал ещё одним изобретением. Новинкой политтехнологов, своего рода «электоральной революцией», гораздо более надёжной и менее затратной, чем практиковавшиеся прежде «цветные революции», стало формирование «немыслимых коалиций» и правительств из недавних политических врагов, которые ещё вчера вели войну на уничтожение, с договорённой ротацией глав таких Кабинетов спустя определённое время. Подобный приём был относительно успешно опробован в Румынии и Болгарии¹⁰². Похоже, его попытаются применять и впредь. Цель очевидна: обеспечить стабильную и последовательную евро-атлантическую ориентацию новых властей, «не допустить второй Венгрии или Сербии».

А что же традиционный национализм? В Черногории он перестал быть эффективным. Неутомимые попытки М. Джукановича превратить её в «анти-Сербию» и противопоставить проевропейскую часть оппозиции просербской, что прежде неизменно приносило успех, на этот раз закончились поражением и самого Джукановича, и его Демократической партии социалистов. Правда, и тех, кто сделал своей «профессией» защиту интересов черногорских сербов и эксплуатацию пророссийских настроений этой части электората, трудно назвать победителями. Хотя коалиция «За будущее Черногории» («Новая сербская демократия» А. Мандича, «Демократическая народная партия» М. Кнежевича и Рабочая партия) и осталась значимым субъектом политической сцены (14,76% голосов и 13 мандатов из 81), ей пришлось приложить немало усилий и изворотливости, посту-

¹⁰² Впервые на это указал отечественный автор И. Иваненко: «Не допустить “второй Венгрии”. В Евросоюзе изобрели новый политический трюк». URL: <https://regnum.ru/article/3810282?ysclid=lmrgp46d48657329114> (дата обращения 02.10.2023). Но он усматривает в данном феномене лишь расчёты внешних сил (Вашингтона и Брюсселя), тогда как важнее другое: совмещение внешнего заказа с внутренним низовым запросом.

питься многими своими приоритетами, чтобы добиться своей доли в структурах новой власти. Соответственно, посол США и представители ведущих европейских держав сделали всё, чтобы не допустить их в правительство, но не преуспели.

Между тем в соседних странах национализм показал, что он ещё вполне работоспособен. Так, в Болгарии политический кризис и малая дееспособность новых партий, эксплуатировавших настроения протестного электората, привели к росту популярности антисистемного, евроскептического, антинаатовского, пророссийского и великоболгарского «Возрождения» во главе с К. Костадиновым. Оно сумело перехватить голоса у всех прежних националистических организаций, заместив их в парламенте. Движение получило третью по численности фракцию в Народном собрании: 14,16% голосов (358 174 избирателей) и 37 мандатов. Прирост по сравнению с последними выборами составил 103 322 человек и 10 мандатов. Правда, оно оказалось изгоем на политической сцене и все представленные в парламенте партии пока чураются каких-либо контактов с ним. Но «противоестественный союз» ведущих прозападных партий развалился. Новые, шестые за последние три года и пятые внеочередные выборы в Народное собрание, которые состоялись одновременно с выборами Европарламента 9 июня 2024 г., не изменили ситуацию: сформировать полноценное правительство вновь не удалось никому. Страна твёрдым уверенным шагом движется к седьмым за последние три года парламентским выборам в октябре 2024 г. Они и станут очередным тестом на состоятельность для всех участников.

Примечательно, что схожая тенденция обнаружилась и в соседней Румынии, где также появился и набирает популярность новый политический субъект популистского толка, удачно эксплуатирующий евроскептические и великорумынские, но в данном случае отнюдь не пророссийские настроения, – национал-консервативный Альянс за объединение румын во главе с Г. Сиmioном. Примером для подражания, по его словам, являются «Братья Италии». Учредительный съезд организации прошёл в 2019 г. в преддверии парламентских выборов 2020 г., на которых она получила 9% голосов и сформировала четвёртую по величии-

не фракцию в законодательном органе. Любопытно, что Альянс занял первое место среди румын в Италии, где самая многочисленная диаспора, и на Кипре, второе место – во Франции и в Испании¹⁰³. На выборах в Европейский парламент в июне 2024 г. он набрал 14,9% голосов и завоевал 5 (из 33) депутатских мандатов. Впрочем, великорумынская риторика не менее свойственна и другим представителям крайне правых – созданному перед выборами альянсу «Объединённые правые» (8,71% голосов и 3 места в Европарламенте) и «СОС Румыния» (5,03% и 2 депутата).

Сложнее ситуация в Сербии. На прошедших 3 апреля 2022 г. всеобщих выборах А. Вучич, вновь баллотировавшийся на пост главы государства, победил триумфально, но его Сербская прогрессивная партия понесла ощутимые потери, а в парламент под пророссийскими и антизападными лозунгами прошли и несколько правонационалистических блоков, которые прежде влачили довольно жалкое существование на обочине политического поля. Внеочередные выборы Народной скупщины 17 декабря 2023 г. и местные (в столице и ряде муниципалитетов), повторённые в июне 2024 г., вновь изменили расстановку сил. Полный разброд в рядах оппозиции и неразрешимые противоречия между её прозападным и правонационалистическим флангами обеспечили очередную викторию правящей партии. На этот раз правонационалистические партии, которые умудрились вступить в конкуренцию и между собой, по большей части выпали из списка парламентских, хотя опросы фиксируют усиление евроскептических и пророссийских настроений. Их главная причина: настойчивое давление Вашингтона и Брюсселя на Белград, чтобы добиться юридического признания независимости Косова, для массового сознания неприемлемого, и неустанные провокации косовского премьера А. Курти (даже вопреки позиции западных патронов) против проживающих там сербов. Вопрос лишь в том, кто впредь сумеет аккумулировать этот потенциал.

Весной 2023 г. «Евробарометр»¹⁰⁴ зафиксировал, что Сербия

¹⁰³ Rezultate parțiale alegeri parlamentare 2020. AUR, surpriza din Diaspora: pe locul 1 în Italia, pe 2 în Spania. URL: <https://www.digi24.ro/alegeri-parlamentare-2020/rezultate-parțiale-alegeri-parlamentare-2020-aur-surpriza-din-diaspora-pe-locul-1-in-italia-pe-2-in-spania-1413674> (дата обращения 27.10.2023).

¹⁰⁴ Standard Eurobarometer – 99. Spring 2023. Public opinion in the European Uni-

по отношению населения к ЕС, НАТО, России зримо выделяется среди других стран региона. Он также показал, что близкие настроения не совсем чужды и гражданам Северной Македонии. Схожей является и их основа: оскорбительные для собственной идентичности великоболгарского толка домогательства соседней страны и их фактическая поддержка Брюсселем и Вашингтоном, уступившим настояниям Софии. Подчёркнутая лояльность македонских властей евро-атлантическому курсу была связана со стремлением снять болгарское вето на продолжение переговоров о вступлении в ЕС. Но при всём желании правительство оказалось не способно сделать это. Для внесения поправок в конституцию, чтобы болгары значились среди национальных меньшинств страны, чего требует София, оно не смогло собрать необходимых $\frac{2}{3}$ голосов в парламенте. Оппозиция же, активно используя этот болезненный для национального самосознания сюжет, сумела добиться громкой победы на состоявшихся 24 апреля и 8 мая президентских и парламентских выборах. Именно усталость от долговременного ожидания в приходе ЕС и разочарование в позиции Брюсселя объясняют евроскептические и антинатовские настроения в Северной Македонии.

Общий вывод можно сформулировать так: националистические сюжеты не исчезли из электоральной повестки, поскольку на них сохраняется достаточно сильный массовый запрос, который местами стимулируется довольно неуклюжей политикой Брюсселя и Вашингтона по отношению к отдельным государствам региона. Но политические силы, пытающиеся эксплуатировать подобные настроения в «классической» форме, почти нигде не завоевали доминирующих позиций. Более результативной оказалась ставка на популистские движения нового толка из рядов правых и/или зелёных, использовавших конкурентный низовой запрос на обновление политической сцены и новое поколение политиков. Их успех в Словении, Черногории, Болгарии не в последнюю очередь обеспечен поддержкой со стороны США и ЕС, которые эффективно «оседлали» данную тенденцию.

on. Data annex – en. Eurobarometer. 04.2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2553> (дата обращения 26.08.2023).

ГЛАВА 7. МИГРАЦИОННЫЙ ВОПРОС И ПРАВЫЕ ПОПУЛИСТЫ В БЕЛЬГИИ И НИДЕРЛАНДАХ В 2023–2024 гг.

Досрочные национальные выборы 2023 г. в Нидерландах, выборы в Европарламент 2024 г. и совпавшие с ними федеральные выборы в Бельгии оказались значимыми для европейской политики. Общим местом стали утверждения о том, что победу на выборах в Нидерландах одержала праворадикальная (на самом деле она очевидно демонстрирует все признаки правопопулистской политической силы¹⁰⁵) Партия свободы, а также, что правые силы теперь будут в значительной степени определять политическую повестку дня в Бельгии (с учётом условной победы т.н. правопопулистской партии Новый фламандский альянс во Фландрии). Пресса европейских стран, особенно та её часть, которая симпатизирует наднациональным проектам в ЕС, распространяла весьма алармистские материалы, грозя неминуемым поправением политической системы континента. Оставляя за скобками методологические вопросы, касающиеся современного наполнения понятия «правые», имеет смысл остановить внимание на тех факторах, которые обеспечили рост популярности правых популистов в Нидерландах и Бельгии, а также на увеличении общественной значимости ряда социальных проблем, прежде всего речь идёт о последствиях миграционной волны. Стоит отметить, однако, что сам дискурс о «поправении» современных политических систем в европейских странах можно считать весьма условным, поскольку речь идёт не столько о росте популярности классических правых идей, сколько о подъёме значимости определённых вопросов, которые правопопулистские силы используют в своих предвыборных кампаниях. Можно даже утверждать, что увеличение поддержки правых популистов является не проблемой как таковой, а, скорее, симптомом общего политического кризиса (и кризиса современного политического мейнстрима), в котором оказались государст-

¹⁰⁵ Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности / под ред. Л.С. Окуновой, А.И. Тэвдой-Бурмули. М.: МГИМО-Университет, 2020. С. 104-121.

ва ЕС. Представляется, что пример Нидерландов и Бельгии в этом контексте весьма показателен.

На деле победу «правых сил» в Нидерландах землях стоит действительно считать весьма условной, даже несмотря на то, что она уже начинает приносить значимые изменения в общественно-политическое пространство. «Условность» победы Партии свободы в Нидерландах обеспечивается даже чисто формальными причинами: после длительных и изнурительных переговоров по формированию нового правительства был создан т.н. «экстрапарламентский» Кабинет (т.е. Кабинет без поддержки постоянного большинства в нижней палате), что отражает невозможность создания «своего» правительства лидером Партии свободы Г. Вилдерсом. Кроме того, правопопулистские партии как в Нидерландах, так и в Бельгии значительно смягчили свою предвыборную риторику, что стало отражением классической проблемы таких сил: по мере приближения к власти колкость их нападок на систему довольно серьёзно снижается. Например, когда в июле 2024 г. формировать правительство в Бельгии назначили лидера правопопулистского Нового фламандского альянса Б. де Вевера, основные противоречия на межпартийных переговорах при согласования коалиционного договора были сосредоточены не в сфере ценностных вопросов, на которых могли бы настаивать правые, а в сфере социально-экономических преобразований¹⁰⁶.

Условен также и «правый поворот», который произошёл в этих странах. Это может показаться парадоксом, но накануне выборов нидерландский электорат, который традиционно был в принципе «центристским» по своим ценностным ориентирам, довольно серьёзно сместился влево¹⁰⁷, что также в значительной степени было определено социально-экономическими вопросами.

¹⁰⁶ Nachtelijke onderhandelingen leiden opnieuw niet tot een akkoord: vandaag overleg van de laatste kans voor formateur De Wever / VRT Nieuws. 22.08.2024. URL: <https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2024/08/22/onderhandelingen-federale-formatie-geen-akkoord-formateur-de-wever/> (дата обращения 15.09.2024).

¹⁰⁷ Kanne P. Nederlandse kiezer wil het socialer, duurzamer en progressiever / I&O Research, Amsterdam. URL: <https://www.ioresearch.nl/wp-content/uploads/2021/01/nederlandse-kiezers-progressiever-in-2020-dan-in-2010.pdf> (дата обращения 15.09.2024).

Одной из центральных проблем прошедшего предвыборного цикла в обеих странах стала миграция, в особенности вопрос предоставления убежища. Само проведение досрочных выборов в Нидерландах было вызвано миграционным кризисом, который разразился в стране в середине 2023 г. (одним из поводов для недовольства было переполнение центров временного размещения лиц, ищущих убежище). В Бельгии даже в риторике Фламандского блока, который традиционно рассматривается как сепаратистски настроенная партия, миграционный вопрос серьезно затмил любые вопросы о потенциальной независимости Фландрии и вышел на первый план. Стал он наиболее значимым и для электората этой партии¹⁰⁸.

В структуре населения Бельгии и Нидерландов роль миграционного фактора крайне заметна. Здесь несколько раньше, чем в среднем по ЕС, наметилась тенденция к тому, что общие темпы прироста населения начали определяться не естественным, а механическим (миграционным) приростом. В результате в структуре населения мигранты начинают играть весьма существенную роль (табл. 2). Так, в Нидерландах на лиц с миграционным прошлым приходится уже четверть населения. Особенно заметно присутствие мигрантов в крупных городах: коренное население в Амстердаме составляет 41%¹⁰⁹, а в Брюссельском столичном регионе – всего 23%¹¹⁰.

В целом отношение к мигрантам в Бельгии и Нидерландах можно назвать вполне положительным. По данным «Евробарометра», доля респондентов, чувствующих себя «комфортно» в окружении мигрантов, превышает средний показатель по ЕС¹¹¹. Однако треть населения стран (33%) всё же считает миграцию в большей степени проблемой, чем возможностью. Любопытно при этом, что бельгийцы склонны переоценивать долю мигран-

¹⁰⁸ Сергеев Е.А. Сепаратизм в Бельгии: основные факторы трансформации валлоно-фламандских противоречий // Сравнительная политика. 2023. Т. 14, №4. С. 9-38.

¹⁰⁹ Bevolking in cijfers. Gemeente Amsterdam, 2024. URL: <https://onderzoek.amsterdam.nl/artikel/bevolking-in-cijfers-2024> (дата обращения 15.09.2024).

¹¹⁰ Расчёты автора по данным *Statbel*.

¹¹¹ European Commission. Integration of Immigrants in the European Union. 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2276> (дата обращения 15.09.2024).

Таблица 2

Доля мигрантов (в разном определении) в Бельгии
и Нидерландах, % населения, 2022 г.

	Нидерланды	Бельгия
Иностранцы граждане, из них:	8,0	13,5
<i>Граждане стран ЕС-27</i>	4,0	8,4
Лица, рождённые за границей, из них:	15,6	19,1
<i>Рождённые в странах ЕС-27</i>	8,0	4,2
Лица с миграционным прошлым	25,2	21,6*

* подданные Бельгии с миграционным прошлым.

Источник: данные Евростата, *CBS, Statbel*.

тов в населении их страны¹¹², видимо, риторика правопопулистских партий во многом рассчитана на эту категорию населения.

В чистом виде миграция не является исключительным фактором, вызывающим общественное бурление и приводящим к росту значимости этого вопроса в дискурсе политических сил. Например, в Бельгии фактор миграции в голосовании играет значительную роль прежде всего во Фландрии, хотя среди трёх регионов страны в ней наиболее низкая доля мигрантов в населении (16,4% подданных Бельгии с миграционным прошлым против 24,8% в Валлонии)¹¹³. Скорее всего, в условиях кризиса традиционной партийной идеологии¹¹⁴ миграция, с одной стороны, становится одним из элементов политической самоидентификации, а с другой – выступает инструментом манипуляции для правопопулистских политических сил. Таким образом, повышение значимости миграционного вопроса стало как отражением кризиса политической системы, так и традиционным проявлением характерной для правопопулистских сил тенденции инструментализировать ряд общественно-политических тем¹¹⁵.

К таким темам может относиться не только миграция. В экономических вопросах такие партии уже довольно продолжительное время демонстрируют тенденцию смещаться влево, вы-

¹¹² Ibid.

¹¹³ Расчёты автора по данным *Statbel*.

¹¹⁴ Сергеев, Киселева, Воротников. Указ. соч.

¹¹⁵ Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. М.: ИЕ РАН, 2019. С. 153-154.

ступая за вполне щедрую экономическую политику и довольно активное участие государства в экономике¹¹⁶. Например, сравнение экономических положений программ нидерландских правых популистов образца 2023 г. (см. табл. 3) демонстрирует вполне явную склонность указанных политических сил использовать аргументы типа повышения минимального размера оплаты труда в качестве предвыборных обещаний.

Несмотря на явную значимость экономической составляющей, а также общее ощущение кризиса, которое есть в рассматриваемых странах¹¹⁷, миграция постепенно становится ведущим элементом как дискурса правых популистов, так и общественного представления о нём. Такая ситуация в целом отражает довольно давно существующую тенденцию¹¹⁸, в рамках которого избиратель всё больше опирается на миграционный фактор в качестве основы для своего политического выбора. Так, опросы показывают, что электорат нидерландской Партии свободы в первую очередь голосует за неё, ориентируясь на три основных вопроса: миграционный («мигранты должны уважать местную культуру»), климатический («меры по борьбе с изменением климата зашли слишком далеко») и «ЕС-овский» («Европейская солидарность зашла слишком далеко»)¹¹⁹.

Вопросы миграции заняли значимое место в программах правопопулистских партий Бельгии и Нидерландов (табл. 4). Несмотря на то что в обеих странах проблема «поделена» между условно более системной (Партия свободы в Нидерландах и Новый фламандский альянс в Бельгии) и менее системной («Форум за демократию» в Нидерландах и «Фламандский интерес» в

¹¹⁶ Правый популизм: глобальный... С. 104-121.

¹¹⁷ Hoge verwachtingen van nieuw kabinet, maar weinig vertrouwen. Sociaal en Cultureel Planbureau, 2023. URL: <https://www.scp.nl/actueel/nieuws/2023/10/24/hoge-verwachtingen-van-nieuw-kabinet-maar-weinig-vertrouwen> (дата обращения 15.09.2024).

¹¹⁸ De Vries C., Hakhverdian A., Lancee B. The dynamics of voters' Left/Right identification: The role of economic and cultural attitudes // Political Science Research and Methods, 2013. N1. P. 223-238.

¹¹⁹ Frederik J. Waarom de PVV zo groot werd (en nee, niet door geschrapte buslijnen, guur neoliberalisme of groeiende ongelijkheid). De Correspondent. 09.02.2024. URL: <https://decorrespondent.nl/15115/waarom-de-pvv-zo-groot-werd-enee-niet-door-geschrapte-buslijnen-guur-neoliberalisme-of-groeiende-ongelijkheid/11329427-c34e-0037-2754-969f6eb43828> (дата обращения 15.09.2024).

Таблица 3

Экономические положения предвыборных программ
нидерландских правопопулистских партий

	Партия свободы*	Форум за демократию**	Справедливый ответ 21***
Налоги	<p>- Сократить НДС на продукты питания с 9% до 0%. - Снизить стоимость жилья (за счёт сокращения налогов). - Снизить стоимость аренды социального жилья. - Сократить акцизы на топливо. - Отменить налог на перелёты.</p>	<p>- Снизить налоги за счёт сокращения правительства и государственных расходов. - Упростить систему налогов, надбавок и премиальных. - Налоги на энергоносители значительно снизить. - Сделать более высокую налоговую базу в размере 30 000 евро для каждого работающего голландца. - Снизить высокий НДС с 21 до 19% и низкий НДС с 9 до 6%. - Отменить налоги на наследство и дарение. - Отменить чрезмерный налог на прирост капитала для вкладчиков. - Значительно снизить акцизы на топливо. - Увеличить беспошлинную торговлю до 1 млн евро. - Прекратить субсидирование электромобилей. - Увеличить вычеты для самозанятых работников до 15 000 евро. - Упростить налоговое законодательство для самозанятых путём предоставления более высоких налоговых льгот.</p>	<p>- Упростить систему взимания подоходного налога (за справедливую оплату труда). - Отменить данные схемы, зависящие от дохода: *общая налоговая льгота; *пособие на аренду жилья; *пособие по уходу за ребёнком; *существующие пособия на ребёнка; *скидка в зависимости от дохода; *скидка на оплату труда. - Заменить их на 2 независимые друг от друга схемы: *пособие на аренду жилья будет зависеть только от размера арендной платы (т.е. не от дохода), *семейное пособие, выплачиваемое в зависимости от состава семьи. - Ввести специальные не облагаемые налогом схемы сбережений. - Отменить налог на дарение и наследство. - Снизить ставки НДС. - Снизить НДС на энергоносители. - Не повышать налоги на прибыль предприятий.</p>
З/п и рынок труда	<p>- Повысить минимальный размер оплаты труда</p>	<p>- Повысить з/п для полицейских. - Ввести более справедливую налоговую систему: за (большой) труд всегда следует платить. - Принять меры против дешёвой рабочей силы из-за рубежа (социальный демпинг).</p>	<p>- Сократить бремя работодателя за счёт повышения МРОТ.</p>

Пособия	- Увеличить пособия на оплату жилья.	- Ограничить доступ к социальным услугам лицам, ищущим убежища, и иммигрантам. - Отменить льготы и пособия на детей для людей, находящихся за границей.	- Создать бесплатную систему учреждений по уходу за детьми. - Сократить выплаты по болезни.
Пенсии	- Сохранить надбавку (сейчас 5,5 евро) за каждый месяц уплаты налогов. - Отменить закон о будущих пенсиях. - Снизить возраст выхода на пенсию до 65 лет.	- Обязательно индексировать все пенсии с учётом инфляции. - Отменить Закон о пенсиях. - Сотрудникам предоставить возможность самостоятельно выбирать пенсионный фонд и инвестиционную стратегию. - Предоставить возможность добровольно участвовать самозанятым лицам в обязательном (пенсионном) страховании.	- Индексировать пенсии.
Здравоохранение	- Отменить принцип самостоятельной оплаты услуг. - Ввести более низкие страховые взносы. - Включить услуги стоматолога в базовый пакет медицинской помощи.	- Снизить самостоятельную оплату услуг	-
Другое	- Исключить влияние ЕС на социальное обеспечение Нидерландов и на регулирование рынков труда. - Увеличить количество жилья для голландцев: строить больше социального жилья, больше домов средней этажности и больше жилья, занимаемого частными владельцами. - Отменить помощь развитию. - Увеличить финансирование полиции и армии. - Сократить субсидии на поддержку искусства.	- Ввести субсидии на сохранение и реставрацию исторического наследия. - Расширить строительство жилья. - Исключить любые формы социального обеспечения на уровне ЕС. - Отказаться от евро и искусственно заниженной процентной ставки ЕЦБ и установить более высокую процентную ставку. - Поддержка МСП.	- Ввести массовое строительство жилья. - Провести референдум об использовании евро.

* Nederland Weer op 1. PVV Verkiezingsprogramma 2023. URL: <https://www.pvv.nl/images/2023/PVV-Verkiezingsprogramma-2023.pdf> (дата обращения 15.09.2024).

** Het programma van hoop, optimisme en herstel 2023–2027. Forum voor Democratie. URL: https://fvd.nl/FVD_het_programma_van_hoop_optimisme_en_herstel_2023-2027.pdf (дата обращения 15.09.2024).

*** JA21 Verkiezingsprogramma. Nederland weer op de rit. URL: https://ja21.nl/fileadmin/user_upload/Verkiezingsprogramma_TK_23_A4_v2.pdf (дата обращения 15.09.2024).

Источник: составлено на основе программ политических партий.

Бельгии) политическими силами, зачастую этот фактор не слишком сильно отражается на остроте высказываний по миграции. Классический пример антиисламских лозунгов Партии свободы убедительно демонстрирует истинность данного тезиса. В то же время в Бельгии наличие «исламского компонента» в политической программе более выражено у «Фламандского интереса».

Таблица 4

Положения, касающиеся миграции в партийных программах правопопулистских партий Нидерландов и Бельгии

	Партия свободы*	Форум за демократию**	Фламандский интерес***	Новый фламандский альянс****
Позиция по вопросу предоставления убежища	- Прекращение предоставления убежища и общая ограничительная иммиграционная политика; - Отмена закона в отношении муниципалитетов об обязательном размещении просителей убежища; - Беженцев с криминальным статусом задерживают/депортируют, обладателей криминального статуса лишают вида на жительство; - Запрет на воссоединение семей.	- Успешное прошение об убежище больше не будет автоматически приводить к получению постоянного вида на жительство. Разрешение на постоянное проживание больше не будет автоматически приводить к получению права на голландское гражданство; - Изменение процесса предоставления убежища: прекращение бесплатной юридической помощи и введение штрафов; - Поощрение эмиграции; - Политика предоставления убежища, основанная на приёме запроса на убежище в стране происхождения. Возможность просить убежище на территории Нидерландов исчезнет.	- Ужесточение правового регулирования миграции: право муниципалитетов при чётко определённых обстоятельствах иммиграционного давления, вызванного федеральной иммиграционной политикой, приостанавливать расселение мигрантов; - Расширение права муниципальных органов власти принимать решение о приёме беженцев; - Информирование мигрантов о возможности добровольного возвращения на Родину; - Для усиления давления на федеральное правительство, города и муниципалитеты должны постепенно отказаться от местных инициатив по приёму беженцев; - Города и муниципалитеты, имеющие на своей территории пункты приёма беженцев, должны периодически рассчитывать местные расходы на федеральную политику предоставления убежища и сообщать о них посредством выставления счетов Федеральному государственному секретарю по вопросам убежища и миграции.	- Беженцы, имеющие право на международную защиту, расселяются и получают помощь, исходя из ежегодной квоты, демократически установленной парламентом; - Введение экстернальной процедуры предоставления убежища; - Законодательное закрепление систематической периодической оценки ситуации с безопасностью в странах происхождения и введение временного статуса беженца; - Введение единой процедуры для получения статуса и вида на жительство; - Ужесточение политики воссоединения семей; - Унификация для новоприбывших, независимо от их статуса, со сроком действия в 1 год.

Да и в целом партия демонстрирует большой упор на миграционные вопросы, что отражает видение её электората, который выступает как наибольший противник истеблишмента и миграции среди всех фламандских политических сил¹²⁰.

Позиция по вопросу нелегальных мигрантов	- Ужесточение мер в отношении нелегальных мигрантов, включая задержание и депортацию; - Запрет на предоставление социальной помощи нелегальным мигрантам.	- Ужесточение в отношении нелегальных мигрантов: активное расследование дел о нелегальной миграции и депортация.	- Ужесточение в отношении нелегальных мигрантов: активизация работы полиции по данному направлению, создание отдельной бригады для проведения систематических проверок нелегального проживания, в каждой полицейской зоне «Пунктов информирования о нелегальном проживании».	- Нелегальные мигранты теряют шанс на легальное пребывание в ЕС, депортируются за его пределы; - Депортация нелегальных мигрантов; - Пожизненный запрет на въезд в страну для серьёзных преступников и террористов.
Позиция в отношении граждан ЕС	- Введение разрешений на работу для граждан ЕС.	- Введение «права на возвращение» по израильскому образцу для эмигрантов из Нидерландов, также действует для граждан ЮАР.		- Предпочтение должно отдаваться низкоквалифицированным рабочим из ЕС.
Позиция по вопросу миграционной политики ЕС	- Выход из миграционного пакета ЕС, денонсация Конвенции ООН о беженцах; - Восстановление пограничного контроля, отказ просителям убежища, желающим попасть в Нидерланды из безопасных соседних стран.	- Иммиграционная политика по австралийской модели: правительство страны самостоятельно решает, кто приезжает и остаётся; - Денонсация международных договоров, ограничивающих национальную иммиграционную политику и политику предоставления убежища; - Денонсация Шенгенского соглашения, введение пограничного контроля.		- Вопрос об изменении миграционной политики ЕС. В случае отказа ЕС модернизировать политику к 2025 г. – выход из Общеввропейской системы предоставления убежища.

¹²⁰ Walgrave S., Lefevere J. (VUB) De Stemming 2023. Onderzoek in opdracht van VRT en De Standaard. URL: https://brussels-school.be/sites/default/files/documents/DeStemming2023_Full.pdf (дата обращения 15.09.2024).

Позиция в отношении легальных мигрантов	- Запрет на двойное гражданство; - Существенное ограничение числа иностранных студентов.	- Лишение нидерландских паспортов владельцев двойного гражданства в случае совершения серьёзных преступлений; - Введение системы <i>Green Card</i> по американской модели для временных рабочих-мигрантов.	- Отмена права голоса для иностранцев.	- Ужесточение условий приёма иностранных студентов; - Ужесточение требований к процессу интеграции.
Позиция в отношении мигрантов из исламских стран	- Прекращение действия временных разрешений на предоставление убежища для сирийцев, поскольку в некоторых районах Сирии безопасно; - Запрет исламских школ, Корана, мечетей; - Запрет на ношение исламских платков в правительственных зданиях, включая Генеральные штаты.	- Первостепенное значение в вопросах иммиграции получает культурная совместимость с нидерландским обществом.	- Ужесточение надзора за соблюдением мечетями предписанных норм и правил; - Ассоциации и инициативы, пропагандирующие ислам или создание мечетей, не должны субсидироваться или поддерживаться; - Ношение исламской одежды в общественных местах должно быть запрещено для городских и муниципальных служащих. Такой запрет также должен распространяться на городские и муниципальные школы; - Города и муниципалитеты, а также провинции должны давать отрицательные заключения на заявления о регистрации мечетей.	

* Nederland Weer op 1. PVV Verkiezingsprogramma 2023. URL: <https://www.pvv.nl/images/2023/PVV-Verkiezingsprogramma-2023.pdf> (дата обращения 15.09.2024);

** Het programma van hoop, optimisme en herstel 2023–2027. Forum voor Democratie. URL: https://fvd.nl/files/standpunten/Verkiezingsprogramma_FVD_2021.pdf (дата обращения 15.09.2024).

*** Vlaanderen weer van ons. Vlaams Belang Verkiezingsprogramma. URL: <https://www.vlaamsbelang.org/sites/default/files/2024-09/Verkiezingsprogramma%20Lokaal%202024.pdf> (дата обращения 15.09.2024).

**** N-VA-verkiezingsprogramma 2024: Voor Vlaamse Welvaart. URL: <https://www.n-va.be/n-va-verkiezingsprogramma-2024-voor-vlaamse-welvaart> (дата обращения 15.09.2024).

Источник: составлено на основе программ политических партий.

Спектр вопросов, волнующих партии и их электорат в целом довольно узок: ограничение или прямой запрет на предоставление убежища, снижение притока студентов, ужесточение правил воссоединения семей, жёсткость требований по получе-

нию подданства и ряд других.

С учётом изложенного можно говорить о том, что в Нидерландах и Бельгии намечается некоторая связка, возникающая в вопросах оценки миграции и экономического кризиса. Ожидания избирателей от нового Кабинета в Нидерландах связаны первую очередь с ростом доходов и решением миграционных проблем¹²¹. Значимость миграционного вопроса серьёзно выросла в период с августа по декабрь 2023 г., что косвенно свидетельствует об инструментализации этого понятия политическими партиями. Это относится и к вполне мейнстримным партиям типа Народной партии за свободу и демократию, которая довольно серьёзно сдвинулась вправо. В обществе действительно называют тенденции, требующие вмешательства государства в столь чувствительную и политизированную сферу, о чём косвенно свидетельствует выступление короля Нидерландов Виллема-Александра перед парламентом 17 сентября 2024 г., в котором он говорил о том, что «население страны выросло сильнее, чем ожидалось», а правила миграции нуждаются в серьёзном ужесточении¹²².

Стоит отметить, что первые шаги к реализации заявленных положений были сделаны в Нидерландах в 2024 г. По результатам межпартийного торга Партия свободы получила министерство по делам убежища и миграции. Частью соглашения между ведущими партиями стал пункт о необходимости проведения ограничительной политики по приёму лиц, ищущих убежище. И уже в сентябре правительство выступило с довольно довольно жёстким планом. Несмотря на то что поводом для ограничений преимущественно стала ситуация в сфере приёма лиц, ищущих убежище, планы правительства страны выходят далеко за рамки этого вопроса. Например, предлагается ужесточить правила получения нидерландского гражданства, ввести точечный целевой режим в области трудовой миграции, создать меха-

¹²¹ den Ridder J., van't Hul L., Broere J. Burgerperspectieven. Bericht 1, 2024. Sociaal en Cultureel Planbureau. URL: <https://www.scp.nl/publicaties/publicaties/2024/04/25/burgerperspectieven-2024-bericht-1> (дата обращения 15.09.2024).

¹²² Nederlandse koning in troonrede: nood aan minder regelddrang en strenger toelatingsregime voor asielzoekers. De Standaard. 17.09.2024. URL: https://www.standaard.be/cnt/dmf20240917_95701450 (дата обращения 15.09.2024).

низ контроля за притоком студентов в вузы страны, а также новые условия для украинских беженцев (правила «опоры на собственные силы»). Наиболее существенные изменения касаются вопроса, который обсуждался в течение последнего года – ограничения на политику воссоединения семей и ввод дополнительных условий для таких мигрантов¹²³. Любопытно, что министр по делам убежища и миграции обратилась в Европейскую комиссию с запросом относительно исключения (*opt-out*) из общих правил предоставления убежища и регулирования миграции ЕС (правда, оговорившись, что положения Миграционного пакта будут соблюдаться). Такая постановка вопроса демонстрирует серьёзность намерений правительства, но создаёт весьма сложно разрешимые правовые коллизии.

Иронии ситуации в общефилософском и историческом смысле придаёт тот факт, что правопопулистские партии как в Нидерландах, так и в Бельгии, если верить опросам общественного мнения, воспринимаются как силы, способные вернуть общее доверие политической системе. Это тем более интересно с учётом того, что сама система довольно долго сопротивлялась (и продолжает сопротивляться) росту влияния таких партий. Но ситуация действительно начинает меняться, правда, пока эти изменения ограничиваются «легализацией» требований по постепенному ужесточению миграционной политики.

ГЛАВА 8. ВОЛНЫ ОЧАРОВАНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ: ДИНАМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ СОСЕДСТВА В ЛАТВИИ

В последнее десятилетие в Латвии набирает силу процесс трансформации электорального ландшафта. В первую очередь это относится к проблеме этнолингвистического фактора в голосовании. Если до этого основную динамику латвийской политической системы определяло размежевание между латышской и русскоязычными частями общества и, соответственно, между

¹²³ European Commission. Netherlands: Government presents new asylum and migration restrictions. 16.09.2024. URL: https://migrant-integration.ec.europa.eu/news/netherlands-government-presents-new-asylum-and-migration-restrictions_en (дата обращения 16.09.2024).

условно «латышскими» и «русскими» партиями, то последний электоральный цикл характеризуется повышенной фрагментацией русскоязычного электората. Последовательный недопуск ключевой «русской» партии «Согласие» к формированию правительства даже при наличии крупнейшей фракции в парламенте, а также недостаточная активность и эффективность «Согласия» в деле защиты прав русскоязычных привела к упадку этой политической силы и распылению её электората между другими партийными проектами, в том числе не относящимися к «русским». Следствием этих тенденций стала недопредставленность русскоязычной общины в парламенте страны (усугублённая тем фактом, что около трети русскоязычных остаются негражданами без права голоса¹²⁴). Об основных проявлениях фрагментации русскоязычного электората, её причинах и возможных последствиях мы уже писали в прошлой монографии¹²⁵.

Что даёт анализ эффекта соседства?

Этнолингвистический раскол остаётся ключевой характеристикой латвийского общества, однако он всё меньше определяет исход голосования. В этой связи возникает необходимость с большим вниманием отнестись к другим факторам электорального поведения, в том числе тем, которые не столь часто удостоивались внимания исследователей ранее. Среди них эффект соседства – значимая пространственная автокорреляция уровня поддержки кандидата или партии, т.е. склонность избирателей активнее поддерживать кандидата или партию в районах, соседних с регионами, где поддержка этого кандидата или партии выше средней по стране. Соответственно, если в соседних регионах поддержка кандидата ниже средней по стране, то и в этом регионе избиратели скорее будут склонны к меньшей поддержке кандидата¹²⁶. Эффект соседства относится к контекстуальным

¹²⁴ Число и доля жителей по национальности и государственной принадлежности в 2011–2024 г. // Официальный статистический портал Латвии. URL: https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START_POP_IR_IRE/IRE060/ (дата обращения 09.07.2024) (на лат.)

¹²⁵ Жирнова Л.С. Парламентские выборы 2022 г. в Латвии: фрагментация этнического голосования // Этническая политика: конфликтные, миграционные и электоральные аспекты / отв. ред. П.В. Осколков. М.: ИЕ РАН, 2023. С. 92–101.

¹²⁶ Окунев И.Ю. Электоральная география. М.: Издательство «Аспект Пресс»,

эффектам голосования, которые показывают, как внешние факторы определяют выбор избирателя. Особенность эффекта соседства заключается в векторности голосования, т.е. он зависит не от свойств объекта, а от его расположения относительно других объектов, в данном случае других регионов или электоральных округов.

Эффект соседства впервые был сформулирован в работах Д. Рейнольдса¹²⁷ и К. Кокса¹²⁸ в 1969 г. Объясняя этот эффект, Кокс апеллировал к теории диффузии инноваций, предположив, что электоральные предпочтения также распространяются по коммуникационным каналам внутри сообщества. Рейнольдс предполагал, что эффект соседства будет проявляться сильнее в ситуациях, когда электоральные предпочтения ещё не сформировались. Именно эта логика применима к трансформации электорального поля в Латвии – на фоне фрагментации электората, пока новые чёткие партийные предпочтения не сформировались, эффект соседства может нарастить влияние.

В монографии по электоральной динамике в Великобритании У. Миллер¹²⁹ внёс важное дополнение в теорию эффекта соседства, выделив разные его типы. Большинство работ посвящено консенсуальному, или прямому, эффекту соседства, при котором повышенная поддержка в регионе коррелируется с повышенной поддержкой в соседних регионах, а пониженная с пониженной. Как отмечает Миллер, эффект соседства может проявляться и по-другому. Он может быть реактивным, когда взаимодействие между избирателями усиливает взаимную раздражённость и поддержка партии в регионе усиливается (или ослабляется) в противовес показателям в соседних регионах. Часто можно говорить о нулевом эффекте соседства, когда голосование в регионе ни прямо, ни обратно не коррелируется с голосованием в соседних регионах. Кроме того, У. Миллер выделял

2023. С. 170.

¹²⁷ Reynolds D.R. A spatial model for analyzing voting behavior // *Acta sociologica*. 1969. Vol. 12, Is. 3. P. 122-131.

¹²⁸ Cox K.R. The voting decision in a spatial context // *Progress in Geography*. 1969. Vol. 1, N1. P. 81-117.

¹²⁹ Miller W.L. *Electoral dynamics in Britain since 1918*. London: Macmillan, 1977. 242 p.

эффект соседства Пшеворского, когда фактор соседства разнонаправленно влияет на разные регионы: одни синхронизируются в поддержке партий, другие голосуют в противовес соседям, а третьи остаются индифферентны к этому фактору.

Эффект соседства на латвийских выборах

В более ранних работах на латвийском материале мы показывали значимость эффекта соседства для выборов в сейм наряду с этнолингвистическим фактором с помощью ряда методов пространственного анализа: анализа локальных индикаторов пространственной автокорреляции¹³⁰ и пространственной авто-регрессии¹³¹. Однако эти методы подразумевают статический анализ результата каждого отдельных выборов с последующим их сравнением. Такой подход не позволяет в полной мере отделить эффект соседства от других эффектов голосования, в первую очередь скалярных, т.е. связанных с характеристиками самого региона (этническим и демографическим составом, уровнем экономического развития и т.д.). Чтобы выделить непосредственно эффект соседства, представляется более корректным сделать объектом анализа не результат партии в конкретном округе, а изменение поддержки партии в округе от выборов к выборам.

С этой целью нами будет использован локальный индекс дифференциальной пространственно-временной автокорреляции. Его смысл заключается в расчёте вероятности того, что рост поддержки партии от выборов к выборам в конкретном регионе будет сочетаться с сопоставимым ростом поддержки этой партии в среднем по соседним регионам и наоборот. Если говорить метафорически, такой анализ может зафиксировать волны очарования и разочарования партией и определить регионы, в которых изменение этих настроений синхронизировано.

В качестве материала для анализа взяты результаты выборов

¹³⁰ Жирнова Л.С. Этнический фактор в электоральном поведении в Латвии: пространственный эффект // Современная Европа. 2023. №2(116). С. 202-214. DOI 10.31857/S020170832302016X

¹³¹ Жирнова Л.С. Эффект соседства как значимый фактор парламентских выборов 2010–2022 гг. в Латвии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 45. С. 90-100. DOI 10.26516/2073-3380.2023.45.90

в сейм в 2010, 2011, 2014 и 2018 гг. в разбивке по 119 самоуправлению¹³². В указанный период сетка муниципального деления в Латвии не менялась, что создаёт соответствующие условия для анализа. Расчёты и картосхемы выполнены автором с помощью программного обеспечения *GeoDa*. Чтобы наглядно продемонстрировать потенциал выбранной методики, решено сосредоточиться на изменениях поддержки двух партий, игравших ключевую роль для русскоязычной общины в Латвии в указанный период: это «Согласие» и «Русский союз Латвии» (РСЛ).

Хотя представители «Согласия» неоднократно заявляли, что опираются не только на русских, но и на латышей, именно эта партия аккумулировала подавляющее большинство русскоязычных голосов на выборах в рассматриваемый период (около четверти избирателей). Это позволяло ей набирать мест в парламенте больше других партий в 2011, 2014 и 2018 гг., однако «латышские» партии каждый раз успешно блокировались, не допуская «Согласие» к власти на национальном уровне (хотя в столице Риге, на которую приходится большая часть латвийского населения и экономического потенциала, партия практически единолично управляла на протяжении десятилетия). Положение вечной оппозиции и не вполне эффективная работа крупнейшей фракции в парламенте привели к нарастающему разочарованию избирателей, и результаты «Согласия» последовательно снижались. Логическим финалом этой тенденции стали выборы 2022 г., на которых «Согласие» не смогло преодолеть 5%-ный барьер. При этом на выборах 2024 г. партия прошла в Европарламент, хотя и получила одно кресло вместо двух, бывших ранее.

Партия «Русский союз Латвии» в рассматриваемый период не имела представительства в сейме, но тем не менее оставалась главной русскоязычной политической силой после «Согласия» с большим накопленным опытом политической деятельности и устойчивым представительством на муниципальном уровне и в Европарламенте. Несмотря на отсутствие доступа к трибуне сейма, голос РСЛ активно звучал в публичном пространстве Латвии в связи с защитой прав русскоязычных латвийцев, противо-

¹³² Парламентские выборы / ЦИК Латвии. URL: <https://www.cvk.lv/lv/saeimas-velesanas> (дата обращения 09.07.2024) (на лат.).

действием вытеснению русского языка из образования и трудовой сферы, борьбой за улучшение положения неграждан. По мере падения поддержки «Согласия» часть голосов русскоязычных уходила как раз «Русскому союзу Латвии», однако партия не смогла аккумулировать достаточную поддержку, чтобы вернуться в парламент (табл. 5). На фоне повышенного давления со стороны латвийских спецслужб и запрета лидеру РСЛ Т. Жданок баллотироваться партия в 2024 г. потеряла представительство в Европарламенте. Тем не менее анализ результатов партии в рассматриваемый период представляется целесообразным для создания более рельефной картины электоральных предпочтений русско-язычной общины.

Таблица 5

Результаты «русских» партий на выборах в сейм
в 2010–2018 гг. (в %)

	2010	2011	2014	2018
«Согласие»	26,04	28,37	23	19,8
РСЛ	1,43	0,78	1,58	3,2

Динамический эффект соседства на парламентских выборах в Латвии

Прежде чем приступить к анализу пространственно-временной автокорреляции, следует напомнить о кластерах поддержки, выявляемых посредством локальных индикаторов пространственной автокорреляции. На соответствующих картограммах косой штриховкой выделены группы регионов, в которых высокий уровень поддержки партии совпадает с высоким уровнем поддержки этой же партии в соседних регионах. Точечной штриховкой выделены, соответственно, кластеры низкой поддержки. Горизонтальной и вертикальной штриховкой отмечены регионы, где логика соседства не работает: горизонтальной штриховкой обозначены регионы высокой поддержки, окружённые регионами с низкой поддержкой, а вертикальной штриховкой – регионы низкой поддержки, окружённые регионами с высокой поддержкой.

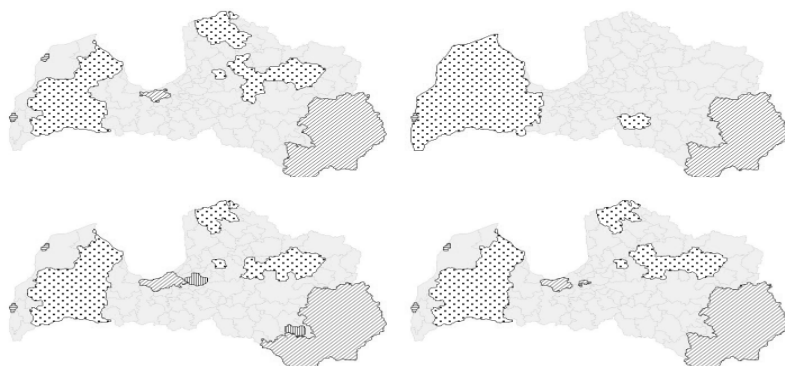
На рисунке 1 представлены картограммы пространственной автокорреляции по голосованию за партию «Согласие» 2010–2018 гг. Во всех четырёх циклах выделяется только один устойчивый кластер поддержки – в Латгалии, основном русскоязыч-

ном регионе Латвии. Его очертания несколько меняются от года к году, и он не охватывает всю Латгалию, концентрируясь в самоуправлениях ближе к границе с Россией и Белоруссией. В трёх случаях из четырёх также намечается кластер высокой поддержки в столичном регионе.

Что касается кластеров низкой поддержки, во всех четырёх случаях такой кластер наблюдается только в Курземе, регионе с небольшим числом русскоязычных. При этом в качестве исключений в этом кластере практически всегда выделяются Лиепая и Вентспилс – два крупных города со значительным русскоязычным населением (около 40%). Также в трёх из четырёх случаев намечаются кластеры низкой поддержки в Видземе, где немного русских.

Рисунок 1

Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за партию «Согласие» на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 гг. (слева направо, сверху вниз).

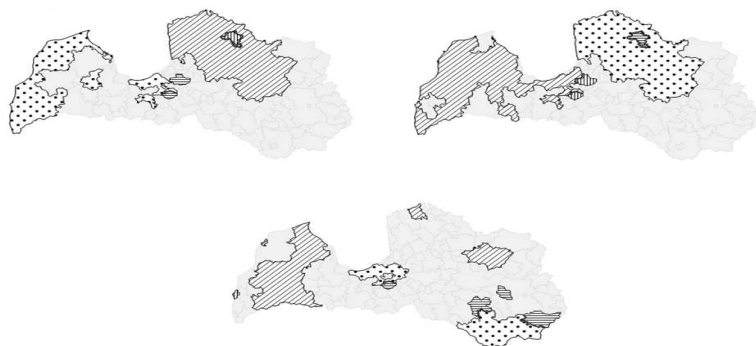
Источник: составлено автором.

Рассмотрим картограммы локального индекса дифференциальной пространственно-временной автокорреляции по голосованию за «Согласие» (рис. 2). В данном случае рассматривается изменение поддержки партии в регионе от выборов к выборам. Косой штриховкой выделены кластеры регионов, в которых рост поддержки партии по сравнению с предыдущими выборами сопровождался ростом поддержки этой же партии в соседних регионах, точечной штриховкой – падение поддержки в

регионе и вокруг него, горизонтальной штриховкой – регионы, в которых по логике соседства поддержка должна была уменьшиться, но она выросла, а вертикальной штриховкой – регионы, где по логике соседства поддержка должна была вырасти, но по факту уменьшилась. Таким образом, фиксируются волны очарования (кластеры, выделенные косой штриховкой) и разочарования (кластеры, выделенные точечной штриховкой) в партии, а также регионы, которые этим волнам наиболее подвержены.

Рисунок 2

Картограммы локального индекса дифференциальной пространственно-временной автокорреляции по голосованию за «Согласие» (слева направо, сверху вниз: изменение поддержки с 2010 по 2011, с 2011 по 2014, с 2014 по 2018 гг.)

Источник: составлено автором.

Наиболее наглядно эффект соседства проявляется в Видземе в изменении поддержки «Согласия» в 2011 г. по сравнению с 2010 г. и в 2014 г. по сравнению с 2011 г. Сначала большая часть Видземе синхронно нарастила поддержку «Согласия» (фактически с нулевых значений и до достаточно небольших, но здесь важна именно синхронность действия). Потом в 2014 г. эта волна очарования сменилась волной разочарования – практически весь регион покрылся точечной штриховкой. Такие «качели» как раз и показывают эффект соседства – склонность соседних регионов менять уровень своей поддержки вместе. Можно предположить, что как раз в 2011 г. политика «Согласия» по привлечению не только русскоязычных, но и латышских изби-

рателей оказалась в Видземе наиболее успешной. Эти результаты дополняют ранее рассмотренную картограмму локальных индексов пространственной автокорреляции – как раз когда Видземе накрывает «волна очарования» «Согласием», в регионе пропадает кластер низкой популярности партии.

При этом в середине видземского кластера внимание привлекает регион-исключение, в котором в 2011 г. по сравнению с 2010 г. поддержка «Согласия» выросла не так сильно, как у окружающих регионов, а вот к 2014 г. упала не так сильно, как в окружении. Это Стренчский край, в котором расположен г. Седда – единственный в Видземе с преобладанием русскоязычного населения. Таким образом, указанный метод позволил выявить не только консенсуальный, но и реактивный эффект соседства, когда в муниципалитете колебания электоральных предпочтений происходят в противовес окружению, что, вероятно, связано с тем, что окружение это представляет другую этнолингвистическую группу.

Интересные колебания происходят и в Курземе. В 2011 г. по сравнению с 2010 г. поддержка «Согласия» здесь не выросла сильно, а вот в последующие два цикла увеличивалась сильнее, чем в целом по стране – вопреки общему курсу на снижение популярности партии. Некоторые самоуправления Рижского региона также демонстрируют совместные колебания поддержки «Согласия».

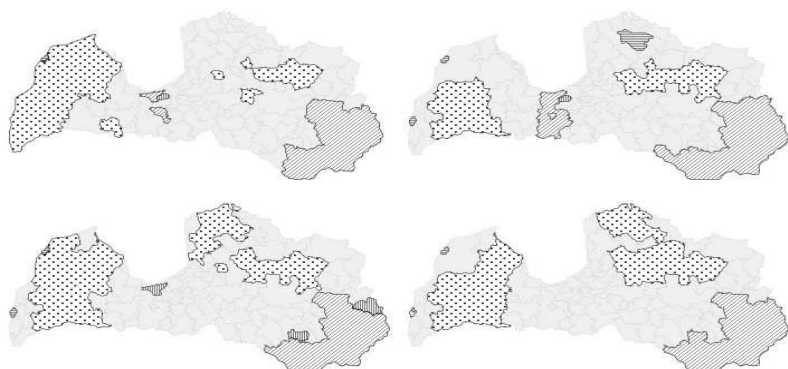
В то же время кластер в преимущественно русскоязычной Латгалии проявляется только при анализе изменения электоральных предпочтений между 2014 и 2018 гг. До этого поддержка «Согласия» оставалась на достаточно высоком уровне, а снижение не было таким согласованным. Но к 2018 г. значимая доля латгальских муниципалитетов синхронно показали сокращение популярности партии.

Анализ локальных индексов пространственной автокорреляции по электоральным результатам «Русского союза Латвии» (рис. 3) в целом демонстрирует кластеры, схожие с кластерами «Согласия» и в целом соответствующие параметрам расселения русскоязычных. Так же выделяется кластер высокой поддержки в Латгалии и кластер низкой поддержки в Курземе (с перио-

дическими исключениями в виде Лиепаи и Вентспилса). Но в отличие от «Согласия», кластер низких значений в Видземе сохраняется на протяжении всех четырёх циклов, а кластер высоких значений в Пририжье в нераздробленном виде проявляется только в 2011 г.

Рисунок 3

Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за РСЛ на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 гг. (слева направо, сверху вниз)

Источник: составлено автором.

Анализ динамики поддержки (рис. 4) также выявляет Курземе как регион, для которого характерно относительно синхронное изменение: если в 2011 г. по сравнению с 2010 г. избиратели здесь стали немного больше благоволять РСЛ (по меньшей мере не лишали партию поддержки так резко, как в других регионах), то впоследствии маятник качнулся в другую сторону, и к 2014 г. волна разочарования накрыла регион, частично продлившись и в 2018 г. В то же время в случае с «Русским союзом Латвии» выявляется кластер соседства в Латгалии, где избиратели сначала достаточно синхронно перетекли к «Согласию», а в последующие два цикла в 2014 и 2018 гг. постепенно возвращались к РСЛ.

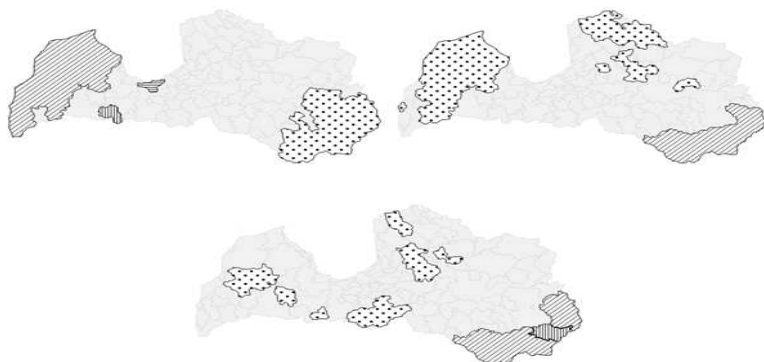
* * *

Анализ локального индекса дифференциальной пространственно-временной автокорреляции по голосованию за «русские» партии Латвии в 2010–2018 гг. позволил выявить регионы, для

которых эффект соседства с относительно синхронным изменением поддержки партий является более характерным. В первую очередь это обширный кластер в Курземе, который проде-

Рисунок 4

Картограммы локального индекса дифференциальной пространственно-временной автокорреляции по голосованию за «Русский союз Латвии» (слева направо, сверху вниз: изменение поддержки с 2010 по 2011, с 2011 по 2014, с 2014 по 2018 гг.)

Источник: составлено автором.

монстрировал волны очарования и разочарования как в «Согласии», так и в «Русском союзе Латвии». Также в случае с «Согласием» синхронные колебания показали самоуправления Видземе с любопытным исключением в виде Стренчского края с нетипичной для этого региона повышенной долей русскоязычного населения. А анализ результатов РСЛ в Латгалии позволил проследить изменение настроений русскоязычных, зафиксировав сначала синхронный отток голосов от «Русского союза Латвии» в пользу «Согласия», а потом постепенный, но столь же синхронный обратный процесс. Методы пространственного анализа позволяют уточнить выводы более ранних электоральных исследований и сформировать более точную картину трансформаций предпочтений избирателей. По мере снижения значимости этнолингвистического раскола для политической системы ввиду распыления русскоязычного электората среди многих партий можно ожидать усиления других факторов голосования, в том числе эффекта соседства.

ГЛАВА 9. ТЕМАТИКА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПРАВЫХ ЕВРОСКЕПТИЧЕСКИХ ЕВРОДЕПУТАТОВ

Популярность евроскептических партий в большой степени определяется их оппозиционностью. Однако их электоральная база может сократиться из-за растущей поддержки климатической политики органов власти и Европейской комиссии (ЕК). По опросам «Евробарометра», с 2021 г. до 2023 г. на 8% уменьшилось число жителей ЕС, недовольных действиями своих правительств в данной сфере (до 67% в целом, а в Финляндии таковых осталось менее половины опрошенных)¹³³.

В частности, позиция правых евроскептиков могла потерять привлекательность по сравнению с мерами, предложенными ЕК в пакете законопроектов «Готовность к 55»¹³⁴ (по сокращению объёма выбросов парниковых газов на 55%). В этих условиях популярность этих партий во многом зависела от их способности помешать распространению идей «Европейского зелёного курса» и подчеркнуть свои отличия от правящих сил, реагируя на инициативы Еврокомиссии. Протоколы обсуждения этих документов в Европейском парламенте (ЕП) раскрывают, как члены фракций «Идентичность и демократия» (ИД) и «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР) стремились достичь указанной цели, апеллируя к чувству справедливости избирателей.

Совмещение защиты окружающей среды с недовольством Еврокомиссией

Евроскептические депутаты ЕП часто признавали существование «климатического чрезвычайного положения», которое «требует новых амбициозных решений», как подтвердила представительница ИД А. Бейнё¹³⁵. Представители той же фракции

¹³³ Special Eurobarometer 538: Climate Change. P. 3. URL: https://climate.ec.europa.eu/document/download/ced33d71-181a-4fcf-8e32-ea5e4eaf31ab_en?filename=e=citizen_support_report_summary_2023_en.pdf (дата обращения 12.02.2024).

¹³⁴ European council. Fit for 55. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/fit-for-55/> (дата обращения 12.02.2024).

¹³⁵ Verbatim report of proceedings. Revision of the EU ETS – Social climate fund – Carbon border adjustment mechanism – Part 2. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-9-2022-06-07-ITM-007_EN.html (дата обращения 12.02.2024).

Д. Бильд и Ж. Барделла заявили, что необходимо сказать «“да” укоренённой экологической политике здравого смысла»¹³⁶ и «передать будущим поколениям *устойчивую* Францию и континент»¹³⁷.

Несмотря на такую солидарность с экологистами в постановке проблемы, многие евроскептики посчитали неприемлемыми предлагаемые решения этих вопросов (прежде всего пакет законопроектов «Готовность к 55»). Эти политики на протяжении нескольких лет называли инициативы ЕК «зелёной утопией» (которая «не решает европейских проблем», как заявила С. Сардоне (ИД)¹³⁸, и «несёт в себе непросчитываемые риски», по мнению представителя той же парламентской группы Г. Бека¹³⁹). В основном евродепутаты этой идеологической ориентации акцентировали внимание на ущербе от инициатив ЕК в области экономики. Например, Ж. Мелан (ИД) подчеркнула, что «большая экономическая разбалансировка может быть такой же опасной, как и климатическая»¹⁴⁰, её однопартиец Р. Хайдер¹⁴¹ – что «ЕС уничтожает основы экономической жизни европейцев»¹⁴².

Способы борьбы с глобальным потеплением, предложенные Еврокомиссией, отвергнуты многими евроскептиками. С. Сардоне отметила недовольство фракции ИД избыточным регулированием предприятий («новыми условиями и обязательствами, с которыми предприниматели не смогут справиться»)¹⁴³, прежде всего ограничением энергопотребления и выбросов углекислого газа. Дж. Стегруд (ЕКР) вовсе назвала политику ЕК «кли-

¹³⁶ Verbatim report of proceedings. Revision of the EU ETS – Monitoring, reporting and verification of Greenhouse gas emissions from maritime transport – Carbon border adjustment mechanism – Social climate fund. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-9-2023-04-17-ITM-015_EN.html (дата обращения 12.02.2024).

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Verbatim Report of Proceedings. Revision of the EU ETS – Social Climate Fund – Carbon Border Adjustment Mechanism – Part 1. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-9-2022-06-07-ITM-002_EN.html (дата обращения 12.02.2024).

¹³⁹ Verbatim ... Monitoring ...

¹⁴⁰ Verbatim... Part 1.

¹⁴¹ Не является сыном австрийского националиста Й. Хайдера, хотя и состоит в Австрийской партии свободы, к которой принадлежал он.

¹⁴² Verbatim ... Monitoring ...

¹⁴³ Verbatim... Part 1.

матическим социализмом»¹⁴⁴. Однако социалистические элементы виделись евродепутатам только в нарушении свободы ведения бизнеса: граждане, с точки зрения авторов законопроекта в изложении Ж. Барделлы (ИД), «должны подвергаться усиленному регуляторному и налоговому давлению, поскольку они виноваты в том, что не живут в достаточно изолированном жилье» (с низким уровнем энергопотребления)¹⁴⁵.

Метод управления энергетикой, избранный Еврокомиссией, получил критические отзывы большинства евроскептиков. Особенно резко они реагировали на внедрение элементов федерализма: «Мы осуждаем федералистскую логику... ЕС злонамеренно использует малейшую лазейку для того, чтобы вторгаться в нашу национальную компетенцию», – заявила Д. Бильд из фракции ИД¹⁴⁶. Многие евродепутаты считали, что ЕК не только ставит европейскую промышленность в жёсткие рамки, но и слишком часто изменяет их. В частности, А. Вондра (ЕКР) призвал не ставить более амбициозные цели в области энергосбережения и сокращения выбросов парниковых газов: «Когда заместитель председателя Комиссии представлял нам климатический закон в прошлом году, он говорил, что это – наша Библия... И вдруг эта Библия меняется... [Но] Евангелие не переписывают каждый год»¹⁴⁷.

Некоторые евроскептики считали неприемлемым, что ЕК лишала их контроля над ситуацией и возможности совершать самостоятельный выбор. Например, консерватор К. Терхес упрекнул председателя Комиссии У. фон дер Ляйен в том, что «её целью с самого начала [периода руководства] было не бороться против выбросов углерода, а изменить наше поведение с помощью повышенных налогов и цен»¹⁴⁸. С. Лиммер (ИД) посчитала, что за отказом от автомобильных двигателей внутреннего сгорания «давно стоит мысль уничтожить индивидуальную мобиль-

¹⁴⁴ Verbatim report of proceedings – Revision of the EU emissions trading system. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-9-2022-06-22-ITM-026-01_EN.html (дата обращения 12.02.2024).

¹⁴⁵ Verbatim... Part 2.

¹⁴⁶ Verbatim... Monitoring...

¹⁴⁷ Verbatim... Part 1.

¹⁴⁸ Ibid.

ность, которая исторически гарантировала благосостояние и свободу, а также частную собственность на автомобили»¹⁴⁹.

Популистский акцент на избыточных расходах избирателей

Более конкретной причиной недовольства политическим курсом ЕК многие выступающие называли недостаток *социальной справедливости* в действиях этого органа власти. Депутаты часто обращали внимание на то, что климатические реформы повысят повседневные расходы рядовых европейцев. А. Вондра (ЕКР) перечислил, каким образом «Европейский зелёный курс» «негативно повлияет на жизнь каждого жителя ЕС: повысит стоимость энергоснабжения домов, отопления, освещения, перевозок и продуктов питания»¹⁵⁰. Более того, представители «Идентичности и демократии» Д. Бильд и Ж. Мелан заявили, что из-за «репрессивной экологии» «граждане находятся в заложниках у Евросоюза», особенно «в очень опасный период нехватки энергоресурсов и повышения цен»¹⁵¹. С. Лиммер (ИД) указала на рост уязвимости потребителей к этим ценовым колебаниям, поскольку ЕК предложила «создать множество изменчивых возобновляемых источников энергии и одновременно сократить объём хранилищ» ископаемого топлива¹⁵².

На уязвимость граждан обратили внимание многие евроскептики. Например, К. Гризе (ИД) выразила опасения, что «псевдо-зелёная повестка» Комиссии (прежде всего, «этот новый рынок углерода», т.е. трансформированная Система торговли квотами на выбросы парниковых газов, СТВ) «ударит в первую очередь по наиболее социально незащищённым работникам с наименее устойчивыми трудовыми контрактами»¹⁵³. Более того, по мнению Ж. Мелан (ИД), из-за обмена квотами обнищание и долгосрочная финансовая незащищённость распространяются всё дальше¹⁵⁴.

Г. Райль (ИД) отметил, что «асоциальную направленность ...

¹⁴⁹ Verbatim... Part 2.

¹⁵⁰ Verbatim... Part 1.

¹⁵¹ Ibid.

¹⁵² Verbatim... Part 2.

¹⁵³ Verbatim... Monitoring...

¹⁵⁴ Verbatim... Part 1.

Зелёного курса» доказала сама постановка вопроса о справедливости в законопроекте о Социальном и климатическом фонде. ЕК сама предложила компенсировать издержки своего политического курса, потому что он, по мнению депутата, «ведёт людей к бедности и социальному недовольству». Консерватор А. Вондра также прогнозировал, что «люди будут протестовать», и упомянутый фонд призван обеспечить лояльность граждан¹⁵⁵.

При этом создаваемая структура не снизит уязвимость малообеспеченных к «Европейскому зелёному курсу», хотя и потребует значительных бюджетных отчислений. Многие евроскептики обращали внимание на объём расходов на этот фонд и настойчивость, с которой авторы законопроекта просят вложить в него деньги. «ЕС немного колядует», – отметил А. Вондра. ИД также дистанцировалась от этой инициативы Комиссии, поскольку несправедливо требовать таких значительных расходов от рядовых граждан: «Налогоплательщик не должен выплачивать компенсацию за вредные последствия вашей экономической политики»¹⁵⁶.

Многие евроскептики неоднократно утверждали, что раздражение граждан чрезмерной финансовой нагрузкой может побудить их активно бороться за социальную справедливость. Так, А. Бейнё (ИД) напомнила: «Во Франции эти новые нормы привели к восстанию «жёлтых жилетов»¹⁵⁷. Более того, К. Гризе (ИД) угрожала сторонникам климатических реформ массовыми движениями континентального масштаба: «Продолжайте репрессивную экологическую политику и вы получите “жёлтые жилеты” по всей Европе»¹⁵⁸.

В этих высказываниях проявился популизм многих евроскептиков: такими приёмами они стремились привлечь симпатии избирателей, видя их запрос на социальную справедливость. Популисты демонстрировали заботу о жителях ЕС и хотели дистанцироваться от образа консерваторов-лоббистов корпоративных интересов. Эти политики рассчитывали набрать электро-

¹⁵⁵ Ibid.

¹⁵⁶ Ibid.

¹⁵⁷ Verbatim... Part 2.

¹⁵⁸ Verbatim... Monitoring...

ральные очки, обращая внимание на асимметричное воздействие реформ на жителей и компании: во многих выступлениях они подчёркивали, что основные издержки от реформ лягут на граждан (прежде всего малообеспеченных).

Неравный вклад государств в борьбу с изменением климата

Многие евроскептики приводили внешнеполитический аргумент против «Европейского зелёного курса» в целом: по их мнению, этими мерами ЕК давала необоснованное конкурентное преимущество некоторым развивающимся странам за пределами Европы. Эти евродепутаты считали, что бремя борьбы с глобальным потеплением распределено несправедливо между великими державами – по аналогии с асимметричными обязательствами внутри ЕС (чрезмерной нагрузкой на жителей, а не на компании), которые были отмечены в приведённых ранее выступлениях.

А. Вондра выразил позицию фракции ЕКР таким образом: «Другие страны, которые выбрасывают гораздо больше парниковых газов [чем ЕС], не брали обязательств выполнить такую радикальную программу» и ежегодно сокращать загрязнение темпами, предложенными ЕК¹⁵⁹. Из-за этого крупнейшие загрязнители недостаточно активно борются с глобальным потеплением: «С 2010 г. объём выбросов CO_2 в ЕС сократился на 14%, в то время как по всему миру он увеличился на 11% ... в Китае – на 21%», отметил Г. Бек (ИД)¹⁶⁰. В результате «наши 27 стран выбрасывают втрое меньше CO_2 , чем Китай в одиночку», подчеркнул Ж. Барделла¹⁶¹. Дж. Стегруд пояснила недовольство своих однопартийцев-консерваторов: «Евросоюз рассчитывает на то, что крупные страны из других частей света присоединятся к нашим климатическим мерам. Но они этого не делают». Наоборот, они несправедливо пользуются плодами усилий европейцев: «Если мы используем меньше [угля, нефти и газа], то они подешевеют, и Китай и Индия будут использовать их в большем объёме. Это значит, что мы субсидируем их потребление»¹⁶². В

¹⁵⁹ Verbatim... Part 1.

¹⁶⁰ Verbatim... Part 2.

¹⁶¹ Ibid.

¹⁶² Verbatim... EU Emissions Trading System.

результате такого несправедливого распределения, по мнению Р. Хайдера (ИД), «наши компании теряют конкурентоспособность на мировом рынке ... Последствия – деиндустриализация и перенос предприятий»¹⁶³. Точнее, как отметила К. Гризе, «под угрозой сотни тысяч рабочих мест в автомобильной и авиационной промышленности, на морском транспорте и т.д.»¹⁶⁴.

Евроскептики считали, что рассмотренные законопроекты лишь усугубят эту ситуацию, поскольку сделают экономику ЕС уязвимой к конкуренции с зарубежными странами. Например, С. Сардоне выразила следующий взгляд «Идентичности и демократии» на отказ от двигателей внутреннего сгорания: «Европа строит будущее, в котором она окажется подчинена азиатскому гиганту... Полагаться на технологию [производства электромобилей], которая находится полностью в руках китайцев, контролирующих 80% редкоземельных металлов – это явная ошибка». Стоит отметить, что многие депутаты демонстрировали беспокойство об интересах прежде всего граждан ЕС, а не их работодателей. Так, С. Лиммер (ИД) подчеркнула: «В Брюсселе игнорируют... уничтожение рабочих мест в невероятных масштабах»¹⁶⁵.

Несмотря на общую критику внешнеполитических аспектов «Европейского зелёного курса», евроскептики редко подвергали сомнению меры, способные снизить конкурентоспособность импортных энергоёмких товаров. Стоимость ввезённой продукции могла повыситься, в частности, из-за Пограничного корректирующего углеродного механизма, поскольку ЕК предложила увеличить расходы поставщиков на величину платы за выбросы парниковых газов местными фирмами). При этом в качестве стимула для исполнения климатических обязательств развивающимися странами этот инструмент не воспринимался – именно по этой причине консерватор А. Вондра назвал его «химе-рой»¹⁶⁶.

Стоит отметить, что такие оценки внешнего измерения климатической политики ЕС соответствовали основным постула-

¹⁶³ Verbatim... Part 1.

¹⁶⁴ Verbatim... Monitoring...

¹⁶⁵ Verbatim... Part 2.

¹⁶⁶ Verbatim... Part 1.

там евроскептической идеологии. Для неё характерно описание международных связей как «игры с нулевой суммой», поэтому многие упомянутые евродепутаты обращали внимание избирателей, что применительно к борьбе с глобальным потеплением эта особенность приводила к «проблеме безбилетника»: якобы другие страны достигали своих целей за счёт Евросоюза.

Евроскептики видели в зарубежных правительствах источник угрозы, а не возможность объединиться для достижения цели. Выгоды от сотрудничества с ними преуменьшались, а нагрузка на европейцев и их вклад в глобальные проекты – преувеличивались. С этой точки зрения ЕК подвергала Европу опасности, поскольку усиливала уязвимость предприятий и граждан к недобросовестным действиям иностранных загрязнителей. Такое противопоставление зарубежных и отечественных компаний было возможно, поскольку евроскептики придавали большое значение территории, описывая мировую экономику. В своих выступлениях они делали акцент на территориальном критерии происхождения продукции (игнорировали принадлежность многих азиатских заводов к европейским корпорациям). Многие упомянутые депутаты конструировали из различных стран обобщённый образ загрязнителя и формулировали взаимодействие с ним в антагонистических категориях.

* * *

Заявления правых евроскептических депутатов ЕП показывают, что эти политики следовали смешанной стратегии политической борьбы. Они разделяли мнение ЕК об опасности климатических изменений (в отличие от многих популистов наподобие президента США Д. Трампа), но не одобряли многие меры, предложенные инициаторами этих законопроектов. Выступавшие демонстрировали избирателям, насколько невыгодно допускать еврочиновников к борьбе с глобальным потеплением.

Несправедливость предложенных преобразований некоторых евродепутаты видели в неравномерном распределении расходов на энергопереход. Эта асимметрия воздействия реформ проявлялась, по их мнению, в двух измерениях – социальном и внешнеполитическом. Прежде всего, правые евроскептические политики артикулировали недовольство избирателей чрезмер-

ным ростом нагрузки на их личный бюджет (в частности, из-за удорожания топлива и коммунальных услуг), иногда солидаризировались с протестами «жёлтых жилетов».

В международном сотрудничестве по вопросам изменения климата евроскептики подчёркивали несправедливый дисбаланс между вкладом европейцев в защиту окружающей среды и усилиями других стран. Для описания взаимодействия с ними эти политики использовали антагонистическую риторику, как и при демонстрации конфликта между поставщиками дорогой возобновляемой энергии и малообеспеченными потребителями внутри ЕС: противопоставляли Европу Азии. По мнению этих депутатов, инициативы ЕК предъявляют неоправданно высокие требования к европейским предприятиям, и тем самым позволяют промышленности развивающихся стран (прежде всего азиатских) расти за счёт европейской и вести нечестную конкуренцию.

ЧАСТЬ III. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА: ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

ГЛАВА 10. ИРРЕДЕНТИЗМ В ДИСКУРСЕ КРАЙНЕ ПРАВЫХ ПАРТИЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Миграционные кризисы 2015 и 2022 гг. усилили дискуссии в Европе о секьюритизации границ. Мнение об открытости границ всё чаще не одобряется в европейском обществе. При этом вопросы безопасности идут в противовес моральному гуманитарному долгу помогать людям, спасающимся от войны и преследований.

Радикальные позиции занимают крайне правые партии (иные названия: праворадикальные, правоэкстремистские, радикальные правопопулистские, антисистемные, антииммигрантские), крайне правые популистские, националистические»¹⁶⁷, часто их называют партиями одного вопроса – противодействия иммиграции. Различие в наименованиях объясняется отсутствием кон-

¹⁶⁷ См. подробнее: Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. М.: ИЕ РАН, 2019. С. 164.

сенсуса среди научного сообщества. Идеологический спектр таких партий очень широк, например, К. Мудде¹⁶⁸ выделяет 58 различных программных установок. Среди общих идеологем – борьба против демократических институтов, отстаивание неравенства в качестве ключевой ценности, осуждение «морального упадка» социума, требование подчинить индивидов обществу и др.

Крайне правые представлены в политическом поле большинства европейских государств. Несмотря на общие черты, их генезис и развитие в Западной и Восточной Европе различны. Усиление позиций в Западной Европе связано прежде всего с социокультурными трансформациями после 1968 г. Крайне правые партии отказались от фашистской риторики и антисистемных взглядов националистических движений первой половины XX в. и ввели в политический дискурс вопросы иммиграции и безопасности¹⁶⁹. В посткоммунистических странах Восточной Европы крайне правые возникли в результате процесса перехода к демократии 1989 г. Для движений здесь характерна большая степень радикальности¹⁷⁰.

Успех крайне правых партий исследователи часто связывают с переходом от индустриальной к постиндустриальной экономике¹⁷¹, который породил новые формы неравенства. Представители среднего класса получили выгоду от увеличения рабочих мест в расширяющихся секторах экономики, рабочие же остались наиболее пострадавшими во времена экономических трансформаций. Социал-демократические партии вместо них сделали средний класс основной своей избирательной базой. А крайне правые партии постепенно завоевали поддержку в наиболее маргинализированных слоях населения¹⁷², с низким уров-

¹⁶⁸ Mudde C. The ideology of the extreme right. Manchester: Manchester University press, 2000. 212 p.

¹⁶⁹ Ignazi P. The silent counter-revolution. Hypotheses on the emergence of extreme right-wing parties in Europe // European journal of political research. 1992. Vol. 22, N1. P. 3-34.

¹⁷⁰ Georgiadou V., Rori L., Roumanias C. Mapping the European far right in the 21st century: A meso-level analysis // Electoral studies. 2018. Vol. 54. P. 103-115.

¹⁷¹ Например, Betz H. Radical right-wing populism in Western Europe. London: Palgrave Macmillan. 1994. 237 p.

¹⁷² Например, Lubbers M., Gijsberts M., Scheepers P. Extreme right-wing voting in Western Europe // European journal of political research. 2002. Vol. 41, N3. P. 345-378; Golder M. Far right parties in Europe // Annual review of political sci-

нем образования и доходами, чаще всего занимающихся физическим трудом. Такие же характеристики нередко свойственны мигрантам, с которыми придётся конкурировать на рынке труда. Партии, поддерживающие ограничительную миграционную политику, имеют возможность добиться хороших результатов в сегменте экономических неудачников, обвиняющих иммигрантов в своих личных поражениях¹⁷³.

Именно поэтому экономические вопросы занимают важное место в повестке большинства крайне правых партий. Политика национальных предпочтений, подразумевающая сохранение рабочих мест, предоставления жилья и льгот для коренного населения, указывает, что национализм влияет на все сферы общественной жизни. Крайне правые партии обвиняют иммигрантов в ослаблении экономики страны и тем самым привлекают местных жителей, негативно настроенных по отношению к мигрантам¹⁷⁴.

Норвежские исследователи А. Хаугсгерд и Й. Берг¹⁷⁵ на основе 30-летних наблюдений за успехами «Партии прогресса» установили, что партия набирала наибольшее число голосов в периоды подъёма экономики и следующим за этим периодом роста числа мигрантов. Электоральный эффект от роста иммиграции прекращался, когда партия входила в правительство. Таким образом, был сделан вывод, что мобилизация избирателей на основе антисистемных позиций бросает вызов крайне правыми партиями, поскольку они могут стать жертвами собственного успеха.

Другой ключевой элемент политики крайне правых – национализм. Отдельные учёные¹⁷⁶ даже рассматривают национализм

се. 2016. Vol. 19. P. 477-497.

¹⁷³ Lubbers M., Scheepers P. Individual and contextual characteristics of the German extreme right-wing vote in the 1990s. A test of complementary theories // European journal of political research. 2000. Vol. 38. N1. P. 63-94.

¹⁷⁴ Cochrane C., Nevitte N. Scapegoating: unemployment, far-right parties and anti-immigrant sentiment // Comparative European Politics. 2014. Vol. 12, N1. P. 1-32.

¹⁷⁵ Haugsgjerd A., Bergh J. Explaining the surge of the populist radical right: a time-series analysis of the effects of immigration and the economy in Norway // Political behavior. 14.08.2023. Vol. 46. P. 1633-1652. DOI: 10.1007/s11109-023-09887-6

¹⁷⁶ Например, Ivarsflaten E. What unites right-wing populists in Western Europe? // Comparative political studies. 2008. Vol. 41, Is. 1. P. 3-23.

как необходимое условие успеха радикальных правых на выборах. Большинство таких партий и движений умело используют дискурс, основанный на противопоставлении находящихся под угрозой «нас» и угрожающих «их», в роли которых обычно выступают именно мигранты. Защита сообщества «нас» от опасных «их» выражается в необходимости закрыть государственные границы. Эта мера – ключевой пункт предвыборных программ и выступлений. Границы не только выступают физическими барьерами, но и наделены символическим значением. Часто их сравнивают с крепостными стенами¹⁷⁷, даже происходит возрождение концепции «Крепость Европа». Политики используют беспокойство по поводу открытости границ для получения поддержки, что усугубляет социальные размежевания, приводит к усилению контроля над миграцией и секьюритизации границ.

Международная миграция стирает отличия культурного и повседневного жизненного опыта людей, коллективная память прежних территориальных сообществ теряет единство и целостность¹⁷⁸. В этих условиях современные крайне правые партии приняли более приемлемую для избирателей этноплюралистическую форму нативизма¹⁷⁹. Этноплюрализм предполагает культурно разнообразный мир, состоящий из монокультурных национальных государств. Его сторонники утверждают, что культурную общность нации необходимо защищать. Идея мультикультурализма воспринимается формой национального геноцида, в нём крайне правые видят риски создать общую для всего населения политическую (национальную) идентичность¹⁸⁰. Поэтому иммигранты и этнические меньшинства воспринимаются как угроза государству¹⁸¹.

Масштабная иммиграция в Западную Европу в 1960-х гг. привела к росту антимигрантских настроений и усилению пози-

¹⁷⁷ Atun R., Doratli N. Walls in cities: a conceptual approach to the Walls of Nicosia // *Geopolitics*. 2009. Vol. 14, N1. P. 108-134.

¹⁷⁸ Beck U. *World risk society*. Cambridge: Polity, 1999. 192 p.

¹⁷⁹ Rydgren J. The sociology of the radical right // *Annual review of sociology*. 2007. Vol. 33. P. 241-262.

¹⁸⁰ Arnold E. *The development of the radical right in France*. London: Palgrave Macmillan. 1990. 312 p.

¹⁸¹ Mudde C. *Populist radical right parties in Europe*. Cambridge: Cambridge University press, 2007. 385 p.

ций крайне правых. Но в Восточной Европе традиционно риторика таких партий изначально была направлена против этнических меньшинств. Стремительный рост их популярности произошёл в результате миграционного кризиса 2015 г. Значительную часть этой волны мигрантов составляли жертвы региональных конфликтов и политические беженцы, которые не имели сильных родственных связей на территории ЕС. Мигранты стремились попасть в богатые государства Западной Европы, тогда как более бедные восточноевропейские страны оказались транзитными. Но нахождение на фронтире (вблизи внешних границ ЕС) и бытовые контакты с мигрантами (расположение лагерей беженцев и очереди на границах) использовались для создания страха перед инокультурными сообществами, который привёл к усилению фронтирного национализма. Крайне правые партии оказались единственными силами, которые предлагали простые решения этих сложных проблем, поэтому получили широкую поддержку.

Нынешние крайне правые в первую очередь декларируют цели защиты «своей страны» от «других». Но движения в Восточной Европе занимают не только оборонительную позицию – их цели простираются за пределы границ государства, стратегии трансформируются от защиты страны до защиты нации.

Кризис в Югославии в начале 1990-х гг. привел к появлению ряда документов о защите национальных меньшинств, а также к созданию европейских стандартов для государств, желающих стать членами ЕС. Эти документы должны были заставить правительства защищать меньшинства в пределах своих границ, тем самым освобождая государства от необходимости участвовать в судьбе заграничных меньшинств. Подписание двусторонних договоров о дружбе в сочетании с международными документами о защите меньшинств и требованиями о вступлении в ЕС было частью политики, направленной на исключение насильственных конфликтов¹⁸². Однако вопрос остаётся актуальным до сих пор, особенно для Восточной Европы, где границы наций и го-

¹⁸² Liebich A. The «boomerang effect» of kin-state activism: cross-border ties and the securitization of kin minorities // Journal of borderlands studies. 2005. Vol. 34, N5. P. 665-684.

сударств не совпадают и национальное строительство происходит в том числе за пределами государственных границ. Регион характеризуется наличием большого числа фантомных границ, которые до сих пор существуют в представлении местного населения¹⁸³. В результате посткоммунистического перехода восстанавливаются прежние, «спящие», или даже конструируются новые идентичности, актуализируются старые территориальные обиды, что приводит к многочисленным пограничным конфликтам. Соответственно, в дискурсе указываются сообщества, которые в силу территориальных изменений в настоящее время проживают за пределами родины.

В научной литературе такой феномен обозначают ирредентизмом. Под ним обычно подразумевают разновидность национальной политики того или иного государства (политического движения или партии), направленной на объединение разделенных сообществ. Такие претензии в настоящее время не ведут военным конфликтам, современные ирредентистские движения часто используют «мягкую силу». Предпринимаются попытки новой интерпретации, реконструкции и политизации совместной истории, поддержания комплекса жертвы, культивирования действительных и мнимых исторических обид, проведения агрессивной «политики памяти». Однако классические трактовки ирредентизма подразумевают переход этих сообществ вместе с территорией. Ф.А. Попов выделяет три типа ирредентизма: малый, тотальный и трансграничный¹⁸⁴, все они подразумевают объединение сообществ в рамках одного государства. В качестве примера можно привести венгерскую партию «Йоббик», которая призывает к пересмотру Трианонского договора, или партию «Великая Румыния», заявляющую о «тотальном ирредентизме» в отношении территории Молдовы. Но особенность нахождения в ЕС побуждает их членов отказаться от территориальных претензий, поэтому назрела потребность для иной формулировки.

В литературе указанный феномен получил название «наци-

¹⁸³ Колосов В.А. Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. №5. С. 3-11.

¹⁸⁴ См. подробнее: Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый Хронограф, 2012. 672 с.

онализм родственных государств» (*kin-state nationalism*). Также он упоминается как «активизм родственных государств» (*kin-state activism*), «транссуверенный национализм», «трансграничный национализм» и «виртуальный национализм»¹⁸⁵. Это националистическая стратегия, направленная на создание, институционализацию и мобилизацию трансграничных родственных связей без перекройки границ или инициирования перемещения населения. Правительства родственных государств внедрили ряд инструментов и стратегий для укрепления как материальных, так и символических связей с внешними родственниками. В сущности, его можно рассматривать как облегчённую версию ирредентизма.

Особенно национализм родственных государств свойственен Венгрии. Правительство «Фидес» пришло к власти с миссией укрепить связи с венграми за границей. В. Орбан пошёл на шаг дальше, чем его предшественники, предоставив таким венграм право голоса на национальных выборах в Венгрии¹⁸⁶, используя трансграничное этническое родство как источник народной поддержки и легитимности¹⁸⁷.

Но и до этого правительства Венгрии активно использовали стратегию родственного национализма. В 1990-е гг. был иницирован диалог с соседними государствами по поводу статуса венгерских меньшинств. «Родственный вопрос» стал важной чертой политического ландшафта Венгрии после Трианонского договора 1920 г., по которому страна потеряла $\frac{2}{3}$ населения и $\frac{3}{5}$ территории. Три миллиона венгров оказались за пределами венгерского государства. Это остаётся важной частью коллективного национального нарратива Венгрии и занимает видное место во внутренней политике страны и двусторонних отношениях. С 1920-х гг. Венгрия реализовала различные стратегии, чтобы либо вернуть утраченные территории и население, либо

¹⁸⁵ Csörgő Z., Goldgeier J. Kin-state activism in Hungary, Romania, and Russia: the politics of ethnic demography // *Divided nations and European integration*. University of Pennsylvania Press. 2013. P. 89-126.

¹⁸⁶ Lamour C., Varga R. The border as a resource in right-wing populist discourse: Viktor Orbán and the diasporas in a multi-scalar Europe // *Journal of borderlands studies*. 2020. Vol. 34, N3. P. 335-350.

¹⁸⁷ Waterbury M. *Between state and nation: diaspora politics and kin-state nationalism in Hungary*. 2010. New York: Palgrave Macmillan. 221p.

защитить и поддержать венгерские меньшинства в государствах их проживания. В 1990 г. родственный вопрос приобрёл новую актуальность. Венгрия приняла поправку в Конституцию, добавив положение о защите соотечественников за рубежом. Согласно этой поправке государство несёт ответственность за судьбу венгров, проживающих за границей, способствует выживанию и развитию этих общин, сохранению их венгерской идентичности. В 1990-е гг. ответственность проявлялась прежде всего в налаживании трансграничного культурного обмена и финансировании культурных и образовательных учреждений меньшинств¹⁸⁸.

В 1990-е гг. правительство Венгрии подписало двусторонние договоры с шестью соседними государствами (с Австрией, Хорватией, Словенией и Украиной в 1991–1992 гг., а также Румынией и Словакией в 1995 и 1996 гг. соответственно), которые включали положения о признании прав меньшинств. В 2001 г. в Венгрии был принят «Закон о венграх, проживающих в соседних странах» («Закон о статусе»), а в 2010 г. «Закон о гражданстве». Последний позволил венграм в соседних государствах подавать заявку на получение венгерского удостоверения личности (аналогичного паспорту), которое давало им право на льготы в пределах Венгрии.

Партии могут использовать различные формы ирредентизма относительно разных территорий. Например, в программных документах болгарская партия «Атака» не упоминает внешние территории, сосредотачиваясь на внешних угрозах ирредентизма. Прежде всего это касается рисков со стороны Турции. Партия утверждает, что турецкое меньшинство в местах своего компактного расселения (главным образом в провинции Карджали) обладает крайне сильными связями с прародиной, что вкупе с сильным влиянием Движения за права и свободы (ДПС) может привести к усилению идеи воссоединения с Турцией. Претензии Румынии на территорию Болгарии стимулировали ирредентистскую риторику партии. «Атака» предусмотрела также потенциальную ответную реакцию в Северной Добрудже – румынском регионе, населённом болгарскими. Ряд заявлений, сделанных через официальные каналы СМИ, показывает, что пар-

¹⁸⁸ Liebich A. The «boomerang effect»...

тия часто обращается к ирредентистскому дискурсу. Например, провозглашая тотальный ирредентизм относительно территории Северной Македонии.

Национализм родственных государств бросает вызов логике теории национализма Эрнеста Геллнера. По мнению Геллнера¹⁸⁹, национальные государства политически и культурно совместимы, а построение наций происходит внутри государственных границ. Хотя в обоих случаях существует стремление институционализировать нацию, разница заключается именно в том, где это происходит. В национализме родственных государств границы остаются фиксированными, их изменение силой считается незаконным в современных международных отношениях. Но они динамичны в том смысле, что страны обращаются к своему сообществу за пределами границ, мобилизуя «виртуальную нацию». Таким образом, государства не ограничены в своих проектах национального строительства линиями на карте.

ГЛАВА 11. «АЛБАНЕЗИ» В ЭТНО-СОЦИАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ ИТАЛИИ*

На территории современной Италии проживает множество этносов и людей с гражданством, отличным от итальянского. По состоянию на конец 2019 г. в Италии были отмечены носители гражданств 194 стран мира, из них почти 50 национальных групп имеют не менее 10 тыс. человек¹⁹⁰. Соотношение крупнейших диаспор в стране за последние годы не подвергается существенному изменению, при этом румынские¹⁹¹, албанские, марокканские, китайские и украинские граждане составляют около половины от общего числа иностранных жителей.

Албанцы (ит. «альбанези») – вторая¹⁹² по численности диас-

¹⁸⁹ Gellner E. Nations and Nationalism. Cornell: Cornell University Press. 1983. 150 p.

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01630 (<https://rscf.ru/project/23-28-01630/>).

¹⁹⁰ Istat: circa 200 nazionalità, Italia Paese multietnico. URL: https://www.ansa.it/ansa2030/notizie/data_news/2020/07/13/istat-circa-200-nazionalita-italia-paese-multietnico_dbfe4bff-7975-4984-a3bc-03a82c2ce747.html (дата обращения 05.08.2024).

¹⁹¹ Румынская диаспора – самая многочисленная в Италии.

¹⁹² Долгое время албанская диаспора была самой многочисленной из стран,

пора в Италии из стран, не входящих в Европейский союз (после китайской¹⁹³). При этом больше всего албанцев, находящихся за рубежом, проживают в именно Италии. Страны имеют давнюю историю взаимоотношений, что служит предпосылкой и для миграционных потоков, и для диалога на высшем политическом уровне. Сформировавшийся образ албанского мигранта в итальянском обществе и массовой культуре крайне неоднозначен и носит, скорее, негативный оттенок. В настоящей главе представлена миграционная динамика албанцев в Италию, а также социально-экономический портрет современного албанского мигранта.

Итало-албанская этническая группа сформировалась в результате нескольких миграционных волн албанцев на Апеннины. Ранние итало-албанские контакты восходят к середине XV в. Предводителю антиосманской борьбы албанцев Георгу Кастриоти (Скандербегу) удалось заключить договор о протекторате Неаполя над Албанией в обмен на предоставление военной помощи. Албанские отряды, помогавшие королю Альфонсо V Арагонскому в укреплении личной власти в Калабрии, получили земельные наделы, трансформировавшиеся в поселения албанцев на юге Италии¹⁹⁴. Впоследствии численность албанских переселенцев в Италии только увеличивалась. Продолжительный массовый исход из южных областей современной Албании и Пелопоннеса пришёлся на середину XV – начало XIX в.¹⁹⁵ и был вызван этническими и религиозными преследованиями албанцев-христиан¹⁹⁶, случившихся в результате экспансии Ос-

не входящих в ЕС, уступив китайской лишь в последние годы.

¹⁹³ О китайской диаспоре в Италии см. подробнее: Маслова Е.А., Лорето Чечони Р. Китайские мигранты в Италии: социально-экономический портрет // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. №1. С. 48-62.

¹⁹⁴ Сулоева М.А. Арбреша Италии: язык и этническая идентичность // *Кунсткамера*. 2022. №2(16). С. 181.

¹⁹⁵ Итальянский историк права Ф. Мاستроберти предлагает конкретизированные хронологические рамки: 1416–1825 гг. Подробнее: Mastroberti F. *Le colonie albanesi nel Regno di Napoli tra storia e storiografia* // *Annali della facolta di giurisprudenza*. Bari, 2008. P. 243.

¹⁹⁶ Предположительно, албанцы приняли христианство раньше венгров и болгар (конец IX в.). См. Иванова Ю.В. *Албанцы и их соседи*. М.: «Наука», 2006; *Религиозный состав современной Албании, по данным переписи 2011 г.*, выгла-

манской империи на албанские земли.

Исторический центр расселения албанских выходцев находится на юге Апеннинского полуострова, это современные территориально-административные области Кампания, Калабрия, Молизе, Апулия, Базиликата, а также на островах Сицилия и Сардиния. Разрыв тесных связей с исторической родиной и мягкая италиянизация компактно проживающих выходцев из Албании привели к формированию отдельной диаспоральной группы албанцев-арбрешей. Их культурно-историческая общность подчёркивается наличием особого диалекта албанского языка, аутентичных традиций, а также итало-албанской церкви, находящейся в подчинении Рима, но практикующей византийский обряд богослужения¹⁹⁷.

Миграционные потоки из Албании и увеличение арбрешской субэтнической общности продолжались вплоть до конца XVIII в. К XIX в. численность албанцев-арбрешей на Апеннинах составляла порядка 200 тыс. человек¹⁹⁸. Присоединившись к волнам миграции из самой Италии в начале XX в., современные арбрешы проживают в т.ч. в европейских мегаполисах (Берлин, Париж, Лондон), а также в США, Бразилии, Аргентине¹⁹⁹.

Последние волны массового переселения албанцев в Италию пришлись на 1990-е гг. и связаны прежде всего с глубоким социально-экономическим и политическим кризисом в Албании. Выделяется три миграционных волны: первая в 1991 г. – т.н. «массовый исход» (ок. 48 тыс. чел.); вторая – в 1997 г. – вследствие острого военно-гражданского кризиса в Албании; третья – в 1998–1999 гг. – из-за конфликта в Косове.

Миграционный исход стал естественным следствием внут-

дит следующим образом: 57% – мусульмане-сунниты, 10% – католики, 7% – православные, 2% – мусульмане-бекташи (суфийский орден).

¹⁹⁷ Использование византийского обряда подчёркивает преемственность православному вероисповеданию албанских переселенцев из южных областей Албании и Греции. Подробнее об итало-албанской церкви: Сулоева М.А. Роль итало-албанской церкви и функция византийского обряда в конструировании идентичности арбрешей Сицилии // Вестник антропологии. 2021. №2. С. 44-60.

¹⁹⁸ Краткая история Албании / под ред. Г.Л. Арша. М.: «Наука», 1992. С. 137.

¹⁹⁹ Matranga V. Arbëreshë, Versione 2 // Korpus im Text, Serie A, 12805. 2015. URL: <http://www.kit.gwi.unimuenchen.de/?p=12805&v=2> (дата обращения 05.08.2024).

риполитической напряжённости в стране в ходе постсоциалистической трансформации, а также эскалации региональных конфликтов в Юго-Восточной Европе. Приоритетность итальянского направления миграции, помимо фактора географической близости (70 км от побережья до побережья; паромный маршрут Влера-Бриндизи составляет 132 км), происходила из коллективной идеализации образа Италии, усиленной на контрасте вскрывавшихся перегибов «ходжаистской»²⁰⁰ модели социализма. Свою роль сыграла и последовательная итальянская политика «мягкой» силы: с 1970-х гг. в Албании на нелегальной основе осуществлялась трансляция итальянских телепередач, демонстрирующих иную, «не социалистическую» картину мира²⁰¹.

В рамках борьбы с неконтролируемой миграцией через пролив Отранто Италия приняла ряд мер по стабилизации обстановки. В 1991–1993 гг. Албании стабильно доставляли гуманитарную помощь, в совокупном размере 90 тыс. т (гуманитарная миссия «Пеликан»)²⁰². В 1997 г. Италия взяла на себя инициативу по организации и обеспечению командования временными многонациональными миротворческими силами, направленными в Албанию по резолюции Совета Безопасности ООН №1101. Данная операция под кодовым названием «Альба» была нацелена на восстановление правопорядка и предотвращение эскалации гражданской войны, спровоцированной крахом финансовых пирамид и последовавших беспорядков, сопровождаемых свободным оборотом стрелкового оружия²⁰³.

Данные о совокупной численности албанских беженцев, прибывших в Италию в 1990-е гг., разнятся²⁰⁴. В июле 1990 г. поряд-

²⁰⁰ Энвер Ходжа (1908–1985) – руководитель социалистической Албании в 1944–1985 гг.

²⁰¹ Mai N. «Looking for a more modern life...»: the role of Italian television in the Albanian migration to Italy // Westminster papers in communication and culture. 2024. Vol. 1, Is. 1. P.4.

²⁰² Albania. «Pellicano». URL: <https://www.esercito.difesa.it/en/Operations/international-operations/Pagine/Albania-Pellicano.aspx> (дата обращения 05.08.2024).

²⁰³ Pettifer J., Vickers M. The Albanian Question. Reshaping the Balkans. N.Y., 2007. P. 65.

²⁰⁴ В 1992 г. число албанцев, имеющих вид на жительство в Италии составляло 25 тыс., в 2000 г. – 130 тыс. Подробнее: Chaloff J. Albania and Italy migration policies and their development relevance. A survey of innovative and «Development-Friendly» practices in Albania and Italy. Rome, 2008.

ка 800 чел. проникли на территорию итальянского посольства в Тиране, добившись получения статуса беженца. Весной 1991 г. аналогичную заявку подали ещё более 18 тыс. чел., однако одобрение получили лишь 672 из них²⁰⁵. Далее последовал неконтролируемый поток нелегальных мигрантов, что потребовало также немедленного реагирования со стороны Италии. Были введены новые правила в рамках иммиграционной политики страны, в том числе институционализация механизмов борьбы с нелегальной иммиграцией, квотирование рабочих мест для мигрантов (в 2000-е гг. размер квоты в отношении Албании не превышал 4500 тыс. чел. в год), создание фонда для обеспечения интеграции мигрантов в принимающую среду²⁰⁶. Миграционный кризис не обошёлся без человеческих жертв. В 1997 г. произошла «трагедия в Отранто», когда в результате столкновения албанского судна с кораблём ВМС Италии оно затонуло, а большинство находившимся на нем албанцев погибли (83 чел.)²⁰⁷.

Италия рассматривала предоставление убежища как паллиативную меру, вследствие чего многие албанцы были репатриированы²⁰⁸. Оставшиеся в Италии, в свою очередь, сформировали крупную самостоятельную диаспоральную группу «итальянских альбанези» или просто итало-албанцев. В настоящее время в ряде итальянских СМИ используется и этноним *арбреши*, для маркирования представителей албанской диаспоры на Апеннинах в целом. Однако такой подход представляется редуccionистским, поскольку принадлежность к специфической культуре собственно арбрешей Южной Италии представляет собой локальный, а не общенациональный этнокультурный конструкт, не распространяясь на всё албанское меньшинство Ита-

²⁰⁵ Shqiptarët s'i janë borxhlinj Italisë për «mikpritjen» e saj të viteve 1990. URL: <https://www.reporter.al/2024/02/13/shqiptaret-si-jane-borxhlinj-italise-per-mikpritjen-e-saj-te-viteve-1990> (дата обращения 05.08.2024).

²⁰⁶ Подробнее: Gjinko J. Albanian immigrants to Italy: achievements and challenges of integration // Research and science today. 2019. N2, Is. 18. P. 47.

²⁰⁷ 24 vite nga Tragjedia e Otrantos/ 81 shqiptarë humbën jetën, shumica gra e fëmijë. URL: <https://top-channel.tv/2021/03/28/24-vite-nga-tragjedia-e-otrantos-81-shqiptare-humben-jeten-shumica-gra-e-femije6/> (дата обращения 05.08.2024).

²⁰⁸ The Council of Europe. Report on the exodus of Albanian nationals. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=6888&lang=EN> (дата обращения 05.08.2024).

лии, тем более на мигрантов 1990-х гг.

Современные итальянские «альбанези» составляют крупнейшую по численности албанскую диаспору в Европе – 397 тыс. чел., проживающих в Италии на 1 января 2022 г. Неуклонно растёт численность натурализованных граждан: в 2012–2021 гг. итальянское гражданство получило порядка 242 тыс. албанцев²⁰⁹. При этом уже около 10 лет наблюдается устойчивое сокращение албанской общины, которое затронуло почти все итальянские регионы, за исключением Базиликаты, Кампании, Сицилии и Сардинии²¹⁰.

География проживания албанцев латентно отражает желание албанцев работать – около 60% проживает на севере страны в самых экономически активных областях страны. Больше всего албанцев проживает в Ломбардии, вторая по численности общины область – Тоскана, третья – Эмилья-Романья. В то время как на «исторической родине», в южных областях страны, проживает лишь около 13% общины, из них 5% в Апулии²¹¹.

Албанская диаспора в Италии достаточно «молодая»: средний возраст её представителей составляет 34 года, причём около 41% ещё не достигли 30 лет, т.е. речь идёт преимущественно о новом поколении албанцев. Состав диаспоры сбалансированный: 50,7% составляют мужчины, 49,3% женщины²¹². В 2021 г. 59% албанцев указали необходимость воссоединения с семьёй в качестве главного мотива получения вида на жительство в Италии. При этом у диаспоры отсутствует ярко выраженная установка на моноэтнический брак. К 2005 г. албанцы обогнали другие национальные меньшинства по числу браков с гражданами Италии, на смешанный итало-албанский брак приходился один

²⁰⁹ 2022 – Rapporto Comunità albanese in Italia. URL: <https://www.lavoro.gov.it/documenti-e-norme/studi-e-statistiche/rapporto-annuale-sulla-presenza-dei-migranti-2022-albania> (дата обращения 05.08.2024).

²¹⁰ La Criminalità Albanese in Italia. Ministero dell'Interno. Roma, gennaio 2022. URL: <https://www.leurispes.it/wp-content/uploads/2022/01/focus-criminalita%CC%80-albanese-.pdf>. P. 8 (дата обращения 05.08.2024).

²¹¹ 2022 – Rapporto Comunità albanese in Italia. URL: <https://www.lavoro.gov.it/documenti-e-norme/studi-e-statistiche/rapporto-annuale-sulla-presenza-dei-migranti-2022-albania> (дата обращения 05.08.2024).

²¹² Ibid.

из десяти зарегистрированных союзов²¹³. В 2020 г. было заключено 1 043 брака, где хотя бы одной из сторон был албанец/ка, при этом 80% пришлось на смешанные браки. Такая стратегия интеграции в итальянское общество отчасти является наследием феномена «радикальной ассимиляции», распространённого среди некоторых групп албанских мигрантов первого поколения. Его отражением стала реплика одного из героев фильма «Ламерика»²¹⁴: «...я уезжаю в Италию, в Бари. Там я женюсь, у меня будет много детей. Я буду разговаривать с ними только на итальянском языке, чтобы мои дети не знали, что я албанец»²¹⁵.

Сегодня портрет «типичного албанца» в Италии выглядит следующим образом. На протяжении последних пяти лет около 50% экономически активных итало-албанцев трудоустроены: в сфере услуг 15%; коммерцией, включая ресторанный бизнес, занимаются около 16%; в сфере транспорта порядка 15%. Около 45% задействованы во вторичном секторе, а в первичном – только 5%²¹⁶. Албанская община уже много лет занимает третье место по числу индивидуальных предпринимателей, следуя за марокканской и китайской (9% всех предпринимателей из стран, не входящих в ЕС). Сферой деятельности, которой отдают предпочтение албанские предприниматели, стало строительство (около 67% всех индивидуальных предприятий)²¹⁷.

Анализ структуры занятости во вторичном секторе демонстрирует, что около половины трудовых ресурсов аккумулированы в трудоёмких производительных отраслях, ещё столько же приходится на строительство. При этом в механизированных отраслях, требующих наличия профессиональной квалификации и специальных навыков, задействовано всего лишь около четверти совокупной рабочей силы²¹⁸. Представляется, что популярность

²¹³ King R., Mai N. *Italophilia meets Albanophobia: paradoxes of asymmetric assimilation and identity processes amongst Albanian immigrants in Italy* // *Ethnic and Racial Studies*. 2008. N32, Is. 1. P. 15.

²¹⁴ «Ламерика» – фильм 1994 г. итальянского режиссёра Джанни Амелио, снятый в традиции «нового реализма» и повествующий о нелегкой судьбе албанских мигрантов в Италии в начале 1990-х гг.

²¹⁵ King R., Mai N. *Italophilia meets Albanophobia*:... P. 17.

²¹⁶ 2022 – *Rapporto Comunità albanese in Italia*. P. 18.

²¹⁷ *Ibid.* P. 23.

²¹⁸ *Ibid.* P. 20.

неквалифицированных видов деятельности обусловлена спецификой занятости мигрантов первого поколения, не сумевших справиться с уровнем конкуренции на рынке труда. В 2022 г. в Албанию было направлено 190 млн евро или 2,3% всех денежных переводов мигрантов Италии. При этом размеры комиссии, которой облагаются финансовые транзакции из Италии в Албании, остаётся ниже аналогичных операций в другие страны²¹⁹.

Ввиду комплекса противоречий интеграция албанской диаспоральной группы в итальянский социум происходила с трудом. Свою роль в этом отношении сыграла эскалация албано-фобских настроений, транслируемых рядом итальянских СМИ в конце 1990-х гг. и плотно укоренившихся в массовом сознании. Радикализация общества, столкнувшегося с масштабными, в том числе нелегальными, трансадриатическими потоками беженцев, стала предметом спекуляции со стороны ультраправых групп и популистских политиков. Общественные дискуссии об угрозе превращения Апулии в плацдарм албанской организованной преступной группировки²²⁰ оказали серьёзный репутационный ущерб в том числе и основной группе албанских мигрантов, не имеющих отношения к повышению уровня криминогенности на итальянском Юге. Как отмечают сами мигранты, «...некоторые действительно вовлечены в торговлю наркотиками, контрабанду мигрантами и проституцию. Однако из-за этого меньшинства вынуждены страдать все»²²¹. После событий 11 сентября 2001 г., на фоне захлестнувшей Европу волны исламофобии, последовало очередное нарастание албано-итальянского напряжения, несмотря на исторически слабую роль религии как этноконсолидирующего фактора албанской нации, а также распространение в рядах албанской диаспоры практики крещения детей в католицизме для облегчения процесса их со-

²¹⁹ В 2018 г. комиссия на перевод 140 евро из Италии в Албанию составляла 7,25%, а на 160 франков (137,58 евро) из Швейцарии – 10,28%. Подробнее: Bank of Albania. Report. Remittances: A Support For Development. URL: https://www.bankofalbania.org/rc/doc/Remitancat_Revista_eng_12103.pdf (дата обращения 05.08.2024).

²²⁰ Rauffer X. A neglected dimension of conflict: the Albanian mafia // Potentials of disorder / ed. by J. Koehler and Ch. Zürcher. Manchester – New-York: Manchester University Press, 2018. P. 66.

²²¹ King R., Mai N. Op. cit.

циализации и интеграции в обществе²²². Производной межэтнической напряжённости, с одной стороны, стала квазисамоизоляция итало-албанской общности и с другой – кристаллизация коллективного негативного образа «типичного албанца».

Генезис албанской преступности связан с глубоким социальным, экономическим и политическим кризисом, с которым страна столкнулась в первой половине 1990-х гг. Этот кризис сыграл роль «выталкивающего фактора», согласно классической теории миграции, послужив мощным катализатором миграционных потоков, в том числе в Италию. Другим внутренним, а затем и внешним следствием кризиса стал рост преступности. В то время как Албания находилась в тяжёлой социально-экономической ситуации, криминальные круги заполнили вакуум власти внутри страны, постепенно сформировались организованные преступные сообщества (банды). В миграционных потоках, вместе с обычными людьми, которые отправлялись в поисках лучшей жизни на Апеннины, перемещались и представители преступных албанских группировок²²³.

Наибольшая доля преступлений, которые совершают албанцы, приходится на незаконный оборот наркотиков и кражу²²⁴. Отказавшись от оценочных коннотаций, приведём официальные данные МВД Италии. По итогу 2022 г. 34,1% зарегистрированных преступлений в Италии было совершено иностранцами (в 2021 г. этот показатель был равен 31,9%). Наибольшее количество совершённых иностранцами преступлений зарегистрировано в отношении граждан Марокко (13,79% преступлений, касающихся иностранцев, и 4,71% от общего числа); за ними следуют румыны (10,27 и 3,51% соответственно); на третьем месте албанцы (6,77 и 2,31%).

МВД Италии фиксирует высокую долю вовлечения иностранцев в преступную деятельность, связанную с хищением чужого имущества. Так, ими совершено 45,48% краж в 2022 г. совершено; наибольшее число пойманных преступников состав-

²²² Shqiptarët në Itali shumë krenarë nga vizita e papa Françeskut në Tiranë. URL: <https://gazetadielli.com/shqiptaret-ne-itali-shume-krenare-nga-vizita-e-papa-franceskut-ne-tirane> (дата обращения 05.08.2024).

²²³ La Criminalità Albanese in Italia. Ministero dell'Interno. ...

²²⁴ Ibid. P. 5.

ляют румыны (18,19% из всех иностранцев и 8,27% от общего числа преступлений, вне зависимости от национальной принадлежности); за ними следуют марокканцы (13,85 и 6,30% соответственно), на третьем месте албанцы (8,72 и 3,97%). Данные по грабёжам следующие: 47,31% грабёжей совершено иностранцами, из них: марокканцами 23,58% (11,16% от общего числа преступлений, вне зависимости от национальности); 9,86% тунисцами (4,67% от общего числа); 9,13% румынами (4,32%); 4,54% египтянами (2,15%); 4,40% албанцами (2,08%)²²⁵.

Основной вид деятельности албанских преступных сообществ – торговля различными видами наркотиков²²⁶, а также торговля оружием и людьми, особенно в целях сексуальной эксплуатации²²⁷.

Доклады МВД Италии свидетельствуют, что албанские преступные сообщества *больше других* «смогли укорениться на национальной территории, постепенно разветвляясь и преуспевая во взаимодействии с автохтонными организациями в сфере оборота наркотических веществ»²²⁸. Подтверждается устоявшаяся связь албанских преступных элементов с итальянской мафией на Сицилии, в Калабрии, Кампании, но прежде всего в Апулии²²⁹. Именно незаконная торговля наркотиками способствовала установлению связей между албанскими и итальянскими преступными элементами.

Уровень представленности диаспоры в итальянских институтах государственной власти остаётся достаточно низким, прежде всего ввиду отсутствия консолидированной политической позиции самой общины²³⁰. Периодически участвующие в парла-

²²⁵ La criminalità: tra realtà e percezione. Eurispes, Roma, 2023.

²²⁶ Отмечается интернационализация нелегальной деятельности по торговле наркотиками. Изначально албанцы осуществляли незаконную деятельность по торговле марихуаной, производимой в Албании, затем турецким героином, далее южноамериканским кокаином.

²²⁷ La Criminalità Albanese in Italia. Ministero dell'Interno. ...

²²⁸ Criminalità straniera in Italia, i più radicati sono gli albanesi. Fivedabliu. 2023, Aprile. N12. URL: <https://www.fivedabliu.it/2023/04/12/criminalita-straniera-in-italia-i-piu-radicati-sono-gli-albanesi/> (дата обращения 05.08.2024).

²²⁹ La Criminalità Albanese in Italia. Ministero dell'Interno. ... P. 4.

²³⁰ Напомним, что премьер-министр Королевства Италия Франческо Криспи был по происхождению итало-албанцем, а его семья – родом из городка Палаццо Адриано на Сицилии, недалеко от Палермо – в XV в. это поселение

ментских выборах по партийным спискам албанские кандидаты представляют широкий политический спектр, однако добиться представительства албанского меньшинства в законодательном органе страны пока не удавалось. Своего рода «прорыв» был достигнут в 2023 г., после назначения 30-летней Синди Мануши главой коммуны Пьеве-ди-Кадоре (область Венето, провинция Беллуно). С. Мануши стала первым кандидатом албанского происхождения, которая одержала победу на местных выборах в Италии, Примечательно, что 92% населения коммуны составляют итальянцы²³¹, что наталкивает на мысль о постепенном размывании коллективных расовых стереотипов, унаследованных из эпохи 1990-х гг., несмотря на то, что, по словам С. Мануши, ей пришлось столкнуться с дискриминацией и ксенофобией «...из-за её этнической принадлежности»²³².

В мае 2024 г. левая коалиция «Соединённые Штаты Европы» при поддержке бывшего премьер-министра Италии М. Ренци выдвинула кандидатуру итало-албанца М. Салиху на выборах в Европарламент²³³. Салиху возглавляет итальянское отделение Гражданской американо-албанской лиги²³⁴ и позиционирует себя борцом за расширение представительства национальных меньшинств, в частности албанцев, в структурах ЕС. Выдвижение кандидатур этнических албанцев в Европарламент осуществлялось и ранее, правда, со стороны итальянских партий пока безрезультатно. Первым европарламентарием албанского происхождения стала А. Кокаляри, баллотирующаяся от шведской

было основано бежавшими албанцами-изгнанниками.

²³¹ Pieve di Cadore. City population. URL: https://www.citypopulation.de/en/italy/localities/veneto/belluno/02503910001_pieve_di_cadore (дата обращения 05.08.2024).

²³² Sindi Manushi, shqiptarja e parë që zgjidhet kryebashkiake në Itali: Jam krenare për origjinën time. URL: <https://tvklan.mk/sindi-manushi-shqiptarja-e-pare-qe-zgji-dhet-kryebashkiake-ne-italia-jam-krenare-per-origjinen-time> (дата обращения 05.08.2024).

²³³ Sipërmarrësi shqiptar Muharrem Salihu, kandidati i parë nga Italia për zgjedhjet në Parlamentin Evropian. URL: <https://www.balkanweb.com/muharrem-salihu-kandidati-i-pare-nga-italia-per-zgjedhjet-ne-parlamentin-evropian/#gsc.tab=0> (дата обращения 05.08.2024).

²³⁴ Американо-албанская гражданская лига основана в 1989 г. в Вашингтоне. Организация выступает лоббирующим органом, прежде всего косово-албанской диаспоры в США.

Умеренной коалиционной партии в 2019 г.²³⁵

Достаточно чувствительной остаётся тема социального страхования ненатурализованных граждан. По итальянскому законодательству обязательным условием получения пенсионных выплат, помимо достижения установленного возраста, является наличие минимального 20-летнего стажа работы непосредственно в Италии, в то время как общий рабочий стаж не принимается в расчёт. В 2024 г., на фоне поляризации общественного мнения по вопросу миграционного соглашения Италии с Албанией²³⁶, Рим пошёл навстречу албанской стороне. В итоге состоялась подписание межправительственного албано-итальянского соглашения о пересмотре условий предоставления пенсионных выплат. Соглашению предстоит пройти процедуру ратификации в парламентах обеих стран, однако уже на данном этапе итальянские «альбанези» расценивают уступку Мелони как успех многолетней борьбы общины за отстаивание своих прав.

О проблемах качества человеческого капитала албанцев в Италии косвенно свидетельствуют показатели уровня их образования. В 2021–2022 учебном году системой школьного образования было охвачено порядка 117 тыс. человек, а высшего – всего лишь 8 тыс., включая иностранных студентов из Албании, хотя в середине 2010-х гг. в Италии обучалось в среднем 10 тыс. студентов. По данным опросов 2019 г., 37% албанских студентов планировали остаться в Италии по окончании высшего образования, а остальные заявили о намерении уехать в другую страну ЕС (Германию, Нидерланды, Бельгию), Швейцарию, Великобританию²³⁷. Такие данные демонстрируют постепенную смену приоритетов как мигрантов второго и последующего поколений, так и иностранных студентов из Албании. Многие из них получают грантовую поддержку Италии, предоставляемую

²³⁵ Arba Kokalari – shqiptarja e parë që fiton ulëse në Parlamentin Evropian. URL: <https://telegrafi.com/arba-kokalari-shqiptarja-e-pare-qe-fiton-ulese-ne-parlamente-evropian> (дата обращения 05.08.2024).

²³⁶ В 2023 г. Дж. Мелони и Э. Рама договорились об открытии центров по приёму мигрантов на территории Албании. В начале 2024 г. соответствующее соглашение было ратифицировано в парламенте Италии и утверждено Конституционным судом Албании.

²³⁷ King R., Gëdeshi I. Migrimi aktual dhe potencial i studentëve nga Shqipëria: një «Brain Drain» i mundshëm? – Tiranë, 2020. F. 56.

в том числе с учётом уровня материального благополучия, а не только академических успехов соискателя, как в случае с американскими программами. В то же время не все связывают своё будущее с итало-албанской общностью, рассматривая пребывание в Италии лишь в качестве промежуточного этапа, всё больше ориентируясь на Германию. Наметившаяся тенденция повлекла за собой соответствующие изменения реалий школьного образования в Албании, что подтверждается словами респондентов: «...за последние три-четыре года немецкий язык практически полностью вытеснил итальянский в нашей школе. Если раньше у нас преподавался и английский, и итальянский в полном объёме, то в этом году в итальянскую группу набралось всего лишь 8 человек, а немецкая группа, напротив, полная»²³⁸.

В части, касающейся охраны и продвижения нематериальных ценностей албанского этноса, наблюдается активное взаимодействие итальянской стороны с международными организациями, НКО и непосредственно правительством Албании. Присединившись к Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств в 1995 г., Италия обеспечивает ежегодную материальную поддержку проектов по сохранению этнического разнообразия страны. Албанская диаспора, наряду с окситанским меньшинством, остаётся крупнейшим получателем финансовой помощи итальянского правительства. В частности, в 2022–2023 гг. в рамках ряда культурно-образовательных проектов, направленных преимущественно на поддержку итальянских арбрешей, диаспора получила порядка 370 и 650 млн евро соответственно. В Италии функционируют 22 ячейки гражданского общества итало-албанцев, большинство из которых ориентировано на продвижение культурно-исторического и языкового компонента общности арбрешей или поддержание связей с родиной молодого поколения албанцев (для сравнения: в Австрии зарегистрировано 19 подобных обществ, в Швейцарии – 37).

Таким образом, этническое присутствие албанцев на Апеннинских полуостровах имеет давнюю историю. Сформировавшаяся к настоящему дню итало-албанская общность не однородна по своей структуре. Потомки первых переселенцев, составляющие ядро диаспо-

²³⁸ King R., Gëdeshi I. Op. cit. P. 44.

ральной группы арбрешей, представляют пример успешной интеграции, которая сопровождалась конструированием самостоятельной культурной субидентичности. В отношении другой подгруппы албанского этнического элемента, закрепившейся в Италии в 1990-е гг., прослеживаются разные стратегии адаптации в среде принимающей страны – от добровольной ассимиляции до разноуровневой «нишевой» интеграции, характеризующийся ограниченной политической и экономической активностью, в том числе ввиду причастности к незаконным видам деятельности. Так или иначе, «альбанези» составляют этнокультурный и социальный ландшафт современной Италии, цивилизационно связывая историко-этнографическую общность Юго-Восточной Европы с ареалом западноевропейского Средиземноморья.

ГЛАВА 12. ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ: СМЕЩЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО БАЛАНСА

В Соединённом Королевстве перепись населения проводится каждые 10 лет, участие в ней обязательно, а полученные данные считаются заслуживающим доверие источником информации. В 2021 г. состоялась очередная перепись, результаты которой, обнародованные в 2022 г.²³⁹, стали знаменательными для Северной Ирландии (СИ).

Часто Северную Ирландию характеризуют как место проживания двух общин, различающихся по религиозной принадлежности (католики и протестанты), по культурной ориентации как (ирландцы и британцы) и по политическим устремлениям (националисты/республиканцы и юнионисты). Все три бинарных варианта часто считаются аналогичными и используются взаимозаменяемо. Однако за 25 лет, прошедших с момента подписания Соглашения страстной пятницы²⁴⁰, ситуация в регионе

²³⁹ Все статистические данные в статье приведены на основе данных: NIRSA. Census 2021 main statistics for Northern Ireland. URL: <https://www.nisra.gov.uk/publications/census-2021-main-statistics-for-northern-ireland-phase-1>; NIRSA. Key Statistics. URL: <https://www.nisra.gov.uk/statistics/2011-census/results/key-statistics> (дата обращения 10.04.2024).

²⁴⁰ Официальное название – Белфастское соглашение. The Belfast agreement.

претерпела значительные изменения, и бинарный подход перестал отражать реальные предпочтения жителей Северной Ирландии.

Общая численность населения региона неуклонно росла в XXI в.²⁴¹ По данным переписи в 2011 г. она составляла 1 810 900 человек, что на 7% больше, чем в 2001 г.; к 2021 г. число жителей СИ возросло ещё на 5%, до 1 903 175 человек. В структуре населения есть положительные и отрицательные для региона тенденции. К последним относится старение населения (табл. 6), поскольку поколение «бэби-бума» 1950-х и 1960-х гг. достигает пенсионного возраста. Одновременно число маленьких детей (в возрасте до 4 лет) сократилось на 9% по сравнению с данными 2011 г. С другой стороны, половозрастная структура североирландского общества достаточно сбалансированная. Отмечен также рост населения, родившегося за пределами СИ. В 2011 г. этот показатель составлял 11%, в 2021 г. – 13,5%. Число тех, кто принадлежит к этническим меньшинствам, удвоилось с 2011 г. до 3,4% (а по сравнению с данными 2001 г. увеличилось в четыре раза).

Таблица 6

Возрастная структура населения Северной Ирландии

возраст	0–14	15–39	40–64	65+
2011	21%*	33%**	32%	14,7%
2021	19%	31%	32%	17%

* В 2011 г. диапазон составлял 1–15 лет.

** В 2011 г. диапазон составлял 16–39 лет.

По Белфастскому соглашению 1999 г., родившиеся в Северной Ирландии могут получить паспорт Соединённого Королевства или Республики Ирландия (РИ) или оба сразу. Данные переписи 2021 г. показали резкий рост числа тех, кто имеет ирландское гражданство (табл. 7). Следует отметить, что в каждом районе региона процент людей, имеющих британский паспорт, снизился, а имеющих паспорт РИ вырос. Представляется, что

URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-belfast-agreement> (дата обращения 10.04.2024).

²⁴¹ Необходимо всё же отметить, что после трагических событий середины XIX в., только к 2020 г. население всего острова Ирландия достигло той же численности, что было зафиксировано в 1821 г. – 6,8 млн чел.

наибольшее влияние на то, что число владельцев ирландских паспортов выросло за десять лет на 63%, оказал выход Соединённого Королевства из состава Европейского союза. Здесь особенно показателен рост более чем в три раза обладателей одновременно британского и ирландского гражданства. Наличие паспорта Республики Ирландия позволяет сохранить или получить гражданство ЕС, со всеми вытекающими из этого плюсами.

Таблица 7

Типы паспортов у жителей Северной Ирландии (в %)

	Только Соединённое Королевство	Только Республика Ирландия	Соединённое Королевство и Республика Ирландия	Без паспорта
2011	57,2	19,0	1,7	18,9
2021	46,6	26,5	5,5	15,9

Но самый важный с политической и эмоциональной точек зрения результат переписи состоит в том, что впервые за столетнюю историю существования Северной Ирландии число жителей, исповедующих католицизм (или воспитанных в католических семьях), превысило число протестантов (или воспитанных в протестантских семьях). Доля первых среди постоянного населения СИ составляет 45,7%, а вторых 43,5% (табл. 8). Исследователи отмечают закономерный характер данных показателей, поскольку изменения в структуре населения давно шли в этом направлении. За последние 20 лет число людей протестантского происхождения сократилось более чем на 10%. Это в первую очередь связано с более быстрым старением данной группы и высокой смертностью. Напротив, профиль населения католического происхождения намного моложе и за тот же 20-летний период вырос примерно на 3%.

В то же время религиозная ориентация перестаёт быть единственным фактором, определяющим принадлежность населения к какой-либо общине и политические предпочтения. Важным показателем представляются данные о национальной идентичности жителей региона (табл. 9). 31,9% заявили, что имеют только британскую идентичность, 29,1% идентифицировали себя как «только ирландцы», а 19,8% – «только североирландцы». По сравнению с переписью 2011 г. доля людей с британской идентичностью снизилась на 8%, а доля людей с ирландской возросла на 3,2%.

Таблица 8

Религиозная принадлежность жителей
Северной Ирландии (в %)

	Римская католическая церковь	Пресвитериане	Церковь Ирландии	Методисты	Другие христиане	Не принадлежат ни к одной религии
2011	40,8	19,1	13,7	3,0	5,8	10,1
2021	42,3	16,6	11,5	2,4	6,9	17,4
Всего 2011	Католики / религиозная группа воспитания – католицизм – 45,1			Протестанты / религиозная группа воспитания – не католицизм – 48,4		
Всего 2021	Католики / религиозная группа воспитания – католицизм – 45,7			Протестанты / религиозная группа воспитания – не католицизм – 43,5		

Таблица 9

Идентичность жителей Северной Ирландии (в %)

	Только британцы	Только ирландцы	Только североирландцы	Британцы и ирландцы	Британцы и североирландцы	Ирландцы и североирландцы	Британцы, ирландцы и североирландцы
2011	39,9	25,9	20,9	0,7	6,2	1,1	1,0
2021	31,9	29,1	19,8	0,6	8,0	1,8	1,5

Примечательно, что лица католического происхождения составляют 45,7% населения, но только 29% считают себя исключительно ирландцами. Эти показатели можно охарактеризовать как тенденцию, поскольку в переписи 2011 г. они составляли 45,1% и 25,9% соответственно. Расхождение между воспитанными в протестантских семьях и идентифицирующими себя «только британцами» меньше, но тоже присутствует, причём оно увеличилось в 2021 г. по сравнению с 2011 г.: 12,6 и 8,5% соответственно. Таким образом, можно сделать вывод, что жёсткое соотношение религиозной принадлежностью и идентичностью в настоящее время размывается (табл. 10). Те, кто родом из протестантских семей, гораздо менее склонны идентифицировать себя со своим этнорелигиозным происхождением, чем те, кто родом из католических семей, со своим. Однако в плане национальной идентичности, эта связь обратная. Члены протестантской общины гораздо более склонны идентифицировать себя как британцев, чем католики – как ирландцев²⁴².

Устойчивые показатели, около 20% в 2011 и в 2021 гг., де-

²⁴² Coulter C., Flaherty E. & Shirlow P. «Seismic» or stalemate? The (bio)politics of the 2021 Northern Ireland Census // Space and Polity. 2023. September. Vol. 27. P. 57-77. DOI: 10.1080/13562576.2023.2260153

Таблица 10

Соотнесение идентичности и религиозной принадлежности жителей Северной Ирландии (в %)

2021	Католики	Протестанты	Другие религии	Не принадлежат ни к одной религии	Всего жителей
Только британцы	6,6%	57,8%	29,3%	35,5%	31,9
Британцы и североирландцы	0,8%	15,4%	3,9%	9,0%	8,0
Только ирландцы	60,0%	2,0%	8,8%	7,6%	29,1
Ирландцы и североирландцы	3,1%	0,4%	1,0%	1,5%	1,8
Только североирландцы	20,9%	17,7%	9,9%	25,6%	19,8
Британцы и ирландцы	0,7%	0,5%	1,1%	0,6%	0,6
Британцы ирландцы, и северные ирландцы	0,9%	1,9%	1,5%	2,3%	1,5
Другие категории	7,0%	4,4%	44,7%	18,0%	7,4%

монстрирует категория людей, которые себя считают «только североирландцами», причём их религиозные предпочтения распределены относительно равномерно. Есть ещё смешанные категории, где также отмечается небольшой рост числа тех, кто считает себя в том числе североирландцем.

Помимо того, что около 30% населения считает себя североирландцами (либо только ими, либо в смешанной идентичности), бинарный подход к определению статуса жителя не отвечает и другим параметрам. В 2022 г. статистическое агентство *Northern Ireland Life and Times (NILT)* провело исследование, по данным которого, 38% опрошенных не признают себя ни юнионистами, ни националистами (ещё 4% ответили на поставленный вопрос «не знаю»). Юнионистами и националистами определяют себя 31 и 26% соответственно. При этом среди считающих себя юнионистами наиболее высокий процент таковых среди населения старше 55 лет. Распределение по возрастным группам у националистов относительно ровное, но среди тех, кто старше 65 лет, их меньшинство²⁴³.

Политические предпочтения юнионистов и националистов

²⁴³ NILT. Survey. Political Attitudes. 2022. URL: https://www.ark.ac.uk/nilt/2022/Political_Attitudes/ (дата обращения 10.04.2024).

на выборах в Ассамблею Северной Ирландии 2022 г. остались вполне традиционными, но обращает на себя внимание большой процент не принявших участие в голосовании. Особенно он велик (56%) среди тех, кто не относит себя ни к одной из двух указанных выше категорий (табл. 11).

Таблица 11
Поддержка политических партий на выборах в Ассамблею Северной Ирландии 2022 г. по политической идентичности (в %)

	Шинн Фейн	СДЛП	Альянс	ОЮП	ДЮП	ТЮГ	Не голосо- вали
Юнионисты	0	0	4	20	37	14	23
Националисты	55	15	6	0	0	0	19
Не относят себя к первым двум категориям	9	4	14	3	5	2	56

Источник: Pow J. Beyond Orange and Green: The Politics of Northern Ireland's «Neithers». URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20419058231198586?icid=int.sj-abstract.citing-articles.6> (дата обращения 10.04.2024).

Исследователи справедливо полагают, что причиной такого высокого процента не участвовавших в выборах стало глубокое чувство недовольства политикой, проводимой в регионе и существующим бинарным подходом к ней. Именно этим объясняют низкую представленность в Ассамблее нейтральной (с точки зрения межобщинных противоречий) партии «Альянс», которая, в теории, лучше других отражает интересы, тех, кто не относит себя ни к юнионистам, ни к националистам²⁴⁴. При этом, по опросам *Northern Ireland Life and Times*, её поддержка среди населения Северной Ирландии достигает 27%²⁴⁵. Растущая неоднородность североирландского общества проявляется и в другом важном параметре – конфессиональной принадлежности. По данным переписи 2021 г. 17,4% людей в регионе не исповедуют никакой религии (табл. 8), а по данным *Northern Ireland Life and Times*, эта цифра достигает 28%²⁴⁶. Таким образом, различные параметры социологических опросов подтверждают,

²⁴⁴ Pow J. Beyond Orange and Green: The Politics of Northern Ireland's «Neithers». URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20419058231198586?icid=int.sj-abstract.citing-articles.6> (дата обращения 10.04.2024).

²⁴⁵ NILT. Survey. Political Attitudes. 2022. URL: https://www.ark.ac.uk/nilt/2022/Political_Attitudes/ (дата обращения 10.04.2024).

²⁴⁶ Coulter C., Flaherty E. & Shirlow P. «Seismic» or stalemate? ...

что в СИ проживает существенное и растущее меньшинство людей, которые не идентифицируют себя в бинарных этнорелигиозных категориях.

Закреплённое в Белфастском соглашении существование двух общин и разделение между ними властных полномочий в регионе перестаёт в полной мере соответствовать политическим устремлениям жителей Северной Ирландии. Этнополитическая динамика в североирландском обществе изменилась, между религиозной принадлежностью, национальной идентичностью и политическими устремлениями в настоящее время нет прямой корреляции. Таким образом, Северная Ирландия перестала быть чётко поляризованным или разделённым на две части обществом, как это часто изображают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этническая политика в последнее десятилетие находит по большей части своё проявление в двух направлениях – реакцией на плохо контролируемые потоки миграции в европейские страны и, как следствие, на увеличение инокультурного и иноэтнического сообщества и существующего влияния национальных меньшинств на внутреннюю ситуацию в странах Европы. Оба эти фактора часто определяют электоральные предпочтения граждан государств Европейского союза и его соседей. Проведя исследование части обозначенных проблем, авторы монографии приходят к интересным и подчас неожиданным выводам.

Апеллирование к «своим» и противопоставление «чужим» остаётся популярным методом проведения предвыборных кампаний, особенно для правопопулистских партий. «Чужими» чаще всего выступают инокультурные и иноэтнические иммигрантские сообщества. Исследования подтверждают тот факт, что в таких сообществах мигранты первой волны с гораздо большим желанием и успехом ассимилируются в принимающем обществе. В случае компактного проживания иноэтнических групп из-за существующей сегрегации у принимающего общества может чаще формироваться негативный образ этномиграционного меньшинства и наоборот. В целом иммиграционная тематика

является одной из наиболее «слышимых» в политическом дискурсе европейских стран, что во многом объясняет успех правых популистов в разных странах Европы. Однако реальным последствием их прихода в парламенты разного уровня становится ужесточение миграционной политики и политики предоставления убежища, которое осуществляется в том числе партиями мейнстрима. На уровне Европейского союза данная тенденция также очевидна. Новый Пакт о миграции и убежище, экстернализация миграционной политики, повышение внимания к процедуре высылки нелегальных мигрантов не только усложняют получение статуса беженца в странах ЕС, но часто противоречат гуманитарными принципам и соблюдению прав человека, приверженцем которых позиционирует себя Евросоюз. Принимающим обществам и государствам придётся вырабатывать новые стратегии адаптации мигрантов, постоянно делая выбор между открытостью и безопасностью.

Несмотря на снижение остроты националистических настроений в обществе в целом, этнические партии в странах Европы продолжают существовать, делая ставку на свой электорат внутри страны, а иногда за её пределами, когда речь идёт о национальных меньшинствах, проживающих в соседних странах. Однако продвижение этнонационалистических лозунгов не гарантирует обязательную поддержку таким партиям, даже в таком чувствительном регионе, как Балканы. В ряде стран Европы можно наблюдать, как этнические или этнорегиональные партии всё больше внимания уделяют социально-политической повестке, причём часто левого толка, а поддержка со стороны этнического электората расплывается. Другой тенденцией стало появление «этнически нейтральных» партий в разделённых по этому признаку странах и регионах, которые стараются представлять общество в целом, а не его отдельные части.

Этническая карта Европы будет становиться всё более разнообразной в первую очередь за счёт прибывающих мигрантов, но и существующие противоречия между титульными нациями и национальными меньшинствами останутся на повестке дня. Таким образом, у исследовательского сообщества сохранится предметное поле для будущих исследований и дискуссий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биссон Л.С., Потемкина О.Ю. Миграционный кризис в ЕС: версия 2.0? // Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. Вып. IV, №33(330).
2. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №2. С. 457–485.
3. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 226 с.
4. Вендина О.И., Панин Э.А. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018. 184 с.
5. Вендина О.И., Панин Э.А., Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия РАН. Серия географическая. 2019. №6. С. 3–17.
6. Войников В.В. Правовое регулирование противодействия нелегальной иммиграции в России и ЕС // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. №5. С. 98–105.
7. Грабевник М.В. Электоральный регионализм: случай Демократического союза венгров Румынии // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, №1. С. 31–39.
8. Гуселетов Б.П. Выборы 2017 года в странах Евросоюза: общее и особенное // Современная Европа. 2018. Т. 81, № 2. С. 18–28.
9. Жерлицына Н.А. Стратегия ЕС в отношении центрально-средиземноморского маршрута миграции и пострадавших транзитных государств Сахеля и Ливии. // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8(18). Вып. 3. С. 51–59.
10. Жирнова Л.С. От монополии к фрагментации: трансформация русскоязычного электорального ландшафта Латвии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №3(33). С. 65–78.
11. Жирнова Л.С. Парламентские выборы 2022 г. в Латвии: фрагментация этнического голосования // Этническая политика:

конфликтные, миграционные и электоральные аспекты / отв. ред. П.В. Осколков. М.: ИЕ РАН, 2023. С. 92–101.

12. Жирнова Л.С. Этнический фактор в электоральном поведении в Латвии: пространственный эффект // Современная Европа. 2023. № 2(116). С. 202–214.

13. Жирнова Л.С. Эффект соседства как значимый фактор парламентских выборов 2010–2022 гг. в Латвии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 45. С. 90–100.

14. Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006. 363 с.

15. Кандель П.Е. Парламентские выборы в Словении // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №3. С. 55–61.

16. Кандель П.Е. Президентские и парламентские выборы в Черногории // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №3. С. 56–64.

17. Кандель П.Е. Пятые парламентские выборы в Болгарии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №2. С. 55–63.

18. Колосов В.А. Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. №5. С. 3–11.

19. Краткая история Албании / под ред. Г.Л. Арша. М.: Наука, 1992. 510 с.

20. Кришталь М.И. Положение и политический дискурс русских партий Латвии и Эстонии в новых геополитических реалиях // Современная Европа. 2024. №1. С. 103–116.

21. Кришталь М.И. Электоральные процессы в постсоветских странах Балтии и Восточной Европы: Учебное пособие. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2023. 127 с.

22. Маслова Е.А., Лорето Чечони Р. Китайские мигранты в Италии: социально-экономический портрет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, №1. С. 48–62.

23. Окунев И.Ю. Электоральная география. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. 312 с.

24. Окунев И.Ю. Политическая география: Учеб. пособие

для вузов. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 512 с.

25. Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. М.: ИЕ РАН, 2019. 164 с.

26. Осколков П.В. Этнические партии и этническое голосование: проблемы концептуализации и факторы развития // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, №8. С. 112–118.

27. Осколков П.В. Этнорегионалистские партии ЕС: феномен европейского свободного альянса // Современная Европа. 2021. №1(101). С. 141–150.

28. Охошин О.В. Политический кризис продолжает угрожать Северной Ирландии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. №1. С. 70-74.

29. Панов П.В. Этнические и региональные партии в странах Центральной и Восточной Европы: специфика и траектории развития // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 3. С. 20–34.

30. Подчасов Н.А. Влияние Турции на внешнюю и внутреннюю политику Болгарии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. Т. 28, № 4. С. 51–62.

31. Попов Ф.А. География сепсессионизма в современном мире. М.: Новый Хронограф, 2012. 672 с.

32. Потемкина О.Ю. Пакт о миграции и убежище – утверждение реформы // Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 116. Март – май 2024. С. 45–49.

33. Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО «Аванглион», 2007. С. 9-27.

34. Сидоров В.В. Этнические партии как катализатор этнических конфликтов: теоретические и эмпирические аргументы // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, № 4. С. 30–35.

35. Сулоева М.А. Арбреши Италии: язык и этническая идентичность // Кунсткамера. 2022. №2(16). С. 178–194.

36. Сулоева М.А. Роль итало-албанской церкви и функция византийского обряда в конструировании идентичности арбрешей Сицилии // Вестник антропологии. 2021. №2. С. 44–60.

37. Чудиновских О.С., Степанова А.В. О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами // Демографическое обозрение. 2020. №7(1). С. 54–82.
38. Шатило Д.П. Пространственная этносоциальная структура населения Лондона, Парижа, Мадрида, Берлина и Москвы // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2021. №2. С. 54–66.
39. Шатило Д.П. Трансформация социального пространства глобальных городов: аналит. обзор. Москва: ИНИОН РАН. 2021. 78 с.
40. Anderson R. Security Engineering: A Guide to Building Dependable Distributed Systems. Second Edition. Indianapolis, IN: Wiley Publishing, Inc. 2018.
41. Arnold E. The development of the Radical Right in France. London: Palgrave Macmillan. 1990. 312 p.
42. Atun R., Doratli N. Walls in Cities: A Conceptual Approach to the Walls of Nicosia // Geopolitics. 2009. Vol. 14, N1. P. 108–134.
43. Barnes, J. Torturous journeys: Cruelty, international law, and pushbacks and pullbacks over the Mediterranean Sea // Review of International Studies. 2022. Vol. 48, Is. 3. P. 441–460.
44. Barten D., Tin D., De Cauwer H., Ciottone R., Ciottone G. A Counter-Terrorism Medicine Analysis of Drone Attacks // Prehospital and Disaster Medicine. 2022. Vol. 37, Is. 2. P. 192–196.
45. Beck U. World Risk Society. Cambridge: Polity, 1999. 192 p.
46. Betz H. Radical right-wing populism in Western Europe. London: Palgrave Macmillan, 1994. 237 p.
47. Bodnar A., Grzelak A. The Polish–Belarusian Border Crisis and the (Lack of) European Union Response // Bialystok Legal Studies. 2023. Vol. 28, N1. P. 57–86.
48. Brundage M., Avin Sh., Clark J., Toner H., Eckersley P., Garfinkel B., Dafoe A., Scharre P., Zeitzoff T., Filar B., Anderson H., Roff H., Allen G.C., Steinhardt J., Flynn C., Ó Heigeartaigh S., Beard S., Belfield H., Farquhar S., Lyle C., Crootof R., Evans O., Page M., Bryson J., Yampolskiy R., Amodei D. The Malicious Use of Artificial Intelligence: Forecasting, Prevention, and Mitigation, Future of Humanity Institute. University of Oxford, Oxford. 2018.

AZ. P. 27.

49. Chandra K. What is an ethnic party? // Party Politics. 2011. Vol. 17, N2. P. 151–169.

50. Clarke C. Drone terrorism is now a reality, and we need a plan to counter the threat // World Economic Forum. 2018. 98 p.

51. Cochrane C., Nevitte N. Scapegoating: unemployment, far-right parties and anti-immigrant sentiment // Comparative European Politics. 2014. Vol. 12, N1. P. 1–32.

52. Cox K.R. The Voting Decision in a Spatial Context // Progress in Geography. 1969. Vol. 1. N1. P. 81–117.

53. Csörgő Z., Goldgeier J. Kin-State Activism in Hungary, Romania, and Russia: The Politics of Ethnic Demography // Divided Nations and European Integration. University of Pennsylvania Press, 2013. P. 89–126.

54. Dandoy R. Ethno-regionalist parties in Europe: a typology // Perspectives on Federalism. 2010. Vol. 2, Is. 2. P. 194–220.

55. Europol. Facing reality? Law enforcement and the challenge of deepfakes. Publications Office of the European Union, Luxembourg. 2022. 23 p.

56. Galeano J., Coll A., Valls A.D. Formation and evolution of ethnic enclaves in Catalonia before and during the economic crisis // Catalonia. Catalan Social Sciences Review. 2015. N5. P. 63.

57. Gellner E. Nations and Nationalism. Cornell University Press, 1983. 150 p.

58. Georgiadou V., Rori L., Roumanias C. Mapping the European far right in the 21st century: A meso-level analysis // Electoral Studies. 2018. Vol. 54. P. 103–115.

59. Gjinko J. Albanian Immigrants to Italy: Achievements and Challenges of Integration // Research and Science Today. 2019. N2(18). P. 46–54.

60. Golder M. Far right parties in Europe // Annual Review of Political Science. 2016. Vol. 19. P. 477–497.

61. Grimm A. «Le Grand absent Européen»: solidarity in the politics of European integration // Acta Politica, 2020. Vol. 56, N20. P. 242–260.

62. Hadnagy C. Social Engineering: The Science of Human Hacking. Indianapolis, IN: John Wiley & Sons, Inc. 2018. 320 p.

63. Ignazi P. The silent counter-revolution. Hypotheses on the emergence of extreme right-wing parties in Europe // *European Journal of Political Research*. 1992. Vol. 22, N1. P. 3–34.

64. Ivarsflaten E. What unites right-wing populists in Western Europe? // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41, Is. 1. P. 3–23.

65. Johnston R., Forrest J., Poulsen M. Are there Ethnic Enclaves/Ghettos in English Cities? // *Urban Studies*. 2002. N39, Is. 4. P. 594.

66. Kim S. Non-Refoulement and Extraterritorial Jurisdiction: State Sovereignty and Migration Controls at Sea in the European Context // *Leiden Journal of International Law*. 2017. Vol. 30, Is. 1. P. 49–70.

67. King R., Gëdeshi I. Migrimi aktual dhe potencial i studentëve nga Shqipëria: një «Brain Drain» i mundshëm? Tiranë: 2020. 79 p.

68. King R., Mai N. Italophilia meets Albanophobia: paradoxes of asymmetric assimilation and identity processes amongst Albanian immigrants in Italy // *Ethnic and Racial Studies*. 2008. N32(1). P. 15–17.

69. Lamour C., Varga R. The Border as a Resource in Right-wing Populist Discourse: Viktor Orbán and the Diasporas in a Multi-scalar Europe // *Journal of Borderlands Studies*. 2020. Vol. 34, N3. P. 335–350.

70. Liebich A. The «Boomerang Effect» of Kin-state Activism: Cross-border Ties and the Securitization of Kin Minorities // *Journal of Borderlands Studies*. 2005. Vol. 34, N5. P. 665–684.

71. Lubbers M., Gijsberts M., Scheepers P. Extreme right-wing voting in western Europe // *European Journal of Political Research*. 2002. Vol. 41, N3. P. 345–378

72. Lubbers M., Scheepers P. Individual and contextual characteristics of the German extreme right-wing vote in the 1990s. A test of complementary theories // *European Journal of Political Research*. 2000. Vol. 38, N1. P. 63–94.

73. Mai N. «Looking for a More Modern Life...»: the Role of Italian Television in the Albanian Migration to Italy // *Westminster Papers in Communication and Culture*. Vol. 1, Is. 1. P. 6–8.

74. Mastroberti F. Le colonie albanesi nel Regno di Napoli tra storia e storiografia // *Annali della facolta di giurisprudenza di taranto*. 2008. N2. P. 241–251.

75. Miller W.L. *Electoral Dynamics in Britain since 1918*. London: Macmillan, 1977. 242 p.

76. Mudde C. *Populist Radical Right Parties in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 385 p.

77. Mudde C. *The Ideology of the Extreme Right*. Manchester: Manchester University Press, 2000. 212 p.

78. Pettifer J., Vickers M. *The Albanian Question. Reshaping the Balkans*. N.Y., 2007. 288 p.

79. Qadeer M., Kumar S. *Ethnic Enclaves and Social Cohesion* // *Canadian Journal of Urban Research*. 2006. Vol. 15, N2. P. 1–17.

80. Raufer X. A neglected dimension of conflict: the Albanian mafia // *Potentials of disorder* / ed. by J. Koehler and Ch. Zürcher. Manchester – New-York: Manchester University Press, 2018. P. 63–74.

81. Reynolds D.R. A Spatial Model for Analyzing Voting Behavior // *Acta Sociologica*. 1969. Vol. 12, Is. 3. P. 122–131.

82. Rydgren J. The sociology of the radical right // *Annual Review of Sociology*. 2007. Vol. 33, N1. P. 241–262.

83. Wang X., Maani S. Immigrants' Location Choices, Geographic Concentration, and Employment in New Zealand // *New Zealand Population Review*. 2014. N40. P. 85–110.

84. Waterbury M. *Between State and Nation: Diaspora Politics and Kin-State Nationalism in Hungary*. New York: Palgrave Macmill, 2010. XVI, 221 p.

85. Wilson K. L., Portes A. Immigrant enclaves: An analysis of the labor market experiences of Cubans in Miami // *American Journal of Sociology*. 1980. N86. P. 295–319.

ОБ АВТОРАХ

Бабынина Людмила Олеговна – к.полит.н., в.н.с., руководитель Центра политической интеграции Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

Базаркина Дарья Юрьевна – д.полит.н., в.н.с. Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

Биссон Любовь Сергеевна – к.полит., с.н.с. Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

Войников Вадим Валентинович – д.ю.н., профессор кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, профессор БФУ им. И. Канта.

Доманов Алексей Олегович – н.с. Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

Жирнова Лидия Сергеевна – н.с. Института международных исследований МГИМО МИД России.

Кандель Павел Ефимович – к.и.н., в.н.с. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН.

Кришталь Михаил Игоревич – к.г.н., н.с. Социологической лаборатории Института геополитических и региональных исследований БФУ им. И. Канта.

Маслова Елена Александровна – к.полит.н., доцент, с.н.с. Отдела черноморско-Средиземноморских исследований ИЕ РАН, доцент Департамента международных отношений НИУ ВШЭ.

Матюшкин Сергей Владимирович – магистрант МГИМО МИД России.

Потемкина Ольга Юрьевна – д.полит.н., г.н.с., руководитель Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

Сергеев Егор Александрович – к.э.н., доцент кафедры мировой экономики, с.н.с. Института международных исследований МГИМО МИД России.

Туров Никита Леонидович – н.с. Отдела глобальных проблем ИНИОН РАН.

Шогунц Анна Вартановна – к.полит.н., начальник Отдела, Департамент многостороннего экономического сотрудничества и специальных проектов Минэкономразвития России.

ABOUT THE AUTHORS

Babynina Liudmila – Candidate of Political Sciences, leading researcher at the Department of European integration studies, Head of Center for political integration studies, IE RAS.

Bazarkina Darya – Doctor of Political Sciences, leading researcher at the Department of European integration studies, IE RAS.

Bisson Lyubov – Candidate of Political Sciences, senior researcher at the Department of European integration studies, IE RAS.

Domanov Alexey – Research fellow at the Department of European integration studies, IE RAS.

Kandel Pavel – Candidate of Sciences (History), leading researcher at the Department of social and political studies, IE RAS.

Krishtal Mikhail – Candidate of Sciences (Geography), researcher Sociological laboratory, Institute of geopolitical and regional studies, Kant Baltic Federal University.

Maslova Elena – Candidate of Political Sciences, docent, senior researcher at the Department of Black Sea and Mediterranean studies, IE RAS, Associate professor at the HSE University.

Matiushkin Sergey – Master student at MGIMO University.

Potemkina Olga – Doctor of Political Sciences, Head of the Department of European integration studies, IE RAS.

Sergeev Egor – Candidate of Sciences (Economics), Associate professor, Department of world economy, Senior research fellow, Institute for International Studies, MGIMO University.

Shogunts Anna – Candidate of Political Sciences, Head of division, Department of multilateral economic cooperation and special projects, Ministry of economic development of the Russian Federation.

Turov Nikita – Researcher, Department of global issues, Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS.

Voynikov Vadim – Doctor of Sciences (Law), MGIMO University, Professor, Chair on integration law and human rights; I. Kant Baltic Federal University.

Zhirnova Lidia – Research fellow at Institute for International Studies, MGIMO University.

**В 2022–2024 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

396. А.А.Синдеев. «Классические проблемы» общеевропейской безопасности в работах российских политологов. ДИЕ РАН №396. М., 2022 г.
397. Политика, экономика и безопасность современной Арктики (к 25-летию Арктического совета). Отв. ред. В.П.Журавель. ДИЕ РАН №397. М., 2022 г.
398. «Мягкая сила» в Черноморско-Средиземноморском регионе. Отв. ред. Е.Г.Энтина. ДИЕ РАН №398. М., 2023 г.
399. Британия-2022: смена премьеров, смена монарха. Отв. ред. О.В.Охошин. ДИЕ РАН №399. М., 2023 г.
400. Германия. 2022. Часть 1. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №400. М., 2023 г.
401. Германия. 2022. Часть 2. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №401. М., 2023 г.
402. Ю.И.Рубинский, А.А. Синдеев. Эволюция франко-германского тандема. ДИЕ РАН №402. М., 2023 г.
403. Этническая политика: конфликтные, миграционные и электоральные аспекты. Отв. ред. П.В.Осколков. ДИЕ РАН №403. М., 2023 г.
404. Новые явления в экономике Европы. Отв. ред. А.И.Бажан. ДИЕ РАН №404. М., 2023 г.
405. Вишеградские страны на фоне украинского кризиса. Отв. ред. Л.Н. Шишелина. ДИЕ РАН №405. М., 2023 г.
406. Диалог власти и гражданского общества (европейский опыт). Отв. ред. А.А.Канунников, Р.Н.Лункин. ДИЕ РАН №406. М., 2023 г.
407. Р.М.Плюснин. Финляндия в мировой торговле. Факторы интеграции и глобализации. ДИЕ РАН №407. М., 2024 г.
408. Германия. 2023. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №408. М., 2024 г.
409. Н.М.Межевич, В.В.Шимов. Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития. ДИЕ РАН №409. М., 2024 г.
410. П.Е.Кандель. О «постполитике» в эпоху «постнауки». Новые тенденции в электоральных процессах в странах Юго-Восточной Европы. ДИЕ РАН №410. М., 2024 г.
411. Энергетика Большого Средиземноморья. Отв. ред. Е.Г.Энтина. ДИЕ РАН №411. М., 2024 г.
412. Италия в кризисном мире: политика, экономика, общество. Отв. ред. Е.С.Алексеевкова. ДИЕ РАН №412. М., 2024 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2022–2024

- 396 A.A.Sindeev. «Classic problems» of common European security in the works of Russian political scientists. Reports of the IE RAS, №396. M., 2022.
397. Politics, economics and security of the modern Arctic (to the 25th anniversary of the Arctic council). Ed. by V.P.Zhuravel. Reports of the IE RAS, №397. M., 2022.
398. «Soft power» in the Black Sea – Mediterranean region. Ed. by E.G.Entina. Reports of the IE RAS, №398. M., 2023.
399. The UK-2022: change of prime ministers, change of monarch. Ed. by O.V.Okhoshin. Reports of the IE RAS, №399. M., 2023.
400. Germany. 2022. Part 1. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №400. M., 2023.
401. Germany. 2022. Part 2. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №401. M., 2023.
402. Yu.I.Rubinsky, A.A.Sindeev. Evolution of the Franco-German tandem. Reports of the IE RAS, №402. M., 2023.
403. Ethnic politics: conflict, migration, and electoral process. Ed. by P.V.Oskolkov. Reports of the IE RAS, №403. M., 2023.
404. New developments in the European economy. Ed. by A.I.Bazhan. Reports of the IE RAS, №404. M., 2023.
405. Visegrad countries against the backdrop of the Ukrainian crisis. Ed. by L.N. Shishelina. Reports of the IE RAS, №405. M., 2023.
406. Dialogue of power and civil society (European experience). Ed. by A.A.Kanunnikov, R.N.Lunkin. Reports of the IE RAS, №406. M., 2023.
407. R.M.Plyusnin. Finland in world trade. Factors of integration and globalization. Reports of the IE RAS, №407. M., 2024.
408. Germany. 2023. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №408. M., 2024.
409. N.M.Mezhevich, V.V.Shimov. Belarus: transformation and modernization. Results of post-soviet development. Reports of the IE RAS, №409. M., 2024.
410. P.E.Kandel. About «post-politics» in the era of «post-science». New trends in electoral processes in the countries of South-Eastern Europe. Reports of the IE RAS, №410. M., 2024.
411. The energy issues of the Greater Mediterranean. Ed. by E.G.Entina. Reports of the IE RAS, №411. M., 2024.
412. Italy in the turbulent world: politics, economy and society. Ed. by E.S.Alekseenkova. Reports of the IE RAS, №412. M., 2024.

Научное издание

**ЭТНИЧНОСТЬ, МИГРАЦИОННЫЕ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ**

Монография

Доклады Института Европы
№ 413

Подписано в печать 31.10.2024. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,25
Тираж 300 экз. Заказ № NV_157

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96
E-mail: europe-ins@mail.ru, web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ООО «Типография Форпринт»
г. Москва, ул. Брянский пост, д. 5А.
тел.: +7 (495) 211-38-33

